

Владимир Ильич Контровский Утробный рык Дракона

Батальон богов – 4

«Утробный рык Дракона»: АСТ, Северо-Запад Пресс; М.; 2007
ISBN 978-5-17-042181-7, 978-5-93698-360-3, 978-985-16-1350-8

Аннотация

Вторая Мировая война шла не только на Земле, но и в других измерениях. Создание атомного оружия, исчезновение наследия Эйнштейна, балансирование человечества на грани ядерной катастрофы во времена «холодной войны» и вызревающее новое противостояние – историю Земли творят не только люди. Могущественные силы извне вмешиваются в ход многих реальных исторических событий, преследуя свои цели. И Зверь, рождённый волей холодного нечеловеческого разума, ещё способен испустить УТРОБНЫЙ РЫК ДРАКОНА.

Владимир Контровский

«Утробный рык Дракона»

...Прошлое интересно не само по себе, а тем, как оно может быть связано с настоящим и особенно с будущим.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЁРНЫЙ ПОТОК

Каменный пол под ногами ошутимо подрагивал, и по тяжкому своду над головами пробегала конвульсивная дрожь. Багровое пламя костра, освещавшее лица сидевших у огня людей – точнее, не людей, а эсков, – также вздрагивало в такт сотрясавшим твердь глухим ударам стихий. Иногда откуда-то сверху срывались мелкие камешки, цокали по крутым спинам валунов, громоздящихся в уходящих во тьму, за границу освещённого круга

проходах, и исчезали в темноте.

Снаружи, за пределами притаившейся в недрах горы пещеры, сплеталась в ярящемся танце мощь всех Первооснов: исполинские смерчи скручивали в тугие спирали потоки Воздуха, грохочущие каменные лавины – судороги Земли – оставляли глубокие борозды-шрамы, раскалённые клинки Огня навыворот пробивали древние скалы, взбесившиеся массы Воды рушились громадными волнами на утёсы. И над всем этим корчащимся Миром, над небом, распоротым слепящими зигзагами ветвистых молний, прошивали сплетение измерений нити изощрённых заклятий, сотворённых воздействующей на плоть Мироздания совокупностью целеустремлённых, могущественных и совершенных магических Разумов.

Шестнадцать Сущностей у костра, шестнадцать эсков-Магов в изначально-привычном, человеческом облике, шестнадцать Голубых Хранителей Жизни Объединения Пяти Доменов сидели неподвижно и молча, вслушиваясь в биение пульса Познаваемой Вселенной. А сама пещера, и огонь в ней, да и весь этот Мир с его небом, горами и морем возникли по их воле: в той форме, которую придала этому сотворённому временному Миру владевшая Магами обеспокоенность. Бесстрастность сверхсуществ Высшей Расы стала зеркалом, отразившим в виде беснующихся стихий вполне реальную угрозу, таившуюся до срока и заявившую о себе только сейчас, когда ядовитые зёрна Зла уже дали свои отравные всходы. Гнев Магов воплотился в буйстве вселенской Силы: так раздражённый чем-то человек с размаху грохает кулаком по деревянной столешнице.

Все собравшиеся в укромном, необнаружимом немагически (да и не существующем вне чародейства) гроте эски-Маги имели высокие колдовские ранги: четырнадцать Старших крыльев фратрий Ночи и Ливня и две Главы этих двух фратрий. Двух из семи фратрий наследственного домена Королевы Эн-Риэнанты, дочери великой Звёздной Владычицы Таэоны, положившей начало Объединению Пяти, и Коувилла, Фиолетового Мага.

Звёздные Валькирии (среди присутствующих были и женщины, и мужчины, но «Валькирии» – это одно из общих, без различий Инь-Янь, самоназваний этой магической расы) хранили молчание. Слова не нужны сверхсуществам, и звуковая речь применяется ими лишь в качестве ритуального средства общения между собой, как дань одной из великого множества традиций, – или же для контактов с Юными Разумными. А в данном случае не требовался и прямой мыслеобмен – все Маги уже знали, почему и зачем они здесь собрались.

...Чёрные Разрушители осуществили своё Проникновение в Мире Третьей планеты системы Жёлтой звезды...

Никому из Голубых Магов-Хранителей и в голову не пришло бы искать виновных в этом событии среди своих сестёр и братьев. Вечное Противостояние Добра и Зла, Созидания и Разрушения потому и вечно, что победы одной из противоборствующих сторон сменяются её же поражениями. Слишком долго безмятежность царила в той области Познаваемой Вселенной, которая контролировалась Магами Пяти Доменов. Выплеск назревал, и Чёрные на сей раз переиграли своих извечных противников, оказались более умелыми и добились своего. А вот надолго добились или нет, и сколь страшны и разрушительны будут последствия Проникновения Адептов Зла – это уже зависело от конкретных ответных действий Звёздных Владычиц. И не только от этого...

Шестнадцать Хранителей поддерживали состояние внутренней отрешённости и не спешили высказываться ещё и потому, что они ждали ещё одну Магиню – саму Эн-Риэнанту. У Звёздной Королевы, пересыпающей в ладонях десятки и сотни Миров, хватает забот, но она обещала прибыть (и послала весть об этом). Звёздная Владычица будет здесь не только потому, что беда пришла в её собственный домен: всё, что так или иначе касалось Третьей, всегда было очень важным для Эн-Риэнанты. Ведь именно там, на этой планете, пресеклись магические воплощения Эндара и Натэны, и именно там, в Мире Третьей, шёл начатый Королевой Поиск.

Шестнадцать Голубых Магов, сидевших полуколем у магического костра, ждали. Бился в судорогах облечённый по их воле плотью Временный Мир; выплетали огнистый узор яркие языки чародейного бездымного пламени; и стекали в бездну Вечности капли

Времени...

Взоры всех собравшихся одновременно сошлись на серой, обрамлённой бахромой сталактитов гранитной стене, перед которой полыхал костёр. Поверхность стены – идеально гладкая, слишком гладкая для естественного образования, – задрожала и чуть выгнулась, словно зеркало воды, из-под которой всплывает что-то огромное. В камне прорисовались очертания человеческой фигуры, и миг спустя Эн-Риэнанта одним плавным движением ступила прямо в пламя.

Звёздная Амазонка совершила боевую трансформацию: её пружинисто-гибкое тело облегла от шеи до пят голубовато-серебристая защитная одежда, за спиной трепетал птичьим крылом короткий плащ цвета чистого летнего неба. Голову Хранительницы венчала небольшая диадема, из-под которой спадали на плечи густые и волнистые чёрные волосы. Нет такого материала, который, не будучи подкреплён магией, устоит перед силой соответствующего атакующего заклятья; но удар меча или стрелы, или даже лазерного луча кольчуга или кажущийся воздушно-непрочным плащ Звёздной Амазонки выдержат с лёгкостью. А магия – защитная магия – уже была взведена, и способный видеть различил бы контуры накинутаго на эскиню заклинания, прикрывавшего и тело, и кажущуюся незащищённой голову.

Материальная форма оружия у Магов Высших Рас – как, например, клинок на поясе Королевы или её доспехи – всегда служила отправной и опорной точкой для сотворения невероятных по мощи оборонительных и наступательных боевых заклятий. Голубую Молнию удобнее метнуть с лезвия – концентрация Силы выше; и колдовской щит сподручнее наложить на те же латы. И почти всегда эски предпочитали холодное оружие, наследие седых времён – технические устройства вносят погрешности в тонкую и точную вязь заклинаний.

Магиня стояла среди коснувшихся её облитых серебристой чешуёй ног лепестков пламени. Колдовской огонь бессильно и безвредно лизал магическую защиту, и алые блики, падая на холодную голубизну металла, приобретали фиолетовый оттенок. Королева помнила, кем была её мать, но она также знала, кто её отец. Эн-Риэнанта шагнула к ожидавшим её, чуть прикрыла глаза, и сознания всех Магов синхронно, без принуждения, распахнулись для восприятия, понимания и общения: так цветы раскрываются навстречу первым лучам утреннего солнца.

Никаких внешних признаков почитания выказано не было – творящим и разрушающим Миры нет нужды в подобострастных поклонах. Прибыла первая среди равных – и легко читаемые ауры Голубых Хранителей спокойно отметили это как существующую данность. Следуя этикету, эски встали при появлении Звёздной Владычицы и Королевы Объединения Пяти и сели только после того, как Эн-Риэнанта опустила на приготовленное для неё место в середине полукруга, между Торис, Главой фратрии Ливня, и Кавэллой, Главой фратрии Ночи. Окраинная система Жёлтой звезды Привычного Мира Галактики располагалась на стыке зон ответственности этих фратрий, и Кавэлле с Торис в первую очередь следовало беспокоиться происходящим там.

– Королева, – голос Торис был спокоен и размерен, словно речь шла не более чем о смягчении климата в каком-нибудь из Новорождённых Миров, – нам следует признать, что Чёрным Разрушителям на этот раз удалось добиться самого серьёзного успеха за последние двести лет.¹

Голубая Магиня протянула над огнём тонкую, обманчиво-хрупкую руку ладонью вверх. На её ладони возник голубоватый шар, укрупнился, обрёл чёткость и начал медленно поворачиваться – сделались различимыми океаны и материки. На значительной области самого большого материка расплзлось багрово-чёрное пятно: в тело Третьей планеты

¹ Эски оперируют привычным для них летоисчислением – стандартными годами. Соотношение с земным временем – примерно один к тридцати/

вошла глубокая заноза, скорее даже наконечник отравленной стрелы. А над зловещей опухолью подрагивало лёгкое серебристое облачко, сплошь пронизанное чёрными нитями, сочащимися красным. Торис сильная Магиня, и сотворённый ею образ был предельно понятным.

– Несущие Зло предприняли астральную атаку, используя быстрораспадающиеся Тени, способные влиять как на разумы отдельных людей, так и на эгрегор всего народа в целом. После неоднократных трёпок, которые мы раз за разом задавали Чёрным в прошлом, они сменили тактику: отказались от вторжений на физическом уровне с образованием собственных стационарных Гнёзд в Обитаемых Мирах. Мы научились находить такие Гнёзда и уничтожать их – если не удавалось перехватить Вечного Врага ещё на начальном этапе Проникновения. С Тенями же, не оставляющими следов, нам раньше не доводилось сталкиваться, и, естественно, потребовалось какое-то время для составления нужных Заклятий Распознавания. – Глава фратрии Ливня замолчала, и тогда заговорила Кавэлла – в той же бесстрастной манере, присущей всем эскам в любых ситуациях.

– План Проникновения разрабатывался, готовился и начал осуществляться чёрными эсками давно: по крайней мере, в течение нескольких лет. И Торис права, – я с уверенностью к ней присоединяюсь, – мы никогда не встречались с подобным. Разрушители никому ничего не навязывали – они тонко и умело воспользовались извечной мечтой всех Носителей Разума – мечтой о Всеобщем Счастье. Дети Зла просто чуть подкорректировали естественный ход событий в нужном им направлении, устраняя мешавшие факторы и усиливая помогавшие. При этом использовалась сильнейшая и великолепно замаскированная магическая поддержка – уровень пущенного в ход чародейства оказался необычайно высок. Прошло немало времени, пока мы только лишь заметили слабые отзвуки какой-то странной волшбы. И поэтому...

– Узловые моменты осуществления Плана Тёмных? Удалось ли их выявить? – Эн-Ризнанта произнесла эти слова чуть-чуть суше, чем обычно. В отношениях Второй Звёздной Королевы с «родственницей» присутствовала еле заметная неприязнь, скорее даже некая отчуждённость. Тому были свои причины, а столь незначительные эмоции посещают и эсков – и нередко.

– Даже врагу, – если его действия отточены и умелы, – следует отдавать должное. – От Кавэллы не ускользнул холодок в голосе Королевы, но Глава фратрии Ночи никак на это не отреагировала. Она давно свыклась с этим, да и важность происходящего отодвигала на задний план всё личное. – Маги-Разрушители действовали мастерски. Они выбрали наиболее перспективную страну, народ, прошедший через множество тяжчайших испытаний, не раз стоявший на краю гибели и обладающий высочайшим духовным потенциалом, и готовились тщательно, без излишней и неоправданной спешки. Мы встревожились только тогда, когда после поражения Выбранной страны в войне с Островной империей события стали развиваться несколько нестандартно. Но затем нас отвлекли загадочные обстоятельства гибели над Третьей планетой крейсера Технодетей,² и мы связали всё случившееся именно с активностью галактиан. Эта была наша ключевая ошибка – моя ошибка, Королева.

– Анализ ошибок подождёт, Кавэлла, – холодно обронила Звёздная Владычица. – Сейчас надо выяснить, что можно и нужно сделать для того, чтобы свести к минимуму масштабы последствий Проникновения.

– Да, Королева, – согласилась Глава фратрии, – это важнее. Вспышка произошла в ходе большой войны, разразившейся в Мире Третьей планеты через полгода после столь несчастливой для Выбранной страны войны с островитянами. Эта война – достаточно типичная, кстати, для Юных Миров – втянула в свою орбиту почти все развитые страны Третьей; затем в нескольких государствах произошли вполне естественные революционные изменения. В Выбранной же стране – теперь её с полным правом можно назвать Захваченной

² Об этом в романе «Вкрадчивый шёпот Демона»

– последовал взрыв. И только тогда мы отметили присутствие там магии – Чёрной Магии. Но было уже поздно.

Голубой шар на ладони Торис продолжал своё медленное вращение, и глаза Магов следили за чёрно-красным нарывом на его светящемся боку.

– Я был там, Королева, был совсем недавно, – чуть глуховатый голос принадлежал на этот раз мужчине, Янь-существу по имени Грольф, Старшему одного из крыльев фратрии Ночи. Этот жёлтый эск когда-то был вольным Странником-по-Мирам, Атаманом ватаги – до тех пор, пока брак с голубой Инь-Ворожеей не привёл его в домен Эн-Риэнанты, который и стал для Звёздного Бродяги домом. Сильный Маг и умелый боец, он занял надлежащее место в иерархии Амазонок, сделавшись в конце концов Старшим крыла вместо собственной жены. И странное дело – брак Викинга с Валькирией из-за этого не распался, а наоборот, упрочился, лишний раз подтверждая известный Инь-постулат: «Любовь превыше всего!». Но Звёздные Владычицы никогда не являлись сторонницами оголтелого феминизма и умели признавать таланты Мага независимо от его половой принадлежности.

– Я был там, в Мире Третьей планеты системы Жёлтой звезды, – повторил Грольф, – и то, что происходит в Захваченной стране... Это страшно, Королева. И дело вовсе не в количестве физически уничтоженных Носителей Разума – история Юных Миров полна чудовищными гекатомбами. Проникновение затронуло духовную сферу, эгрегор огромного народа, – при этих словах Маг указал на дрожащее над моделью Торис серебряное облачко, затянутое чёрной паутиной. – Идёт планомерное и целенаправленное истребление всего разумного, что смеет мыслить наперекор навязанному стереотипу, подготовка механизма, предназначенного для одной-единственной цели – для дальнейшего Распространения.

Сокрушаться по этому поводу не время и не место, но из вышесказанного можно сделать вполне определённый и важный вывод: атака таких масштабов, да ещё так скрытно осуществлённая, могла быть произведена только значительным числом Чёрных Магов – никак не меньше батальона. И при этом, по моему мнению, требовалась мощная постоянная магическая поддержка. Более того, я считаю, что эта подпитка продолжает существовать – без этого такое воздействие на эгрегор многомиллионного народа попросту невозможно. Значит...

– Значит, они здесь, – подытожила Эн-Риэнанта. – Спасибо, Грольф. Остаётся вопрос: а где именно? Почему наши патрули, наконец-то нащупавшие следы чёрных чар, не обнаружили самих Разрушителей? Их нет ни в Мире Третьей планеты, ни где-нибудь поблизости – скажем, в близлежащих звёздных системах Привычного Мира Галактики или в сцепленных Реальностях. Астрал? Ни один Маг из Высших не сможет столь долгий срок пребывать в гиперпространстве. Он – они – вынуждены будут периодически покидать Астрал, и я не верю, что ни один подобный выход не был замечен Хранителями моего домена. Изменённые? Они самостоятельно не способны на чародейство высокого, нет, высочайшего уровня. Нет и ещё раз нет: авторы этого Проникновения где-то здесь, рядом. Но тогда где же они, эти Дети Зла? Где может скрываться почти сотня чёрных эсков? И не просто скрываться, а продолжать действовать, оставаясь при этом незамеченными!

– *Лабиринты* ... – мысль эта вертелась на уме у многих из присутствующих (включая саму Эн-Риэнанту), но Кавэлла оказалась первой, кто придал ей законченную форму.

На этот раз Звёздная Королева почувствовала к Главе фратрии Ночи уважение – семейные раздоры таковыми и останутся, не более того, а вот что касается серьёзных дел... Не будь Королева Пяти одновременно и Владычицей своего домена, ею, Владычицей, непременно стала бы Кавэлла. И какой только каприз Вечнотворящего (или Хаоса?) наделил их обоих – и Кавэлла, и Принца, – непомерным эгоцентризмом и чрезмерной даже для эсков-Магов приверженностью к личной свободе (так, как они эту категорию понимали)?

Лабиринты... Ну конечно же, Лабиринты!

Барьер Миров – это понятие чёткое и строго определённое в системе категорий Мироздания; просто Носителю Разума Юной Расы, далёкой от понимания сути Познаваемой Вселенной, достаточно затруднительно представить себе с полной ясностью, что же всё-таки являет собой Граница.

Нет необходимости, насилуя фотонные или ядерные двигатели какого-то сложного летательного устройства, технического аппарата, передвигаться на субсветовой скорости сквозь чёрную межзвёздную пустоту годы и десятилетия только для того, чтобы уткнуться в конце концов в некую прозрачную стену. Миры сочленены, вставлены один в другой, словно многокомпонентные фигурки, которые встречаются у самых разных Рас. Барьер Миров и бесконечно далёк, и одновременно рядом, на расстоянии вытянутой руки. Но для того, чтобы пройти через Границу и оказаться вне Привычного Мира, нужно владеть Знанием. И кроме того, то, что между Мирами, заполняет многомерная Псевдореальность, а перемещаться в гиперпространстве – Астрале – и выходить из него там, где нужно идущему, тоже надо уметь.

Шагнуть за Барьер Миров можно практически везде, но существуют определённые вселенские законы, согласно которым где-то это сделать легко, а где-то (например, там, где огромные массы организованной материи слагают планеты, звёзды и Миры) почти невозможно из-за непомерных затрат энергии – Силы, – требующейся для преодоления Границы. Для Магов чрезвычайно важен и уровень чародейства: недаром во всех Высших Расах (за исключением, пожалуй, Серебряных Всеведущих) рядовые и младшие офицеры, как правило, не могли в одиночку надлежащим образом скоординировать потоки Силы для наложения Заклятья Перехода – им просто-напросто не хватало колдовского опыта и умения.

Барьер Миров невероятно прочен – даже чудовищная мощь Абсолютного Оружия лишь косвенно задевает Сопредельные Реальности, рассеиваясь в Астрале, – и столь же невероятно тонок: не существует времени нахождения «на» Границе – ты или «до» неё, или уже «за» ней. Однако Миры – как и всё в Познаваемой Вселенной и в Мироздании вообще – движутся, скользят и перемещаются относительно друг друга. И иногда получается так, что тончайшая плёнка Барьера сминается, сморщивается, образует несколько слоёв, между которыми возникают странные области причудливо перемешанных многомерных (в два, три и более измерений) обрывков самых различных Реальностей и Астрала. Так образуются Лабиринты.

О существовании Лабиринтов знали уже Древние – первая из Высших Магических Рас, о которой сохранились хоть сколько-нибудь достоверные сведения. Вероятнее всего, однажды при самом обычном преодолении Границы Миров Чародеи незапамятных времён вместо того, чтобы совершить привычное путешествие, оказались вдруг непонятно где. И доподлинно неизвестно, во сколько жизней обошлась очень приблизительная разгадка тайны Лабиринтов.

С тех давних пор мудрейшие из Магов так и не сумели узнать о Лабиринтах больше того, что вызнали о них в своё время Древние. Лабиринты возникали по Закону Хаотичной Случайности, существовали, видоизменяясь, неопределённое время, а затем исчезали, распадались, сглаживались очередной взаимоподвижкой Миров. Предвидеть и предсказать появление где-либо очередных Лабиринтов оказалось столь же сложной задачей, как спрогнозировать рождение Лавины Хаоса. Находиться внутри Лабиринтов – именно Лабиринтов, любая такая «сморщенность» состояла из множества, – было невероятно трудно из-за почти полной потери магической ориентации, и выкарабкаться оттуда также стоило немалых трудов. К счастью, Лабиринты на Границе Миров встречались крайне редко; хотя опытные Маги всегда предпочитали совершать Переход, имея под рукой некоторый запас Силы на всякий случай, чтобы выбраться из такой «колдобины». Имелись сведения, что иногда в Лабиринтах погибали корабли Технолидеров – там любые машины и технические устройства напрочь отказывали, работала лишь изощрённая магия.

Единственными, кому удалось извлечь из факта существования Лабиринтов

практическую пользу, оказались чёрные эски. Разрушители – вероятно, используя пленных Магов-Всеведущих, – сумели приноровиться к природе Лабиринтов и даже научились устраиваться внутри них. У каждой Высшей Расы свои тайные знания.

Лабиринты очень трудно обнаружить – особенно если они вдобавок магически закамouflированы. Лабиринты сделались излюбленным местом тайных Засад, устраиваемых Несущими Зло, и даже Алые Воители предпочитали не связываться с Разрушителями внутри «складок» Границы Миров. И вот теперь, судя по всему, Тёмные уже умеют магически воздействовать «изнутри» Лабиринтов «наружу».

Все Маги, присутствовавшие на совете в пещере Временного Мира (переставшего существовать сразу же по окончании совета), согласились с Кавэллой. И совсем не потому, что в сообществах эсков ценилось трогательное единодушие и пиетет к высказываниям вышестоящих, – напротив, ценностью высшего порядка у сверхсуществ считалась свобода разума, – просто Глава фратрии Ночи действительно была права.

Гораздо больше времени заняло обсуждение деталей: что и как следует делать. «Найти – атаковать – уничтожить» – реализация этой простой формулы, принятой у тех же Магов-Воителей, вряд ли могла быть так запросто применена в данном конкретном случае. И Эн-Ризнанта, вернувшись в свой Ключевой Мир и оставшись одна, продолжала размышлять.

Найти – ну, с этим ясно (более-менее ясно, следует уточнить). Поиск местонахождения Лабиринтов сложен, он требует координированных усилий большого числа Волшебников и использования специальных заклятий. Все Мудрые Синклита уже работают как одержимые, перебирая тысячи вариантов чар и тут же проверяя их на практике. Хорошо, что имеются две небольшие подсказки: искомые Лабиринты должны быть расположены относительно недалеко (в радиусе эффективного действия направленного на манипулирование эгрегором колдовства) и населены – ведь там, если предположение верно, таятся десятки Разрушителей.

Магический же Разум, сам по себе являясь величиной вселенского масштаба, обладает неотъемлемым свойством «светиться», коль скоро он пребывает в состоянии активного действия. Да, конечно, к прочёсыванию окрестностей Третьей планеты придётся привлечь сотни и сотни, нет, даже тысячи Звёздных Валькирий, большую часть Магов фратрий Ночи и Ливня. Может быть, и этого окажется недостаточно – ну что ж, подбросим. В принципе, вычисление этих зловредных Лабиринтов будет всего лишь вопросом времени – хотя, несомненно, очень и очень желательно как можно меньшего времени. Ведь есть ещё одна зацепка: Поток Волшбы.

Как там говорил Грольф? «Поддержание многочисленного народа в состоянии непрерывного подвига, всеобщей оголтелой отрешённости от простого человеческого ради не имеющей чёткого силуэта идеи Абсолютного Счастья для потомков непременно требует мощнейшего постоянного потока колдовской энергии, совершенно точно ориентированной именно на такое воздействие. А поток с такими параметрами невозможно спрятать бесследно: какая-то часть Силы неизбежно будет просачиваться. Значит, эту утечку можно засечь». Умница Грольф... Так что найти, надо полагать, найдём.

Атаковать и уничтожить – вот с этим не так просто, хотя согласно произведённой Мудрыми оценке ситуации, успешные действия Несущих Зло значительно сместили Равновесие в их сторону, так что можно было почти не опасаться проявления Неожиданного, способного помочь Адептам Разрушения. Звёздные Владычицы никогда не сражались в Лабиринтах и не имели соответствующего боевого магического опыта. Укрывающийся в Засаде Вечный Враг, прекрасно освоившийся среди свитых в перепутанный клубок ошмётков измерений, имеет перед нападающими все преимущества. Он может наносить внезапные удары с тех «направлений», о самом существовании которых у только что проникшего в Лабиринты ещё нет ни малейшего представления. И даже подавляющее численное превосходство в этом случае вряд ли поможет избежать тяжелейших потерь.

Алые Воители, неоднократно сталкивавшиеся в Складках Барьера Миров с Чёрным, при всём своём непревзойдённом умении вынесли из этих стычек достаточно горький урок: избегать – если не будет на то самой крайней необходимости – боёв с Несущими Зло в

Лабиринтах. Но сейчас, похоже, как раз и наступила та самая *крайняя* необходимость...

На совете кто-то из Хранителей предложить выжечь всю область Мироздания, занятую проклятыми Лабиринтами (после их обнаружения, разумеется), Абсолютным Оружием. Идея неплохая, но...

Абсолютное Оружие слепо в своей всеокрушающей силе: применение его на «стыке» Миров может иметь непредсказуемые последствия. Например, могут сместиться Оси Движения соседних Реальностей; одна из них проникнет в «тело» другой, и что тогда произойдёт, неведомо никому – разве что Вечнотворящему Разуму. Лекарство окажется страшнее болезни... Внутри же Лабиринтов это оружие, как ни странно, малоэффективно – протяжённость псевдопространства на отдельных участках, ограниченных Складками, невелика. Сама же ткань Барьера Миров играет роль отражающего экрана, и тогда Абсолютное Оружие в первую очередь станет опасным для того, кто пустил его в ход.

Нет, придётся прорываться внутрь, прогрызать один Лабиринт за другим, выкуривать оттуда Разрушителей и не считать потерь. Сколько жертв... И надо ещё учесть вампирскую особенность воздействия боевой магии Чёрных и немедленно выводить поражённых из сферы боя, пока сестра или брат не превратятся во врага и не ударят заклатьем в спину.

Что-то ещё смутно тревожило Эн-Риэнанту, когда она думала о предстоящей атаке на Лабиринты. И вдруг она с пугающей ясностью поняла, что именно: её брат. Принц Та-Эр.

* * *

...Когда мать и отец Энны прервали свои воплощения, спасая Третью планету, у Принца ещё не было имени. По традиции Звёздных Владычиц Та-Эром его нарекла старшая сестра. Следуя всё тем же традициям, Энна, ставшая уже Эн-Риэнантой, вполне искренне постаралась заменить Принцу мать – хотя в родительской опеке эски почти не нуждаются. Рудимент прошлого: спустя много лет Та-Эр так и остался для Второй Королевы Малышом (не взирая на то, что разница между тремястами пятидесятью и тремястами десятью стандартными годами совсем не существенна).

Сам же Принц Та-Эр очень быстро Малышом быть перестал и достаточно энергично воспротивился воспитательной функции, которую возложила на себя его сестра. Принц лелеял отцовскую мечту о создании собственного отряда Магов-воинов исключительно из Янь-Существ, однако не слишком преуспел в деле её воплощения в жизнь из-за стереотипов, сложившихся среди Хранителей, и из-за отсутствия у него самого должного упорства в достижении намеченной цели.

Тогда Принц сдружился с Янтарными Викингами и с их Ярлом Гардом, сыном Сигрид и Сварда. Их отцы когда-то сражались бок о бок против Амазонок Владычицы Кариссы в Пограничном Мире и против Оголтелых Серебряных в Мире Обители,³ характеры обоих эсков оказались схожими, и дружба Гарда и Та-Эра крепла год от года. Принцу понравились длительные походы Бродяг-по-Мирам в самые укромные уголки Познаваемой Вселенной и пьянящее чувство опасности и узнавания нового, сопровождавшее его в этих странствиях.

Эн-Риэнанта, свыкшаяся с ролью матери (своих детей у Звёздной Королевы не было), попыталась выбить из брата вирус бродяжничества путём брака, и Кавэлла была выбрана ею как самая подходящая кандидатура. Звёздная Владычица преследовала одновременно и другую цель: обезопасить себя от возможных властных притязаний очень способной Магини.

Но матримониальным планам Королевы Пяти Доменов не суждено было увенчаться успехом. Между Принцем и Главой фратрии Ночи возникла симпатия, даже привязанность, они вступили в брак, но настоящая любовь так и не пришла. Разводиться супруги не стали:

³ Роман «Горький привкус власти»

они просто жили каждый своей жизнью. Кавэлла непринуждённо, в духе истинной Инь-Ворожеи, меняла любовников (поговаривали даже, что ей удалось соблазнить забредшего в этот уголок Познаваемой Вселенной Аббата Серебряных); её муж находил удовольствие в непродолжительных романах с жёлтыми эскинями. Далеко не всегда эти романы обрывались по инициативе самого Та-Эра: Эрита, сестра Гарда, родила от Принца двух дочерей (ставших впоследствии Звёздными Валькириями), но оставила возлюбленного по собственной воле – как только решила, что их отношения ей более неинтересны.

Эн-Риэнанта, естественно, винила во всём Кавэллу (ни люди, ни эски не любят признавать собственную неправоту), и отношения двух сильнейших Колдуний Объединения Пяти сделались несколько натянутыми.

Дружба же Та-Эра и Гарда ещё более укрепилась после того, как сама Королева пренебрегла искренним чувством Ярла Янтарных Викингов и отвергла его предложение руки и сердца, удовлетворившись всего лишь короткой тантрической связью с Гардом. Как оказалось, жёлтый эск стал для Принца гораздо более близок, нежели родная сестра; Та-Эр обиделся за друга, и между Эн-Риэнантой и её братом тоже пролетела чёрная лярва.

Конечно, конфликт, в основе которого лежали взаимоотношения Инь и Янь, не мог быть слишком глубоким для эсков-Магов, в основной своей массе отрицавших моногамию, однако некоторая колючесть в общении между Гардом, Эн-Риэнантой, Та-Эром и Кавэллой возникла. К тому же любвеобильная Глава фратрии Ночи умудрилась демонстративно, на глазах у Королевы, увести с очередного празднества прямо в свою спальню Янтарного Ярла и даже не позаботилась накинуть на свои покои хотя бы символический флёр защитной магии. Ни одному Инь-Существу не придётся по вкусу, что её поклонником (пусть бывшим, пусть отвергнутым) пользуется другая. В этом нет никакой разницы между эскиней Высшей Магической Расы и простой смертной женщиной из рода людей.

А Принц Та-Эр – Принц остался самим собой. Снова уходил в глубь неизведанных Сцепленных Миров, охотился на Диких Тварей Астрала (просто так, из чисто спортивного интереса), первым лез туда, где даже самые отчаянные из Жёлтых Бродяг проявляли известную осторожность. Сына Эндара неудержимо манил запах опасности – тут-то дочь Натэны и поняла, что её беспокоит: Та-Эр ни в коем случае не останется в стороне от такого захватывающего предприятия, как рейд в недра Лабиринтов, кишашие достойными противниками. И это приключение запросто может стать для Принца последним. Предчувствие?

...Королева чуть раздражённо погасила никчёмные мысли. Не об этом надо сейчас думать! Вот-вот (она уже чувствовала это) должно прийти сообщение от Селианы. Мудрые стремились предельно сузить район предполагаемого расположения цели, отсеивая всё привычное и оставляя только неопознанное.

Перед внутренним взором Эн-Риэнанты разворачивалась феерическая картина: в чёрной тьме с наложенными на неё чуть мерцающими прозрачными сферами Сопредельных Реальностей льющимися струями голубых искр разворачивались крылья обеих фратрий Звёздных Владычиц. Так, Ливень, пять из семи: семнадцать с половиной сотен Воительниц. Фратрия Ночи: шесть крыльев почти в полном составе – свыше двух тысяч Магов. Меньше, конечно, чем в той памятной всему Объединению Пяти атаке на планету-убийцу, но много, очень много. Ага, вот и зов Селианы.

– Область прогнозированного с достаточно высокой точностью местонахождения искомым Лабиринтов фиксирована. – Королеве казалось иногда, что мыслеречь Мудрой чересчур изобилует терминами, употребление которых присуще скорее какому-нибудь учёному-Технолидеру, нежели Магу, но что поделаешь – свои причуды бывают и у Высших Рас.

Голубые водопады превращались в огромную сеть, охватывавшую своими ячейками громадную область Привычного Мира Галактики и дюжину Параллельных Миров. Сеть постепенно стягивалась – одна за другой гасли сферы тех Реальностей, в которых Мудрые ничего не обнаружили. Эн-Риэнанта не сомневалась: значит, там действительно ничего нет.

Селиана привлекла к плетению чар Мудрых всех пяти доменов Объединения, и если уж они гасили какую-то сферу в общей картине видения, то были уверены в правильности своих действий.

Сеть сужалась, и бесстрастный мыслеголос Верховной Мудрой сообщал Королеве всё уменьшающиеся размеры охваченного облавой пространства – но всё ещё гигантские по меркам любого Носителя Разума любой Юной Расы.

Из подозрительных Параллельных Реальностей – Магов Синклита интересовали не столько сами эти Миры, сколько их Границы, – осталось всего три. И тут к мириадам голубых капель внезапно и резко добавились две, нет, три пригоршни золотистых. Янтарные Викинги: три дружины – ещё двести сорок четыре боевых Мага. Ярл Гард тоже здесь, Королева видит его. Может быть, если бы между ними существовало нечто подобное тому, что связывало Тазону и Коувилла, Эн-Риэнанта тоже летела бы сейчас голубой каплей, узелком сети, стараясь занять место поближе к золотистому рою. А так – нет необходимости.

Масштаб бедствия не тот.

Стоп. Искателей двести сорок пять, а не двести сорок четыре, и одна из искр поблескивает фиолетовым. Принц Та-Эр... Да, да, этого она и ожидала. И боялась! Идёт в рядах одной из дружин. То ли с дочерью, то ли с сестрой (а может быть, с женой?) Тана этой дружины у Принца очередная любовь... Впрочем, не стоит себя обманывать: Та-Эр – сын своего отца – в любом случае оказался бы здесь, и никакие подружки тут не причём.

– Вот оно, Королева, – мыслеголос Селианы стал чуть громче; Мудрая почувствовала мгновенное смятение Эн-Риэнанты и вернула Звёздную Владычицу к действительности. – Смотри!

И дочь Тазоны увидела. Голубая (с примесью жёлтого) сеть охватывала сейчас не более четверти того пространства, которое она замкнула вначале. Мерцали призрачные Границы всего лишь двух Миров, смежных с Привычным Миром; и на них проступили ещё нечёткие очертания трёх – два на одном Барьере и один на другом – бурых уродливых наростов, похожих на комки присохшей к хрусталу затвердевшей грязи. Королева могла по достоинству оценить размах сотворённого Копящими Знание чародейства: даже отсюда, из своего относительного далека, Эн-Риэнанта ощущала дрожь плоти Мироздания от мощи заклинаний, от количества влитой в них колдовской Силы. Этой энергии было бы более чем достаточно для того, чтобы в мгновение ока превратить всю злополучную Третью планету системы Жёлтой звезды в мельчайшую тонкодисперсную пыль.

Облавная сеть стремительно перестраивалась, менялась, разделившись на три самостоятельных сектора: всё шло в полном соответствии с разработанным на совете в пещере планом. Звёздные Валькирии Торис – все пять крыльев – окружали самый крупный из обнаруженных Лабиринтов: неправильной формы, с несколькими причудливо искривлёнными ответвлениями. Всё верно – сама Королева поступила бы точно так же: эти Складки (из-за их размеров и опасной близости к системе Жёлтой звезды) в первую очередь претендуют на право быть теми самыми, искомыми. Хотя, конечно, одни только косвенные предположения ещё ни о чём не говорят – требуется прямое подтверждение.

– Эн-Риэнанта, там... – холодно-бесстрастная Мудрая, всегда изумительно владевшая собой и служившая примером самообладания для всех без исключения начинающих (и не только начинающих) Чародеек всего – без преувеличения – Объединения Пяти Доменов на этот раз и не думала таить торжество охотницы, наконец-то вознаграждённой за своё умение и долготерпение. – Это то, что мы искали: Поток Чёрной Волшбы!

Королева и сама уже увидела Поток: длинную полосу цвета раскалённого металла, багрово-чёрную, зловеще извивающуюся змеей тянущуюся через Первозданную Тьму открытого космоса и стирающую блеск звёзд. Селиана очень тонко чувствовала природу вещей и явлений: созданная ею форма видения наверняка полностью соответствовала жуткой сути кошмарной реки.

А начало кроваво-чёрный Поток брал не от «многоножки» самых больших Лабиринтов, а от другого, удалённого и совсем невзрачного на вид вздутия, абрис которого ещё не

проявился полностью. Но уже можно было заметить гнилостное свечение вокруг этой опухоли – несомненный след маскирующей магии. И ближайшими к этим Лабиринтам оказались кланы крыла фратрии Ночи, ведомого самой Кавэллой, и дружина Золотых Магов, в боевых порядках которой шёл Принц Та-Эр, брат Звёздной Владычицы и Королевы Эн-Риэнанты.

– Третьи Лабиринты пусты. – Селиана снова стала прежней Верховной Мудрой, знающей и делающей своё дело. – База Несущих Зло только одна: там.

Ясно различаемая выпуклость Лабиринтов – небольшая, но увесистая: видимо, ткань Границы Миров сложилась здесь не один раз, – окрасилась тёмным. Оттенки цвета менялись от пепельно-серого до иссиня-чёрного; иногда наружу прорывались багряные сполохи. И смыкался вокруг тайного прибежища Чёрных хоровод голубых и золотых огоньков – сотни искорок. И подтягивались к месту предстоящего боя остальные крылья фратрии Кавэллы и Янтарные Викинги Ярла Гарда.

– Достаточно точные данные о количестве Чёрных Магов внутри будут сразу же после вскрытия первого слоя Лабиринтов. Согласно предварительной оценке плотности магического Потока их там не более ста: скорее всего, батальон полного состава. Атаку можно начинать по завершении сферы охвата. Минимально рекомендуемое соотношение сил: один к десяти в пользу наступающих. Это даже не Астрал, Королева. Это Лабиринты.

Один к десяти. Значит, надо подтянуть не меньше трёх крыльев Звёздных Амазонок и пару дружин Искателей. Лучше даже больше, однако – фактор времени: Разрушители уже поняли (или вот-вот поймут), что раскрыты, и предпримут ответные шаги. И ещё неизвестно, удастся ли успешно реализовать двадцати-двадцатипятикратное численное превосходство в тесноте Лабиринтов – лучше уж последовать рекомендации Селианы.

– Далее. Поток Чёрной Волшбы имеет не только укрывающую, но и защитную магическую оболочку. Её следует сорвать или хотя бы изрешетить: тогда мы попробуем встроить свои заклятья в систему чар Несущих Зло. Возможно, это окажет требующееся нам воздействие непосредственно на Третью планете. Поток тоже нужно атаковать, атаковать одновременно с началом штурма самих Лабиринтов.

Нет, Селиана по праву Верховная Мудрая, да ещё с талантом военачальника. Нанести удар по Поток с тем, чтобы перекодировать его колдовскую начинку! Великолепная мысль! И сил для такой атаки вполне достаточно – вряд ли магическая «река», созданная для специальной цели, будет отстреливаться от нападающих сама по себе. Предоставим это Ливню, фратрии Торис...

В общую картину видения вошёл звук, похожий на раздражённое гудение осинового роя. Маги Синклита Мудрых чётко отслеживали реакцию Вечного Врага и не пропустили тот кратчайший миг, когда Разрушители поняли: их убежище открыто. Силуэт Лабиринтов тоже изменился – теперь он походил на напрягшуюся мышцу на поднимающейся для удара руке.

– Атаковать. – Пронзившая пространство лаконичная мысль Королевы Эн-Риэнанты содержала в себе всё: и кому атаковать, и что атаковать, и как атаковать. И получившие этот мыслеприказ его поняли.

* * *

Прошло всего около половины стандартного года – капля в Океане Времени – от того момента, когда Выбранная страна сделалась Захваченной, и до того, как на Третей планете стал вырывать чреватый очень далеко идущими последствиями глобальный конфликт.

Видимо, ещё не совсем осевшие дым и пыль от многочисленных разрывов и не окончательно рассеявшиеся удушливые облака боевых газов, загадившие небо над Европой после Первой Мировой войны, помешали разглядеть, что же за монстр такой вылупился из сатанинского яйца на руинах Российской империи. Впрочем, вряд ли стоит обвинять народы в недостатке прозорливости: мало ли всевозможных революций, мятежей и бунтов знала

история этого Юного Мира? Что тут такого уж особенного? Сколько раз беснующиеся толпы обездоленных, смяв защитников трона, рубили головы царям-королям, вешали на любой мало-мальски подходящей приспособе бояр-дворян, азартно делили золото-серебро, задирали юбки вопящим княгиням-герцогиням, жгли дворцы-хоромы и радостно кричали: «Свобода! Свобода!», страстно веруя при этом – наконец-то сбылось-свершилось! А после небывалой всемирной бойни где только не запыхало: и в Германии, и в бывшей Австро-Венгрии, и в Турции...

Достаточно близорукие соседи быстро успокоились, получив сиюминутную выгоду от устранения с планетной арены (а для человечества она была мировой) серьёзного соперника в беспощадной грызне за установившиеся в этом сообществе Носителей Разума приоритеты: за территории, природные богатства, сферы влияния и приложения капитала. За мировое господство – за этот древнейший и самый заманчивый приз, которым грезили как целые народы, так и отдельные личности в течение веков и тысячелетий.

Не было никакой войны четырнадцати держав против молодой Республики Советов: усилий одной-единственной страны, Франции или Великобритании, например, – будь эти усилия настоящими и широкомасштабными, – хватило бы для того, чтобы задавить гадёныша ещё в нежном возрасте.

Однако ни одна из этих стран надлежащих усилий не предприняла – воздействие Потока Чёрной Магии ненавязчиво парализовало и волю правителей, и даже элементарный инстинкт самосохранения. Против большевистской России не могли и не стали воевать, впервые столкнувшись в двадцатом веке с первобытной свирепой готовностью целого народа умирать и убивать во имя светлых идеалов, в которые этот народ истово уверовал. Чародейство высшей пробы...

Народ огромной страны, называвшейся Россия, веками бредущий по колено в грязи и крови, отмахивающийся топорами и рогатинами от накатывавшихся на страну со всех сторон света разномастных орд завоевателей – норманнов, печенегов, половцев, монголов, тевтонов, поляков, шведов, французов; народ, отогревавший орущих от голода детей у огня горящих от вражьих ядер изб; народ, прячущий под лохмотьями исполосованные барским кнутом спины, под длинными рукавами стёртые кандалами запястья и под надвинутыми на лицо шапками вырванные палаческими клещами ноздри; народ, продаваемый и покупаемый, замордованный до потери страха смерти, но всё-таки сохранивший в самой-самой глубине души своей святую и наивно-детскую веру в торжество справедливости для всех – этот народ поверил новоявленным пророкам и пошёл за ними. Выбор Несущих Зло оказался потрясающе удачным.

Именно из-за этого Белое движение было изначально обречено: любая жертвенность, любое боевое умение, любая отвага немногочисленных его адептов меркли перед равнодушным презрением к человеческой жизни и перед способностью идти всё дальше и дальше, спокойно переступая через трупы. Демон разрушения вырвался на свободу, и первой его жертвой пали хрупкие нравственные ценности. Когда же появились первые признаки отрезвления, было уже поздно. Да и невероятно трудно противостоять великолепно организованному и мощному влиянию без помощи извне.

Новые хозяева страны – Обращённые – действовали напористо и энергично, самым что ни на есть варварским и одновременно самым эффективным способом: единственным радикальным средством перевоспитания всех инакомыслящих (и думающих вообще) считалось их уничтожение. Человекопожирающая машина набирала обороты, загребая в свою ненасытную утробу наряду со всеми прочими и жрецов новой религии – заодно. Интересно, что эти, в подавляющем большинстве своём, воспринимали происходившее с ними со стоицизмом и умирали, восхваляя Идею. Духовная структура эгрегора России разрушалась...

Чудище росло и крепло, питаясь муками человеческими, обрастало мышцами и шипастой чешуёй, точило зубы и когти о кости бессчётных жертв и всё чаще плотоядно поглядывало по сторонам налитыми кровью глазами, примеряясь: а куда же прыгнуть

дальше, когда в логове станет тесновато?

Нельзя сказать, что Звёздные Владычицы ничего не предприняли, как только поняли, что Проникновение чёрных эсков на Третьей планете системы Жёлтой звезды стало свершившимся фактом. Но диапазон их допустимой активности был жёстко ограничен Вселенскими Законами – в первую очередь Принципом Равновесия, – тем более в условиях сохраняющегося чародейного воздействия Разрушителей на Мир Третьей. Поэтому-то Хранители прежде всего и взялись за нейтрализацию источника этого воздействия.

Чёрные же отнюдь не намеревались почивать на лаврах, они стремились закрепить и развить уже достигнутое. Маги-Разрушители очень быстро поняли, что осуществление Проникновения в планетарном масштабе – подчинение Захваченной страной всех прочих стран этого Мира своему диктату – будет попросту нереальной задачей. Основанная на рабском труде экономика Захваченной не сможет обеспечить этой стране военное превосходство над другими державами, с более совершенными системами производства и с более развитой наукой. Требовался сильный союзник, а дальше... Так ли уж важно, какая именно нация выполнит Задачу, лишь бы Задача эта была выполнена.

Первый блин – относительно небольшая страна на берегу тёплого Серединного моря с непомерными амбициями, унаследованными от славных предков, – вышел карикатурным комом. Для серьёзного дела потомки древних римлян совершенно не годились; и единственно полезным оказалось только то, что они внесли достаточно весомый вклад в воссоздание военно-морского флота Захваченной.

Зато в другой стране, испившей основную горечь поражения в Мировой войне, всё получилось. Разрушители не мудрствовали лукаво: наиболее надёжными схемами являются, как правило, уже успешно опробованные (естественно, соответствующим образом модифицированные). Времени у чёрных эсков на сей раз было гораздо меньше – Несущие Зло прекрасно понимали, что Звёздные Валькирии встревожены и бездействовать не будут.

В Униженной стране – Германии – сработал упрощённый вариант: оскорблённая Версальским мирным соглашением гордость воинственного народа, издревле огнём и мечом проходившего по землям всей Европы, требовала возмездия. Для терпкости питьё приправили ароматом скандинавских эпических саг и азами оккультных знаний Востока.

Адольф Гитлер стал рейхсканцлером и фюрером совершенно легитимно, не прибегая к насильственному захвату власти (как действовали большевики в России), но это было практически единственным отличием двух тоталитарных режимов, во всём остальном похожих, как братья-близнецы.⁴ Поэтому неудивительно, что военно-экономическое сотрудничество Советского Союза и Германии развивалось стремительно, а отношения этих двух стран всё более походили на союзнические. Лидеры же европейских держав уступали настырности лихих братьев-разбойников, уступали шаг за шагом, непонятно на что уповая.

Не остался без внимания и район самого большого из океанов планеты. Аппетиты Островной империи, поверившей в свои силы после феноменальной победы в русско-японской войне, очень даже выросли. Старейшая и сильнейшая Империя Всех Морей – Великобритания – уже миновала пик своего могущества и медленно, но неуклонно двигалась вниз. Потенциально лидирующая и выдвигающаяся на первое место Страна-между-Океанами – Североамериканские Штаты, – сказочно разбогатевшая на Первой мировой, собиралась гнуть ту же линию и впредь, отнюдь не стремясь ввязываться в кровавые разборки. Зачем, когда ощутимую выгоду можно получить и так? И вообще, шелест купюр гораздо более приятный звук, чем грохот пушек! Всякие же там Франции с Голландиями японцы вообще за противников не считали, достаточно резонно полагая, что для разгона их символических военно-морских сил на Дальнем Востоке хватит пары бортовых залпов любого из линкоров Объединённого Императорского флота. Оценив расклад, островитяне не

⁴ Даже названия правящих партий скалькированы: РСДРП – российская социал-демократическая рабочая партия, NSDAP – национал-социалистическая германская рабочая партия.

просто пускали слюнки на лакомые кусочки Индонезии и Индокитая – они всерьёз надеялись запустить в них зубы.

Древняя религия Японии – синтоизм – включала в себя элементы магических знаний. И кто-то среди продвинутых священников Страны Восходящего Солнца сумел почуять, что в русско-японской войне Боги были на их стороне. А раз так, то почему бы не ждать милости от Всемогущих и в дальнейшем?

Маги-Разрушители действовали быстро, умело и успешно, не забывая, тем не менее, подстраиваться под естественный ход событий (хоть и с меньшей скрупулёзностью, нежели в самом начале Проникновения, в России). И без них, возможно, на Третьей планете системы Жёлтой звезды запыхала бы Вторая мировая война – стандартные противоречия между странами никто не отменял, а разрушительность имевшегося в тот период у человечества оружия ещё не угрожала гибелью всей Земле в случае военного конфликта, – но вот вероятность возникновения красного и коричневого чудовищ была бы неизмеримо ниже...

Полковник Эддарис имел все основания быть довольным: предоставленный Майором Мегадером в последнем рапорте вероятностный прогноз развития событий на Третьей планете выглядел весьма перспективным.

...Захваченная и Униженная страны совместно с достаточной лёгкостью поглощают Европу, затем с помощью Островной империи рвут на куски сытую и богатую Страну-между-Океанами. Следом приходит очередь самой Японии – хотя бы под знаменем реванша за всю ту же русско-японскую войну и за захват германских колоний на Тихом океане в Первую мировую. А там – там пусть хоть красный зверь возьмёт верх, хоть коричневый: суть-то у обоих творений чёрной магии одна и та же! Планета будет новой отправной точкой Разрушения уже галактического масштаба!..

...Атака Голубых Магов-Хранителей на Лабиринты началась (по абсолютному времени Познаваемой Вселенной) в тот самый момент, когда войска Бенито Муссолини вступили в столицу Эфиопии Аддис-Абебу...

* * *

Прорыв внутрь Складок в принципе ничем не отличается от обычного перехода Барьера Миров. Сомкнувшийся «вокруг» Лабиринтов голубой водоворот выбросил плотные струйки: первые боевые семёрки Звёздных Валькирий в сомкнутом симметричном строю нырнули «под» подрагивающую «кожу» объекта атаки. Эн-Ризнанта ощутила укол боли и тотчас поняла, что это значит: первые потери. В самый миг Перехода любая Сущность, сколь угодно могущественная в магическом смысле, очень и очень уязвима. Королева пока не видела происходящего внутри штурмуемой крепости, но уже знала: бой будет тяжким.

Чёрные Маги накрыли нападающих веерами убийственных заклятий. Кое-где тёмные дымные полосы – следы чар, Мудрые сделали вражескую магию видимой, – просочились наружу, но здесь колдовство Несущих Зло бессильно гасло, задавленное далеко превосходящей мощью защитного чародейства Звёздных Владычиц. Самый надёжный способ одержать победу – это взять числом.

Общая картина разворачивающегося побоища изменилась. Контурсы осаждаемой голубыми эсками Крепости-в-Лабиринтах укрупнились, заняв значительную часть всего видения. Затем Складки стали прозрачными, и стало видно, что творится «за», «под» и «между» ними.

Большая часть ограниченных смятой Границей обрывков пространства Реальностей и Астрала обозначилась на возникшем перед внутренним взором Королевы многомерном видении однотонно-матовым цветом: неопределённо. Но кое-где сектора внутренностей Лабиринтов высветились серебристой сеткой – в тех местах, где атакующие прорвались. Теперь Эн-Ризнанта видела и по специфике окраски могла оценить, с чем столкнулись её Маги в том или ином Лабиринте. Расположение линий и их направления свидетельствовали

о мерности различных участков, вкрапления ключев гиперпространства выглядели серыми аморфными пятнами. И всюду – всюду – видимые части Лабиринтов были густо простроены колючей чёрной штриховкой. «Кавэлла недосчитается многих...» – подумала Звёздная Владычица и тут же услышала холодный мыслеголос Селианы:

– Передовые кланы фратрии Ночи попали под сильную магию прямо на Барьере. Двадцать семь погибших, тридцать три выбитых, восемьдесят пять отброшенных обратно. Штурм начат с одиннадцати направлений, в шести точках удалось не только прорваться, но и закрепиться внутри Лабиринтов. Степень противодействия Разрушителей примерно равна ожидавшейся. Точное число Чёрных Магов не установлено.

Не установлено... Ещё бы, их даже не видно! Единственное свидетельство присутствия Вечного Врага – это непрерывно полосующие боевые порядки Амазонок жгучие струи Чёрного Дождя. Под его ядовитыми бичами голубые искры на Барьере гаснут одна за другой, и только уже пройдя Границу и перестроив свои потрёпанные ряды, Хранительницы могут хоть как-то противостоять Злой Магии – хотя бы защищаться...

Полководец отслеживает общий ход сражения, он определяет стратегию войны и тактику боя, но он не может подсказать каждому бойцу, когда тому нужно отпустить тетиву туго натянутого лука или как ловчее достать остриём меча сочленение вражеских лат – это дело самих воинов и военачальников там, в гуще схватки. Глава фратрии, её Старшие крыльев и Вожди кланов достаточно сведущи в искусстве магического противоборства...

Голубая волна отхлынула. В битву уже втянулись три из шести крыльев Кавэллы, и около двух сотен Звёздных Валькирий пробились внутрь Лабиринтов. Размеры проявленных участков медленно увеличивались: Голубые Маги отжимали противника от Барьера, чтобы избежать ненужных потерь на переходе и получать подкрепления беспрепятственно. А снаружи умело руководимые Хранители – Эн-Риэнанта заметила Грольфа и саму Кавэллу – перегруппировывались, снимая силы с бесперспективных направлений и концентрируясь там, где наметился успех. Чёрный Дождь внезапно прекратился.

– Разрушители отошли и затаились. На пяти очищенных участках мы натолкнулись на следующий Изгиб ткани Барьера Миров, в шестом секторе продвижение продолжается. Противник молчит. На первой фазе боя было отмечено участие не менее чем пятидесяти Тёмных Магов.

Следующий Изгиб – это значит, что снова потребуется осуществлять переход. Это значит, что снова Чёрные Маги будут почти безнаказанно (вряд ли на настоящий момент удалось серьёзно зацепить кого-нибудь из них, Селиана не замедлила бы порадовать таким приятным известием) расстреливать Голубых. И никто пока не может сказать, сколько ещё таких Изгибов впереди...

Да, потери ощутимы, но в целом – по отношению к общей численности задействованных Магов-Хранителей, – незначительны. Пока Разрушители сумели приостановить натиск Звёздных Владычиц не в большей степени, чем плетень напор штормового ветра. И ещё – у Торис дела идут гораздо успешнее!

Эн-Риэнанта переориентировала внимание, и то, что предстало её магическому взору, живо напомнило виденное Королевой в раннем-раннем детстве.

...Маленькая Энна склонила голову над узкой тропкой в лесу, присыпанной мелким желтоватым песком. По тропке несколько десятков шустрых муравьёв, напрягаясь и упираясь всеми лапками, волокут огромную гусеницу. Гусеница беззвучно кричит, извивается всем своим уродливым щетинистым телом, но поделаться ровным счётом ничего не может. Муравьи одолевают...

Деловитое потрошение Звёздными Валькириями Чёрного Потока действительно походило на то, что проделывали муравьи с гусеницей. Прекрасно скоординированный удар полутора тысяч Магов-Хранителей вскрыл гигантское тело Потока во многих местах. Багрово-чёрные ключья защитной оболочки, сорванные хлещущими извивами Голубых Молний, разлетаются во все стороны и быстро тают, словно тонкий лёд в кипятке. Обнажилось нутро магической пуповины, сплошь перевитое разнокалиберными

зеленоватыми жилами, по которым пробегают быстрые вереницы тусклых огоньков. Предметное отображение мощнейшей Магии Воздействия впечатляет: чёрные эски не прекращают подпитку своего чародейства – для них слишком важно то, что происходит на Третьей. А у нас для вас сюрприз...

Вдоль вскрытого тела Потока одна за другой стали возникать цепочки светящихся голубым светом конусов. Каждый конус образовывала боевая семёрка, и остриями своими эти конусы обращены были к Потоку. Затем из вершин – от Предводительниц – начали вырастать льдисто поблескивающие иглы. Эти иглы прошли Первородную Тьму и с безошибочной точностью вонзились туда, куда требовалось: в дрожащие от натуги зеленоватые жилы Злой Волшбы. И по иглам в жилы Потока быстро-быстро закапали густые синие капли...

Неописуемая мощь сотворяемого прямо на глазах, за кратчайшее время, сложнейшего и изощрённейшего заклинания Высшего Порядка заволаговывала. Селиана взяла силу не только всех Мудрых, но и привлекла многие тысячи самых лучших Волшебниц всего Объединения Пяти. Даже сама Эн-Ризнанта – почти невольно – вкладывала добрую толику своих немалых колдовских сил и способностей в это исцеляющее чародейство.

«Как всё-таки хорошо, – подумала Звёздная Королева, – что Селиана напрочь лишена властолюбия – иначе она запросто могла бы стать очень опасной претенденткой на трон... Какая несвоевременная, однако, мысль... И глупая. Селиана была лучшей подругой Тазоны-Натэны, она отдаёт каждый свободный миг Поиску Пропавших Душ, и она никогда не причинит дочери Первой Королевы ни малейшего вреда – наоборот, сделает всё, чтобы ей помочь. Ведь именно благодаря Главе Синклита Мудрых, ставшей при совсем юной – по меркам сверхсуществ – Энне регентшей после прекращения воплощения Тазоны, Принцесса и стала Второй Королевой Объединения Пяти. Ситуация-то вокруг трона тогда, триста пятьдесят лет назад, была очень даже неоднозначной...». Эн-Ризнанта почувствовала неловкость, но быстро взяла себя в руки и вернулась к Лабиринтам – с Потоком всё ясно, лишь бы перепрограммирование подействовало там, на Третьей планете.

Обстановка в Складках почти не изменилась: пять секторов пройдены вдоль и поперёк. Они пусты, но просмотр продолжается во избежание непредвиденного. Высвеченный шестой сектор вырос, он занимает уже почти четверть протяжённости всех Лабиринтов и больше половины проявленного. Кавэлла не теряла времени даром – она уже там, внутри, прошла без потерь контролируемый участок Границы с сотней своих Амазонок. Грольф подтянул новые отряды к прочим точкам прорыва, однако, похоже, решающее направление, направление главного удара, определилось. Глава фратрии далеко не юная девочка, пьянеющая от схватки, – она наверняка всё взвесила, прежде чем лезть в гущу драки самой. Чёрные молчат. Только бы...

И тут Эн-Ризнанту пронзила резкая боль – неизбежная плата за возможность воспринимать всё происходящее непосредственно.

Почти всё пространство ключевого участка атаки мгновенно залило кроваво-красным, слизнувшим серебристую сетку, и в этом зловещем огне пугающе быстро, одна за другой, стали тонуть голубые искорки Звёздных Валькирий из числа тех, кто уже прорвался и был уже вроде как совсем не беззащитен.

Дальнейшее уложилось всего в несколько невероятно долгих мгновений.

Со скоростью, не доступной никакой думающей машине, но достигаемой лишь совершеннейшим надчеловеческим, магическим и слитым в единое целое общим сознанием, Мудрые разобрались в том, что именно произошло.

– Пространство переменной мерности. Блуждающее измерение. Редчайший случай, наблюдающийся только при разжижении ткани Реальности Астралом. В пределах подконтрольной Объединению Пяти Доменов области Познаваемой Вселенной за весь сохранённый Памятью Расы Хранителей Жизни исторический период подобный феномен ни разу не фиксировался.

Понятно. Разрушители не обращали внимания на все прорывы, кроме затронувшего

центр Складок. В «тупиковых» ответвлениях далеко не заберёшься, есть желание поиграть в подвижную мишень – ломись через очередной Изгиб. А на ключевом, просторном участке, зная о его переменной мерности, Чёрные Маги подготовили простую, но потрясающе действенную ловушку. Любая магическая защита перекрывает все измерения, но только лишь известные. Удар, наносимый вдоль неведомой оси, неотразим, и могущественный Маг в этом случае так же незащищён, как потерявший раковину моллюск перед острыми зубами хищной рыбы. И стоило только отборным боевым семёркам Кавэллы втянуться в Засаду, как Несущие Зло именно такой удар и нанесли.

Но едва ли не быстрее, чем поступил доклад Селианы, Звёздная Королева поняла, что жадная красная топь проглотила всё-таки не всех попавших в Засаду Хранительниц. Около тридцати Звёздных Валькирий выстояли – на пределе мастерства, – сбились в тугой и плотный, ошетилившийся волшбой клубок и продолжали держаться под секущими взблесками Чёрных Лезвий. Сквозь багровеющую муть проступили аспидно-чёрные тени. Ну вот, наконец-то: Вечный Враг соизволил явить лик свой...

А снаружи, в открытом пространстве Привычного Мира, Грольф уже нацеливал таранящий строй из многих сотен голубых эсков на тусклую скорлупу Лабиринтов, спеша спасти гибнущих своих. Отдельные отчаянные разрозненные броски ближайших к точке прорыва семёрок и кланов оканчивались ничем: атакующих неизменно отбрасывало обратно.

– Потери: погибло сто шестьдесят шесть Магов. Тридцать три... тридцать две Хранительницы отбиваются в кольце. Разрушители сотворили Отражающее Заклятье вдоль Границы Лабиринтов. Подпитка Потока Чёрной Магии быстро слабеет, но Поток пока существует. Наложение на него наших Изменяющих Заклинаний проведено успешно – воздействие на эгрегоры Третьей планеты скорректировано. Несущие Зло задействовали практически все свои запасы аккумулированной Силы. Во второй фазе боя приняли участие свыше семидесяти Чёрных Магов. Пятеро... шестеро уничтожены. Наши общие потери – свыше двухсот павших и до полусотни пострадавших от брызг Чёрного Яда.

Тактика Адептов Зла стала предельно ясной. Цена штурма – сорок-пятьдесят к одному – оказалась непомерно высокой для Звёздных Владычиц. Эдак можно запросто положить в этих гнусных трущобах всех Хранительниц обеих брошенных в битву фратрий вместе с дружинами Янтарных – таких побед нам не надо! Разрушители намеревались заставить наступающих оплачивать слишком большой кровью каждый шаг вперёд, измотать их до предела и отойти, оставив врагу пустые Складки. Но, вероятно, какие-то дополнительные штрихи управляющего воздействия ещё не доведены, Чёрным непременно требуется завершить своё творение – поэтому-то они так упорно держали Поток, несмотря на отчаянную потребность в энергии для обороны собственно Лабиринтов.

И выдержавшие удар в спину лучшие Магини фратрии Ночи для Тёмных сейчас как кость в горле или как нож в боку. Ресурсы располагаемой Силы у Разрушителей тают (хоть и хлещет она сейчас там обильно, но её ещё надо собрать), а Отражающее Заклятье может не выдержать концентрированной атаки Грольфа. Тогда отступать будет поздно, да и некуда.

Магические сверхчувства голубой эскини обострились до предела. Королева сейчас знала наперед – Дети Зла бросятся врукопашную, у них просто нет другого выхода. И времени размышлять тоже уже нет.

Подчиняясь могучей воле Звёздной Владычицы, картина видения битвы сузилась до единственного – но самого важного – своего фрагмента.

...Кроваво-чёрная грязь под ногами и низкое, ненастоящее, блеклое небо над головой. Оступиться и провалиться в эту грязь хуже смерти – исчезнешь без следа. А вокруг плывут, сменяя друг друга, какие-то призрачные образы: то ли камнекристаллы, то ли растения, то ли многолапые твари. Месиво осколков измерений...

...Из низко стелющегося чёрно-зелёного пара вышагивают навстречу зловещие, закованные в воронёную сталь ото лба до пят фигуры. Это уже не призраки. Это – они. Маги-Разрушители. Их много – несколько десятков. Вдвое больше, чем сестёр-соратниц за твоей спиной. И многие из Магинь ранены, и сил у них хватает лишь на то, чтобы сдержать

злую пульсацию Чёрного Яда в ранах...

...Враги – мертвящие тёмные силуэты – приближаются, скользят, скрытые ниже пояса шипящими клубами мерзкого тумана, и непонятно даже, что у них вместо ног. Однако времени задумываться над этим нет, поскольку оживает Мрак на лезвиях чёрных мечей, и быстрыми атакующими змеями летят над слоем пара-тумана чёрные стрелы. И надо успеть отбить нацеливающуюся со всех сторон Смерть...

...Этот, с каменным лицом и пустыми холодными глазами, – твой. Он ведёт Тёмных Магов, и он не должен выйти живым из боя, даже если бой этот будет проигран Звёздными Валькириями. И ты поднимаешь свой собственный меч, привычно не ощущая лишней тяжести в руке...

Эн-Риэнанта почувствовала, что ей стало трудно дышать. Как это, оказывается, тяжело: смотреть глазами того, кто уже видит приближение собственной гибели. Легче самой кружиться в танце клинков, среди падающих мёртвых тел. Грольф не успеет – там всё кончится гораздо быстрее, и исход неравной схватки предрешён. Чёрные закроют брешь, и всё начнётся сначала...

Столб слепящего золотого света пробил бесцветное псевдонебо Центра Складок, и Эн-Риэнанта с ощущением валящегося куда-то в бездну сердца увидела горящие холодной боевой яростью глаза Принца Та-Эра. Она успела увидеть и многое другое: и падающих на тела сражённых врагов Голубых Амазонок; и залитое кровью прекрасное лицо Кавэллы, всаживающей уже обломанный меч под подбородок предводителю Чёрных Разрушителей; и две длинные чёрные стрелы, вонзившиеся в грудь и в спину Главы фратрии Ночи. Но более Королева Объединения Пяти уже не увидела ничего: поток слепяще-белого, незамутнённого пламени смыл всё вокруг...

Смежные Миры дрогнули.

Звёздная Владычица прикрыла глаза, бессознательно не желая видеть того, что будет дальше. Однако долг Хранительницы быстро взял верх над мгновенной слабостью, и разум продолжал исправно воспринимать бесстрастно творимую Мудрыми общую картину битвы.

Белая вспышка высветила до последних закоулков весь Центр Лабиринтов. Граница Миров сложилась здесь широким пологом, замкнув между своими слоями изрядное пространство, обильно настигнутое всей той требухой, которая оторвалась от смежных Реальностей и Междумирья в процессе подвижки и рождения Складок. Ближе к краям Лабиринтов Барьер снова неоднократно сминался, образуя всё новые и новые полости, вплоть до крохотных, а в Центре возник настоящий шатёр – целый Мир скромных размеров. Очень своеобразный Мир с очень неприятными свойствами и особенностями...

Но теперь этот Мир умер – мгновенной насильственной смертью. Абсолютное Оружие выжгло всё его малопонятное содержимое дотла. Складки полога схлопнулись, впечатались друг в друга с такой силой, что вновь стали тем единым целым, чем были Вечнотворящий знает когда. Сотрясение наверняка вызвало не слишком благотворные последствия для обеих Реальностей (в первую очередь для Параллельной), между которыми существовали Складки, и для близлежащих районов Междумирья; но так же наверняка можно было сказать – и Мудрые скажут – последствия эти апокалиптическими не будут.

Лабиринтов больше не было. Остались жалкие руины, кое-где с «начинкой», но уже явно не представлявшие интереса из-за своих незначительных размеров. И срок жизни этих Руин будет краток: астральные бури обглодают шероховатость и вылизут Границу Миров до её исходного состояния – времени на это (по меркам Мироздания) потребуется не так много.

Поток Чёрной Волшбы иссяк, как только рухнули Лабиринты.

С того мига, как Королеву настигла боль, и до того, как всё кончилось, прошло всего лишь семь секунд абсолютного времени.

Звёздная Владычица вдруг ощутила опустошающую усталость.

– Мальчишка... – прошептала она. – Безумец... Зачем?

Эн-Риэнанта понимала, что её слышат, но отнюдь не собиралась на сей раз таить свои эмоции. К Хаосу! Маг Высшей Расы не машина. Эски когда-то – до Великой Трансмутации –

были людьми, и человеческое осталось (и останется!) основой этих совершенных существ. Да, они избавились от мешающих слабостей, но не стали узкопрагматичными созданиями, бытиё которых пресно и монотонно. Управление Мирозданием при помощи собственного сознания потребовало от эсков-Магов высочайшей степени внутреннего самоконтроля, но не превратило их в чарогенерирующие биологические устройства.

И ещё дочь Натэны и внука Тенэи поймала себя на мысли, которая доставила ей странное мрачное удовлетворение: «А неплохо было бы пройтись по всей поверхности этой проклятой Третьей планеты, взявшей моду лишать Королеву самых близких ей существ – сначала матери и отца, потом брата, – очистительным голубым огнём, избавив тем самым этот Мир от наросшей там за тысячелетия плесени. Пусть останется мёртвый каменный шар, потом придут Зелёные Дарители, и всё начнётся сначала...».

Но Эн-Риэнанта тут же уничтожила эту мысль, не дав ей пустить корни в своём сознании и образовать пусть даже отдалённое подобие мыслеформы.

Такие мысли для Голубого Мага-Хранителя Жизни недопустимы.

* * *

Звёздная Владычица медленно поднялась с кресла, сотворённого в форме согнутой человеческой ладони так, что пальцы образовывали спинку, выпрямилась, запрокинула голову и широко развела руки в стороны.

Потоки звёздного света, струи колдовской Силы лились через Мироздание, и Голубая Магиня вслушивалась в них и впитывала их.

Трое сидевших перед Эн-Риэнантой эсков терпеливо ждали, пока она завершит свой обязательный ритуал.

Необходимости в созыве расширенного совета на этот раз не было. Королева призвала всего троих: Селиану, Торис и Грольфа, ставшего Главой фратрии Ночи после гибели Кавэллы – после её необратимой гибели.

Творить для этой встречи очередной временный мир также не потребовалось – Маги встретились прямо в межзвёздной пустоте: там, где назначила Владычица. Эн-Риэнанта могла бы принять сородичей и во Дворце, но она недолго любила сооружения и избегала пребывания в них – по мере возможности.

Среди же звёзд Эн-Риэнанта – истинное дитя древней расы Звёздных Амазонок – всегда чувствовала себя превосходно. Ощущение единения со всей Познаваемой Вселенной, осознание себя её неотъемлемой составной частью переполняло Королеву в такие минуты со звенящей пронзительностью. И именно здесь она с особой остротой понимала подлинный смысл словосочетания «Звёздная Владычица». А несложное чародейство предоставляло всё требуемое для нормального функционирования белковой оболочки в открытом космосе без дополнительного вмешательства разума – не отвлекаться же каждый раз, когда физическому телу станет несколько некомфортно.

Эн-Риэнанта вернулась из бездн, вновь опустилась в кресло – еле слышно прошуршало платье – и взглянула на сидевших перед ней Голубых Магов.

– Селиана.

– Мы заплатили высокую цену за разрушение Лабиринтов, Королева, но не чрезмерно высокую. Пресеклись инкарнации двухсот сорока трёх эсков, и из них для пятидесяти семи – навсегда. – Верховная Мудрая вытолкнула безнадёжное слово «навсегда» с видимым усилием.

– Так много? – удивилась Звёздная Владычица. – Мне показалось, что у Кавэллы оставалось гораздо меньше бойцов перед тем, как Та-Эр...

– Часть Душ не успела завершить Уход в Тонкий Мир до взрыва – из-за специфики Лабиринтов – и осталась в пределах досягаемости Абсолютного Оружия.

Селиана замолчала, словно давая остальным время для осмысления сказанного ею.

Нужды в этом не было, магическому совершенному разуму не требуется время для полного понимания услышанного, точнее, требуется, но исчезающе малое время. Волшебница из Мудрых просто отдала дань скорби.

– Трое раненых, – продолжила она, – совершили добровольный Уход, спасая свои Первичные Матрицы от неустраиваемых мутаций. Остальных мы выходим – всех. У Викингов потерь нет – Гард прикрывал Торис и не участвовал в штурме Складок, а Принц Та-Эр ворвался в Центр Лабиринтов один.

– Один?

– Один, Королева. Нет, изначально он проламывал Отражающий Слой соединёнными усилиями целой дружины Янтарных Искателей, но затем оставил Бродяг-по-Мирам вне Лабиринтов. Для «прокола» Слоя – красивое чародейство – у одного Та-Эра не хватило бы только своей собственной Силы (не говоря уже об активации заклятья Абсолютного Оружия такой мощи), и он использовал совокупную. Он с самого начала знал, что сделает, – я прочла это, – и не хотел никого тянуть за собой в Полное Небытие. У него была Душа Звёздного Викинга.

«В прямом и в переносном смысле, – подумала Эн-Риэнанта. – Я знаю это, Селиана, знаю. Он проделал полный просмотр своих былых воплощений – очень кропотливая работа даже для сильного Мага, – и я сама помогала ему. Тогда мы с Та-Эром лучше понимали друг друга – куда лучше... Кого там – в ленте реинкарнаций – только не было! Даже какое-то экзотическое астральное существо... Был и желтый эск, Маг-Искатель, Атаман ватаги, добегавшийся по Дорогам Миров до логичного завершения своего суматошного воплощения где-то в наших краях... Как странно: жить вместе с Кавэллой брат не смог, а вот умереть сумел. И как умереть!».

– Взятием Лабиринтов с относительно приемлемыми потерями мы обязаны именно Принцу. – Селиана прочла мысль Королевы и была с ней полностью согласна. – Если бы не он, я даже затрудняюсь сказать, сколько ещё жизней взяли бы Несущие Зло. Разрушители уничтожены все – до единого.

Селиана произнесла последнюю фразу уверенно и твёрдо, однако Эн-Риэнанте почудилась мгновенно промелькнувшая тень сомнения в голосе Главы Синклита.

– И сколько же именно?

– Валькирии Кавэллы убили десятерых. Остальные... – Нет, Королеве не показалось: тлела, тлела в сознании Верховной Мудрой крохотная, еле заметная искорка неуверенности в полной истинности своих слов. – Точно подсчитать всех уничтоженных Разрушителей невозможно. Абсолютное Оружие трупов не оставляет, Королева, – даже астральных трупов. Я лишь могу сказать, что в ударе из Засады участвовало семьдесят два Чёрных Мага. До того самого мига, когда в Центре Складок забушевало Всепожирающее Пламя, никто из них оттуда не перемещался – это достоверно установлено. Поэтому напрашивается вывод: потери противника составили семьдесят два бойца. От Абсолютного Оружия в точке его применения защиты нет – на то оно и Абсолютное. Уцелеть не мог никто.

«Относительно приемлемые потери, – Эн-Риэнанта мысленно поморщилась, – три к одному! Даже четыре к одному, если учесть обожжённых Ядом. При боевом столкновении в любом из Миров, в открытом космосе, в Привычном Пространстве без малого четыре тысячи Голубых не оставили бы от такой жалкой кучки Чёрных (шесть дюжин, тьфу, говорить не о чем!) даже пепла. И при этом без малейшего риска, что у кого-то из Звёздных Валькирий хотя бы чуть-чуть пострадает причёска... Но, как сказала Селиана Мудрая, – это даже не Астрал, это Лабиринты. Однако что же всё-таки за неуверенность промелькнула в её голосе? Иллюстрация к древней истине „Чем больше знаешь, тем больше места для сомнений“?».

– Кто не сомневается, тот ошибается, Королева, – бесстрастно произнесла Верховная Мудрая. – После боя мы прочесали окрестности Руин частым гребнем – никого и ничего. О тщательности просмотра может свидетельствовать тот факт, что были засечены два Вестника, – невероятно само по себе, – и одного из них удалось даже подвергнуть полному распаду. За всё время штурма ни один чёрный эск Лабиринтов не покидал, и больше

семидесяти двух Разрушителей в битве не участвовало. Если у них и были резервы, то Несущие Зло непременно задействовали бы все силы в критический момент – когда Кавэлла закрепились внутри Складок. Это первое. И во-вторых: если бы кто-то и пережил штурм в каком-нибудь из тупиковых ответвлений, то мы непременно нашли бы этого «кого-то» по завершении операции. Разум не укроешь бесследно, даже если он не проявляет магической активности. Да и прятаться в Руинах особо не спрячешься – негде. Там тесновато, Королева.

А беспокоит меня – и ты это заметила – сущая мелочь. Батальон полного состава – основное оперативно-тактическое соединение у Чёрных Магов-Разрушителей – состоит из девяти взводов по девять Магов-бойцов в каждом. Итого восемьдесят один. Командир батальона – Майор – иногда бывает восемьдесят вторым, иногда одновременно является командиром одного из взводов. Меня смущает число семьдесят два. Чёрные обычно пополняют потери при первой возможности; кроме того, семьдесят два – это ровно восемь взводов. Где девятый? Мне не нравится такое совпадение, Королева. Хотя, наверно, я всего лишь перестраховываюсь. Привычка. По штурму Лабиринтов у меня всё.

– А по трепанации Потока Магии? – На губах Эн-Ризнанты появилась лёгкая улыбка, и Селиана улыбнулась тоже, смывая некоторое напряжение, возникшее среди Хранителей после высказанных Мудрой соображений о численности и потерях Вечного Врага.

– Наши потери в этой хирургической операции равны нулю. Имплантация в Поток Изменяющих Заклятий прошла без сучка без задоринки. С Магами Объединения Пяти приятно творить чары, Королева. Одни мои Мудрые с такой грандиозной задачей ни за что бы не справились.

О результатах говорить пока рано, они проявятся со временем. Конечно, уповать на полное снятие воздействия, на Пробуждение не стоит: Чёрные Чары изливались на Третью планету годами, а противоядие действовало в течение очень короткого периода времени – минуты, не более того. Однако дозу мы ввели драконью, да и сутью нашего колдовства было не замещение существовавшего воздействия каким-то принципиально иным, а изменение его содержания, пусть даже незначительное – на первый взгляд.

Чем сложнее система чар, тем легче её покачнуть, испортив одно-единственное звено. Это одна из магических аксиом, которые Ученики усваивают на первом году Обучения. Простой пример – думаю, каждый из вас, – Селиана бросила быстрый взгляд на Грольфа и Торис, потом на саму Королеву, – в своё время испытал такое: вы творите материальный объект на основе мыслеформы. Незначительная ошибка из тех, которые так часто совершают начинающие из-за недостатка колдовского опыта – и вместо птицы получаем кактус с крыльями. Ясно, что такая грубая нестыковка редко имеет место даже у неофитов, но вот по мелочам – чешуя вместо пуха или там лишний коготь – это сколько угодно. А мы, работая с Поток, внесли погрешность умышленно и целенаправленно. План Разрушителей даст сбой – обязательно. Я уверена в этом.

– Магия Предвидения?

– Нет, Королева, Логика Магии.

«Она всегда добавляет „Королева“ при обращении ко мне в официальной обстановке. Звёздная Владычица от физического тела до кетерного. И становится совсем другой вне ритуальных рамок – я для неё снова Энна... Мать умела выбирать себе подруг... Когда я отдыхаю одна в пустоте, в спокойнейшем месте своего собственного домена, то обязательно четыре боевые семёрки Синклита – есть у Мудрых свои „спецподразделения“, ведь даже среди эсков случаются требующие третейского суда споры, – хранят мой отдых в строю классического тетраэдра, стараясь при этом не особо попадаться мне на глаза. И это тоже Селиана, Селиана Заботливая...».

Глава Синклита Мудрых внимательно посмотрела Королеве в глаза, однако ничего не сказала и отвела взгляд.

– Достаточно, Селиана, – подытожила Эн-Ризнанта, переводя взгляд на Торис. – Что скажет Ливень?

– Добавить что-то существенное к уже сказанному Верховной Мудрой о работе над

Потоком Волшбы не берусь – она изложила предмет предельно доходчиво.

«Красивый у неё голос, – отметила Королева, слушая Главу фратрии Ливня. – Одна из сильнейших Инь-Ворожей моего домена или даже всего Объединения...».

– Прочёсыванием Руин занимались мы с Гардом – всем ведомы способности Бродяг-по-Мирам по части отыскания чего угодно. Там не было существ – ни разумных, ни вообще никаких. Да и быть не могло – естественнообитаемых Лабиринтов не существует, даже астральные твари гибнут при подвижке Миров. Что же до «поселенцев», то после удара Принца их не осталось: ни живых, ни мёртвых, ни во плоти, ни в фантомном облики. Даже Теней мы не встретили. Следов магии или просто присутствия Разума – никаких.

Кстати, Вестника, о котором говорила Мудрая, сбил сам Золотой Ярл. Хороший стрелок... – Торис чуть опустила густые длинные ресницы, но Королева успела заметить мелькнувший в глазах Главы фратрии Ливня огонёк. – Мы договорились с Янтарным Магом о патрулировании – он и сам не прочь лишний раз полазить в Руинах, ему это кажется интересным.

«Похоже, ты с Жёлтым Викингом договорилась не только о патрулировании, и он не прочь лишний раз полазить не в Руинах, а совсем в другом месте – ему наверняка это покажется ещё более интересным...».

Торис не слышала прикрытых магией мыслей Королевы (Селиана всё-таки уникальная Магиня, таких единицы) и спокойно закончила:

– Я слышала сомнения Мудрой, Королева, и я не спущу чар с Руин и их окрестностей. И воины Ярла Гарда помогут мне в этом – ведь Принц Та-Эр был его другом.

«И не только поэтому, – подумала Эн-Ризнанта. – Ты оставила своего последнего мужа три года назад – самое время подумать о подходящей новой партии, ведь статус Главы фратрии требует известного обрамления. А Инь-Ворожея есть Инь-Ворожея – это уже навсегда».

Но говорить об этом она не стала – совет Магов не вечеринка с вином и танцами, где можно позлословить о своём былом воздыхателе. Вместо этого Королева сухо уронила:

– Грольф.

– Я буду краток, Королева. За Третьей планетой необходимо следить непрерывно и многоракурсно. Это моё дело: я знаком уже с этим Миром – и с тем, что там посеяно, – не понаслышке. Мне бы очень не хотелось, чтобы Проникновение доросло до галактического уровня, не говоря уже о вселенском. Тогда Третьей непременно заинтересуются Алые, а у Воителей разговор короткий – в системе Жёлтой звезды мигом станет на одну планету меньше. Изменения, о которых говорила Мудрая, проявятся – важно их заметить. Вовремя.

«Жёсток, уверен в себе. Сильный Маг – фратрия, знавшая Кавэллу, просто не признала бы Главой слабого. Эск другой Расы, Янь-существо, и тем не менее – настоящий Звёздный Владыка. Даже отец был консортом, но отнюдь не Королём в обход матери. А этот – сам. И ещё он как-то очень по-мужски взглянул пару раз на...» – но тут Королева спохватилась и затоптала крамольную мысль. Не хватало ещё, чтобы Наставница, ставшая Энне второй матерью, прочла в мыслях своей бывшей Ученицы кое-что ненужное! Например, то, что от Эн-Ризнанты не укрылся мгновенный обмен взглядами между Грольфом и... Селианой! Есть темы-табу. Сплетни к образу Верховной Мудрой не липнут – это вам не Торис!

...Когда трое Магов покинули её, и Эн-Ризнанта осталась одна, она снова перебрала узловые моменты совета и в целом осталась довольна. Если Мир Третьей планеты удастся удержать на краю пропасти, то сотни голубых эсков – и её брат в том числе – погибли в Лабиринтах не зря.

Лёгкое неудовольствие Королевы вызвало лишь несколько чрезмерное и хаотичное, по её мнению, появление у неё мыслей фривольного характера в не самый подходящий для этого момент. Замуж сходить, что ли? Тантрическая магия очень помогает в таких случаях...

Зато когда Эн-Ризнанта уже перемещалась в свой домашний мир – Ключевой Мир – под эскортом стражей Синклита, у неё зародилась мысль, достойная Звёздной Владычицы.

«Отец рассказывал, что когда он угодил под Лавину, его не могли отыскать даже Алые

– искра Разума не фиксировалась. Правда, это была Лавина, и отца забросило куда-то за тридевять Миров, на задворки Познаваемой Вселенной, но всё-таки – факт есть факт. Значит, сомнения Селианы могут оказаться не такими уж и беспочвенными?».

* * *

Пламя магического факела выхватывало из тьмы Башни лишь костистое лицо Тёмного Мага с хрящеватым тонким носом и бледно-голубыми глазами – очертания всей его фигуры терялись в темноте. Игра света и тени превращала это лицо в жуткое и очень точное подобие багрово-тёмного мёртвого черепа.

«Армия Мрака лишилась славного солдата, – думал чёрный эск, – а я потерял лучшего командира батальона. Когда эта фурия уже распарывала ему аорту, Мегадер успел бросить Вестника – и не одного, а трёх. Добрался, правда, всего один – другие, наверно, просто не успели покинуть Лабиринты до того, как там разверзлась преисподняя. Какое совершенное Разрушение! Как жаль, что на овладение нами Абсолютным Оружием наложен Вечный Запрет...

Зато мы преуспели кое в чём другом. Серебряные Всеведущие – самые ценные пленники из всех, кто когда-либо попадали в наши тенёта. Ловить их непросто, но добыча того стоит – надо только уметь её потрошить. А я умею...

Абсолютный Сон... Этот секрет – дополненный секретом формирования Кокона – стоит едва ли не всех тайн свойств материи в Лабиринтах. Кажется, первые схемы этого заклинания составили ещё Оголтелые пятьсот лет назад, а Кокон появился совсем недавно. Полезная вещь, очень полезная. Майор всегда рассчитывал на несколько ходов вперёд, и он допускал, что Складки могут быть взяты штурмом. И сделал всё от него зависящее, чтобы в конечном счёте превратить поражение в победу – сделал заранее. Кокон можно искать бесконечно долго, но так и не найти – без ключевых чар.

И сам Кокон, и спящее в нём Абсолютным Сном существо находятся вне Познаваемой Вселенной и никак с ней не взаимодействуют. Они как бы существуют в своей собственной миниатюрной Вселенной, и кроме них там больше никого нет и быть не может. Разум, основным отличительным признаком которого была, есть и будет способность к Познанию Окружающего, выключен – если Сущность в Коконе находится в состоянии Абсолютного Сна. А в этом случае о существовании такого Разума узнать практически невозможно. Всё очень просто...

Чисто теоретически можно себе представить, что некто, бредя пешком сквозь Миры, спотыкается вдруг о какой-то взгорок и начинает разбираться, что да как, однако на деле... Тем более, что Кокон загодя укрыты, и не где-нибудь, а в обломках Лабиринтов. Мегадер сознательно сократил свои силы на один взвод – в рукопашной схватке при таком соотношении сил ему и лишний батальон не помог бы. Слишком подавляющим был численный перевес Хранительниц... Впрочем, мы почти всегда бьёмся в меньшинстве – и тем не менее побеждаем. Иногда».

Полковник Эддарис, командир седьмой бригады третьей дивизии Вселенской Армии Мрака, искренне сожалел о почти полном истреблении шестого батальона своей бригады, однако воспринял случившееся как должное. Несущие Разрушение разрушаются сами – это неизбежно.

В это же самое время...

...Звёздная Королева Эн-Риэнанта прибыла в Ключевой Мир Пяти Доменов...

...голубая эскиня Торис жадно целовала Янтарного Мага Гарда под сенью Дивных Лесов, излюбленного места Инь-Ворожей, неизменно выбираемого ими для своих любовных свиданий...

...четыре когорты Алых Магов-Воителей начали глубокий поиск Затерявшегося Мира в ареале обитания Технодетей. Подозревалось, что именно там находится Башня – штаб

седьмой бригады Чёрных Разрушителей, давно оперировавшей в центре Галактики и в смежных Реальностях...

...в Руинах ждали своего часа, Часа Пробуждения, девять Коконов...

...Глава фратрии Ночи Грольф с шестью боевыми семёрками Хранителей Жизни вышел из гиперпространства в системе Жёлтой звезды...

...радиостанция города Сеуты передала в эфир безобидную фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо»...

* * *

Чудовищный нарыв набухал.

Старушка Европа, только-только оправившаяся от шока мирового экономического кризиса, прихорашивалась, примеряла украшения, строго оценивая, подходят ли они к новому фасону платья, и дегустировала пьянящие творения виноделов Италии и Франции под томные голоса шепчущих о любви певиц и под пронзительные синкопы пришедшего из-за океана джаза. Снова наполнялись публикой рестораны и казино, театры и музеи. Аромат тонких духов дополнял очарование женских лиц на пляжах Ривьеры и Майами. Белокурые лайнеры резали голубую океанскую синь, и чистая публика в роскошных каютах этих плавучих дворцов наслаждалась всеми радостями жизни.

Перевели дух и не принадлежавшие к верхним слоям общественной пирамиды, всерьёз уверовав в то, что самое худшее уже позади. Работа приносила деньги, снова обретшие цену; и, сэкономив при рачительном распоряжении семейным бюджетом пару сантимов или пенсов, уже можно было кое-что себе позволить. Самое главное – отступил вызывающий тёмный ужас вопрос: «А что будет завтра?». Трудолюбивое человеческое племя перемогало очередные неурядицы; и вновь строились дома, мосты и дороги; и возделывались поля и сады; и писались картины и книги; и вызывали смех ужимки великих комиков ещё немного кинематографа. «I love you... Те amo... Ich liebe dich... Je vous aime...» – звучало на разных языках древнейшее заклинание; и рождались дети; и как тысячелетия назад их матерей прежде всего волновало, как ребёнок поел и как чихнул.

И подросло новое молодое поколение, знавшее о Мировой войне только по рассказам старших, эту войну переживших.

А в недрах генеральных штабов (ни в одной стране не существовало Министерства нападения, а были исключительно Министерства обороны) уже ложились на всё терпящую бумагу планы будущих стратегических компаний. Хищные когти разноцветных стрел тянулись через испещрённые условными обозначениями карты, вонзаясь в очерченные линиями границ тела стран, именуемых вражескими. В тиши лабораторий люди изощрялись в изобретении наиболее эффективных способов превращения других людей в гниющую органику. И выкатывались на танкодромы всё новые ползающие боевые машины, и стальные цилиндры из стальных труб летели всё дальше и точнее. С голодным клёкотом – выше, дальше, быстрее! – секли воздух пропеллеры летательных аппаратов, предназначенных исключительно для убийства. Грузно сползали в волны морей бронированные плавучие чудовища, и командиры подводных лодок разглядывали в перископы залитые огнями пассажирские суда, решая учебную (пока учебную!) задачу встречи торпеды с целью. Под бравурные звуки военных маршей печатали шаг бесконечные шеренги перед трибунами удовлетворённо взиравших на свои верные войска вождей; и светились преданностью глаза на молодых лицах солдат; и летели к небесам громкие вопли толпы, впавшей в близкое к истерическому состояние.

И в калькуляциях стратегов многие тысячи этих одётых в военную форму парней (равно как и других, ещё не обмундированных и беззаботно целующихся со смеющимися девушками) уже были внесены в пяти- и шестизначные цифры предполагаемых и приемлемых потерь.

Политики и дипломаты (чьи помыслы, несомненно, были чисты, как контрастирующая с элегантными чёрными фраками белизна крахмальных манжет) с отрепетированными улыбками на холёных лицах плели никчёмную вязь слов, используемых только лишь для сокрытия истинных мыслей – Лига Наций громогласно убеждала народы в том, что с кошмарами войн покончено на веки вечные.

Нарыв рос, пульсировал злой тянущей болью, готовясь лопнуть и затопить всё вокруг кровью и гноем, огнём и чёрным дымом, криками и муками.

Беременные снарядами пушки, судорожно дёргаясь, разряжались в Африке и в Азии, но война уже стучалась и в двери европейского дома. Виноградники Арагона ложились под гусеницы итальянских «ансальдо», а марокканская конница жгла андалусийские селения, грабя, насилая и убивая. Лётчики германского легиона «Кондор» оттачивали боевое мастерство на женщинах и детях Герники. В «безоблачном небе» Испании «Me-109» столкнулись с «чатос» и «москас»,⁵ и в первый раз пилоты Третьего Рейха и Советского Союза взглянули друг на друга через паутинные перекрестья прицелов. Русские водители сидели за рычагами быстроходных «БТ-7», превративших в окровавленный металлолом моторизованные колонны дуче под Гвадалахарой; и советники из СССР стояли на мостиках «Либертада» и «Мендеса Нуньеса», наблюдая за стеной огня, взметнувшейся над торпедированным крейсером франкистов «Балеарес». Пароходы из Одессы и Ленинграда, выгрузив на причалы Картахены, Альмерии и Сантадера груды оружия, принимали на борт сотни испанских ребятишек – лишних солдат не бывает. Зарёванные Хосе и Кончиты уплывали в далёкую страну, где им обещали новый дом вместо сожжённого. Они вернутся на родину тридцать с лишним лет спустя – не все...

Красный Дракон впервые оскалил зубы на Коричневого, хотя для обоих Испания в первую очередь стала просто полигоном, где можно было опробовать остроту когтей и крепость чешуи, а также проверить, насколько легко выдыхаемое монстрами пламя поджигает мирные хижинки. Однако два порождения Чёрной Магии ещё не приняли окончательного решения вцепиться друг в друга – они выжидали.

Несколько десятков погибших с обеих сторон в Испании – это такая мелочь, о которой не стоит даже и упоминать (на любых крупномасштабных учениях в мирное время гибнет больше). Наладившаяся в конце двадцатых – начале тридцатых годов дружба ещё не дала непоправимой трещины. По-прежнему шёл интенсивный обмен тактическими разработками и военной технологией, советским специалистам их германские коллеги демонстрировали авиационный парк люфтваффе и в деталях знакомили с последними достижениями военноморской мысли, воплощённой в конструкции новейшего немецкого линкора «Шарнхорст». Германская сторона согласна была передать «собратьям» чертежи ещё более мощного, ещё не вступившего в строй линейного корабля «Бисмарк», и продала русским недостроенный тяжёлый крейсер «Лютцов» – таких кораблей в составе ВМФ Страны Советов не было. А с Востока в прожорливую утробу Третьего Рейха сплошным потоком шло зерно и нефть, цветные металлы и древесина – сырьё, в котором остро нуждалась военная промышленность Германии. Обе страны были нужны друг другу и инстинктивно тянулись друг к другу, поскольку в сути своей являлись глубоко враждебными всему остальному миру Третьей планеты системы Жёлтой звезды.

* * *

Капли воды звонко падали в ослепительно голубую воду, заполнявшую казавшуюся бездонной круглую чашу небольшого озера под сводом маленького грота. Селиана

⁵ Chatos – «курносые», moskas – «мошки» (исп.) – прозвища советских истребителей «И-16» и «И-15» в республиканской Испании.

задумчиво смотрела на водяное зеркало и подняла свою прекрасную голову только тогда, когда какая-то тень заслонила вливавшийся в грот снаружи тёплый солнечный свет.

– Что нового, Грольф?

– Твоя мудрость поистине равна твоей красоте, Глава Синклита, – бывший Янтарный Искатель всегда был немногословен и умел изложить суть любого, самого сложного дела несколькими скупыми и точными фразами, но никогда не упускал случая воздать должное Инь-качествам Селианы, и это нравилось Верховной Мудрой. – Мы отметили изменения. Самое главное – никакого союза между Захваченной и Униженной странами не будет. Мы отслеживали изменения в эгрегорах обеих стран, – прежде всего изменения напряжённости ментальной составляющей, – и теперь я с полной уверенностью могу сказать и тебе, и Королеве: союзниками они не будут.

Проникновение Чёрных в Униженной не приняло тех изощрённых форм, которые оно обрело в Захваченной, и почти сведено до более-менее типичного уровня. Твои чары сработали должным образом – взаимотяготение двух Очагов ослаблено, осознание общности задачи резко снижено, а изначально присутствующие в структурах обоих этих образований противоречия доведены до непримиримо-конфликтных.

Более того, я считаю, что Униженную страну уже можно считать Противопоставленной. Война между двумя творениями Несущих Зло отныне неизбежна уже в ближайшем будущем – вопрос лишь в том, кто на кого нападёт первым, и чья победа для нас предпочтительней. Мои Маги в достаточной мере контролируют сейчас всех ведущих личностей Мира Третьей – в тех пределах, конечно, насколько это возможно без нарушения Принципа Свободы Воли любого Носителя Разума, – и готовы воздействовать на ситуацию в желаемом направлении. Никакого магического противодействия не отмечается: чёрные эски явно ещё не оправились после разгрома в Лабиринтах, а Обращённые, к счастью, магией не владеют – по крайней мере, боевой магией.

– Знаешь, Грольф, – негромко сказала Селиана, не отрывая глаз от поверхности воды, – самое трудное для любого Хранителя Жизни – это по возможности бесстрастно наблюдать за страданиями и гибелью миллионов Разумных, не имея Права вмешаться и спасти – за редчайшими исключениями. Мы руководствуемся критериями Высшей Справедливости, и пожалей мы задохнувшегося под развалинами дома ребёнка или сожжённую струей пламени из огнемета женщину, последствия могут быть куда более страшными. Чёрные Маги столь живучи ещё и потому, что не отягощены подобными высокоэтическими императивами. Они могут вмешиваться и навязывать, а мы – нет. Мы имеем возможность только удерживать и исправлять, а это неизмеримо труднее. Война в Мире Третьей будет, и самая страшная из всех войн, которые вела доселе эта Юная Раса.

– Война уже идёт, Селиана. Армии Противопоставленной страны...

– Это только увертюра, Грольф, – прелюдия к настоящей драме. Десятки миллионов жизней – сколько перспективных воплощений прервётся, сколько Первичных Матриц потеряют возможность стать более совершенными и возвратятся в Круговор, в ожидание следующего шанса... Общее развитие Разума в этой области Познаваемой Вселенной замедлится. Но это неизбежно, и нет никакого смысла сожалеть о нам неподвластном. А по поводу наиболее благоприятного для нас – и для этой Юной Расы – исхода: смотри...

Глава фратрии Ночи взглянул на воду. Давным-давно, на заре вхождения магии в жизнь Разумных, котором суждено было стать эсками и сделаться Высшей Расой, многие Маги древности использовали для видений именно воду. Потом стало проще и привычнее творить картины непосредственно перед мысленным взором внимающих видению, но иногда Голубые Магини прибегали к методам времён Начала – так в суперсовременном доме находится место для старинной мебели.

Голубая гладь дрогнула, чуть взволновалась, в глубине её начали возникать неясные туманные тени, и побежали цепочки светящихся символов. Если сотворяемые картины всегда были предельно ясными – чёткость их зависела только от мастерства колдовавшего, – то понимание рождённых водой образов требовало от Мага определённого напряжения.

Однако именно поэтому Волшебники ценили – иногда, когда условия позволяли, – подобное чародейство: ведь даже самому совершенному сознанию требуется гимнастика.

...Когда поверхность озера вновь сделалась идеально спокойной, Маги ещё некоторое время молчали. Потом Грольф заговорил:

– Значит, для блага Жизни...

– Да, – подтвердила Мудрая. – Захваченная страна подверглась слишком глубокому Заражению. Подобные явления чрезвычайно редко бывают обратимыми. Справедливости ради могу сказать, что слышала о таких исключениях, но сама с ними не встречалась. Мы не можем рисковать будущим всего этого Мира: народ, ставшей жертвой Чёрного Яда и сделавшийся Обращённым, обречён. Поэтому наилучшим для нас ходом событий на Третьей будет разгром и расчленение Захваченной страны Противопоставленными.

С победителями же никаких серьёзных затруднений в дальнейшем не предвидится: обычная идеология превосходства одной нации над другими и мания величия без заманчивых бредней о всеобщем принудительном счастье. Рейх раздавят – всё это уже неоднократно было в прошлом и этого Мира, и множества других. Поэтому сейчас для нас важно подправлять все мелочи, могущие способствовать развитию именно такого сюжета. Ущерб, нанесённый духовному потенциалу Юной Расы Третьей, в этом случае будет минимальным – такое заключение вынес Синклит.

– На основании Магии Предвидения?

– Скорее на основании Всеобщих Законов Мироздания. Поверь, мне искренне жаль этот народ, – без преувеличения, один из самых интересных народов Мира Третьей, – но болезнь зашла слишком далеко. Обращённые проникли во все поры этого организма, и отсекай ножом поражённые клетки бессмысленно – они всюду. А терапия... Не знаю, Грольф. В любом случае это очень долгий процесс, а война на Третьей планете уже началась. У нас просто нет времени.

* * *

Никогда и нигде, ни в одном из Миров необъятной Познаваемой Вселенной войны не выигрывались обороной. Начиная войну (даже если он сам не так уж к этой войне и стремился – и такое случается, – а был вынужден начать) всегда надеется победить: иначе просто нет смысла заваривать кровавую кашу. А чтобы победить, надо нападать – и только так. Если бы Алые Воители не стали штурмовать Горловину и Серые Миры, а ограничились только истреблением стай Пожирателей по мере их появления в ареалах обитания разумных Юных Рас, то война с серыми хищниками была бы бесконечной.

Победу приносит решительный взблеск меча, направленного в сердце врага, а вовсе не пассивное отражение его ударов щитом. Тот, кто отрицает эту очевидную и подтверждённую сочащимися кровью тысячелетиями битв под самыми разными солнцами разных Миров, попросту лицемерит. Война аморальна по сути своей, и поэтому все разговоры на тему: ах, нам нанесли подлый удар из-за угла; ах, в наш дом вломились с оружием, а мы-то сами ни сном не духом, – словоблудие, и не более того. «Победителей не судят!» – древняя мудрость, заключённая в этой ёмкой фразе, как нельзя лучше иллюстрирует вторичность этических норм и понятий по отношению к достигнутому результату.

...Первого сентября 1939 года моторизованные орды Третьего Рейха хлынули на землю Польши – театрализованное представление с мнимым захватом поляками немецкой радиостанции в Гляйвице было разыграно всего лишь в угоду пресловутому мнению мирового сообщества, с упрямством капризной старой девы продолжающего верить в безгрешное зачатие.

Нанеся первый удар – не медли со вторым, на полпути не останавливаются. Дания была оккупирована в течение нескольких часов, а затем, не убоившись военно-морской мощи Британской империи и не считаясь с потерями своего флота, Германия вторглась в Норвегию

и захватила страну викингов.

«Странная война» на Западе – союзники никак не могли решить для себя, кто же из двух монстров опаснее, ведь несчастную Польшу чудовища, плотоядно урча, пожирала на пару, – закончилась летом 1940 года разгромом Франции и попутным покорением Бельгии с Голландией. Стальная пружина разворачивалась, сокрушая чужие границы и сметая армии и правительства.

Красный Дракон, внимательно следя прищуренным глазом за всем происходящим, насторожился: его коричневый родственник, давясь и рыгая, кусок за куском заглатывал трепыхавшуюся добычу, повернувшись к востоку спиной.

Момент был очень подходящим: появилась реальная возможность вцепиться в загривок единоутробному врагу, пока его огнедышащая оскаленная пасть обращена в другую сторону. Но...

Захваченная страна была занята перевариванием уже проглоченного – пока Германия рвала Европу на части, Советский Союз откусил изрядные ломти от европейского пирога для удовлетворения собственного аппетита. Кроме того, Красный Дракон только что порядком поморозил себе лапы в снегах Карельского перешейка, что несколько подорвало его веру в свою неуязвимость – требовалось какое-то время для восстановления этой веры и новой заточки когтей и клыков. И самое главное: страна, где все важнейшие решения фактически принимает один-единственный человек, облечённый неограниченной властью, неизбежно придёт к тому, что решения эти окажутся ошибочными – рано или поздно. На сознание одного-единственного человека можно исподволь повлиять, а Голубые Хранители не дремали – их абсолютно не устраивало быстрое поражение Противопоставленных. Затянулись война во Франции, увязли немецкие танковые клинья в уплотняющейся обороне англо-французов, Вождь Захваченной покончил бы с колебаниями, однако всё произошло как-то слишком быстро. Оглянуться не успели – а колонны германских войск уже победно маршируют по Парижу! А другой возможности ударить первым Красному Дракону уже не дали...

Танки Гудериана остановились перед Дюнкерком. Впереди, за матово-серой лентой Ла-Манша, лежала Англия, отгородившаяся от материка Каналом, словно средневековый замок рвом. Вермахт, ставший к этому времени самой боеспособной армией Мира Третьей планеты, без особых проблем выпустит потроха защитникам острова, но для этого требуется переправиться через пролив. Мелочь, но море стережёт флот Её Величества, воспитанный в духе непобедимости на славных традициях длинной череды корсаров и адмиралов от Дрейка до Нельсона. То, что удалось сделать в Норвегии, здесь бы не прошло.

Среди многих ошибок, совершённых вождями Третьего Рейха, были роковые, точнее, предопределённые и подсказанные. Разгром Англии вслед за Францией не вписывался в рамки варианта, признанного Хранителями Жизни оптимальным. Чрезмерного усиления Противопоставленной страны следовало избегать – ведь Коричневый Дракон должен был умереть вслед за Красным. И поэтому...

* * *

– Обратите внимание на строительство военного флота Противопоставленной страны, Предводительницы, – эта страна не должна получить господство на море.

– Принято, Глава фратрии Ночи.

* * *

После денонсации англо-германского морского соглашения у Германии не было достаточно времени для создания мощного надводного военного флота, способного

бросить вызов британскому, но время выстроить многочисленный подводный флот имелось. Тем более, что именно подводные лодки едва не поставили Империю Всех Морей на колени в Первую Мировую – так что был и соответствующий опыт: адмирал Дениц командовал подлодкой ещё в ту войну.

Однако Германия снова наступила на те же грабли: несколько линкоров и тяжёлых крейсеров (несмотря на великолепные характеристики этих кораблей) без единого авианосца и даже без собственной морской авиации не могли тягаться с соединениями англичан. Флот Открытого моря с его десятками дредноутов во время Первой Мировой единственный раз столкнулся с Гранд Флитом в открытом бою, и Ютландского сражения хватило для понимания простого факта – победы в генеральном сражении немцам не достичь. Двадцать лет спустя соотношение сил стало ещё более неблагоприятным для Германии. И всё-таки решения о массированном строительстве U-boats принято не было (точнее, оно было принято, но слишком поздно, когда даже сотни субмарин оказались бессильными перед усилившейся противолодочной обороной англо-американцев).

* * *

– Да, располагай Противопоставленная страна сейчас не полусотней, а тремястами подводными лодками, Империя Всех Морей неминуемо рухнула бы. Однако не забывай о мелочах, Грольф, – они зачастую могут быть очень важными.

– Принято, Глава Синклита.

* * *

...18 мая 1941 года новейший германский линейный корабль «Бисмарк» в сопровождении тяжёлого крейсера «Принц Ойген» покинул Гдыню и направился в Атлантику. Замышлялась грандиозная операция по нарушению судоходства на основной артерии, питающей Британские острова всем необходимым для продолжения войны и для существования вообще.

Ранним утром 23 мая немецкие корабли встретились в Датском проливе с англичанами. Результаты короткого боя оказались ошеломляющими: линейный крейсер «Худ», краса и гордость королевского флота и самый крупный боевой корабль мира, взорвался и затонул со всем экипажем после первых же попаданий немецких девятисоткилограммовых снарядов 380-мм калибра, а получивший повреждения линкор «Принц Уэльский» вышел из боевого соприкосновения.

Состояние, в котором оказались гордые островитяне, лучше всего характеризуется коротким словом «шок». По просторам Северной Атлантики прокатилась волна паники: английские конвои рассредоточивались и спешили укрыться в ближайших портах, а боевые корабли устремились со всех сторон к тому месту, где авторитету Великобритании был нанесён столь болезненный удар.

А «Бисмарк» описывал гигантскую дугу, огибая Британские острова с запада и стремясь прорваться в один из французских портов. Цель рейда в принципе была достигнута, и его следовало в ближайшее время повторить всем располагаемым боевым флотом. В умах германских морских стратегов замаячил призрак победы над гордым Альбионом.

Преследователи то теряли линкор, то вновь брали след. Чопорные лорды Адмиралтейства были близки к тому, чтобы начать рвать на себе благообразные седины: соединения тяжёлых кораблей Её Величества не успевали перехватить быстроходного корсара. Авианосцу «Арк Ройял» было приказано атаковать линкор своими самолётами – без особой надежды на успех, в отчаянной попытке сделать хоть что-нибудь (аналогичная попытка, предпринятая торпедоносцами с «Викториес» ещё 24 мая, окончилась ничем –

угодившая в броневой пояс торпеда не причинила «Бисмарку» ощутимого вреда).

Древние, тихоходные и неуклюжие бипланы «суордфиш» шли сквозь ураганный зенитный огонь «Бисмарка», и казалось чудом, что все они ещё не попадали в волны в виде горящих обломков. Ни один из пятнадцати атаковавших линкор самолётов не только не был сбит, но даже не получил серьёзных повреждений. При этом им удалось всадить в громадный линейный корабль две торпеды: одна снова попала в броню и только поцарапала краску, зато вторая...

Авиационная торпеда относительно небольшого калибра с незначительным зарядом нашла самое уязвимое место в надёжной защитной системе корабля: она взорвалась в район винторулевой группы в тот самый момент, когда «Бисмарк» описывал циркуляцию, уклоняясь от воздушной атаки, и руль линкора был положен на борт. В этом положении его и заклинило взрывом. Потом специалисты рассчитают, что вероятность попадания торпеды именно сюда и именно в этот момент составляла всего одну стотысячную. Но это будет потом.

А тогда, вечером 26 мая 1941 года, гигантский корабль, совершеннейшая плавающая боевая машина, рассчитанная на боевую устойчивость в упорном бою против целой эскадры, сделался полностью беспомощным от одного-единственного шального попадания и обречённо ковылял по ночному бурному океану восьмиузловым инвалидным ходом, приличествующем разве что какой-нибудь углой барже, но никак не лучшему линкору флота Третьего Рейха.

Утром 27 мая английская эскадра настигла искалеченный «Бисмарк», и за полтора часа огромные орудия «Роднея» и «Короля Георга Пятого» превратили германский линкор в пылающую развалину – по почти неподвижной мишени легко стрелять. Затем крейсера «Норфолк» и «Дорсетшир» выпустили торпеды, и всё было кончено.

Германское командование пыталось помочь своему загнанному линкору, однако обещанные люфтваффе бомбардировщики так и не появились над полем неравного боя «Бисмарка» с половиной британского флота. Две подоспевшие в этот район субмарины также ничего не смогли сделать: «U-74» была повреждена до небоеспособного состояния, а на «U-556» кончились торпеды. Командир подводной лодки, находясь между авианосцем «Арк Ройял» и линкором «Родней», имел редкую возможность дать одновременный залп из носовых и из кормовых торпедных аппаратов по обоим этим кораблям! Вот только стрелять ему было уже нечем...

Невероятно удачное попадание торпеды в рули «Бисмарка» имело очень далеко идущие последствия. Запланированный удар по торговому судоходству Британии не состоялся, и никогда более за всю войну крупные корабли Противопоставленной страны не появлялись на просторах Атлантики. У фюрера исчезли последние сомнения в правильности выбора следующего противника и решения отложить расправу над Англией на потом.

Глава фратрии Ночи Янтарноголубой Маг Грольф хорошо запомнил слова Верховной Мудрой Селианы о важности мелочей.

* * *

Историки Третьей планеты системы Жёлтой звезды посвятили Большой войне тысячи томов, к которым надо добавить множество мемуаров и художественных произведений. И всяк толковал по-своему эту великую беду, свалившуюся на голову Юной Расы Носителей Разума этого Мира, и причины, влиявшие на ход и исход этой страшной войны. И зачастую толкования эти не только противоречивы, но и взаимоисключающи – в первую очередь это относится к нападению Германии на Россию.

Но так и нет ответа на вопрос: что это за внезапный удар такой, который полностью застал врасплох огромную страну с несметным войском? Да, можно оглушить из-за угла – дубиной по голове – припозднившегося прохожего (излюбленная методика грабителей-

одинок); можно снять часового (часовых); можно вырезать спящий воинский лагерь, беспечно не организовавший надлежащего охранения; можно разгромить военную базу (и даже не одну).

Но целую страну, и к тому же давным-давно превращённую в единый до предела военизированный организм; страну, живущую в постоянном ожидании неминуемой войны с «враждебным окружением»; страну, отдающую все свои лучшие силы совершенствованию и наращиванию военной мощи в ущерб всему остальному; страну, живущую с песней: «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!»; страну, даже в мирной жизни изъясняющейся военными терминами (где ещё существовали выражения типа «битва за урожай» или «битва за уголь»?) заставить врасплох невозможно – так не бывает.

Месяцами у границ концентрировались многосоттысячные воинские контингенты, стягивались тысячи танков и пушек, перебрасывались на аэродромы тысячи боевых самолётов – это же не разбойничья засада где-то в кустах. И разведка не спала, исправно докладывая «кому следует» о том, что творится на той стороне границы. И после всего этого – «внезапный удар»?

Случилось то, что и должно было случиться: жёсткая, словно драконья шкура, иерархическая структура не посмела не поверить наитию Великого и Непогрешимого, не посмела усомниться в правильности Его предвидения. А он сам и мысли не допускал, что события могут пойти не так, как Он рассчитал – тем более что эту убеждённость в нём постоянно поддерживали извне. Влиять на отдельный разум, даже на разум Обращённого, при соответствующем уровне применённой магии для эсков-Магов не так сложно. Поэтому-то и впал Вождь в состояние полного ступора в первые дни после начала фашистского вторжения – «наркоз» проходил, и диктатор осознал, что случилось.

А дальше – дальше всё пошло именно так, как рассчитывали бравые генералы Oberkommandowehrmacht... и вероятно предвидели Маги-Хранители. Сначала.

Огромная Красная Армия, заботливо создававшаяся в течение почти двух десятилетий, не отступала с упорными боями от границы до стен Москвы и Ленинграда – вся она, за малым исключением, легла в лесах и болотах Белоруссии и средней полосы России, в украинских степях и на дюнах Прибалтики. Готовясь воевать «малой кровью на чужой территории» – сиречь наступать, нападать, другого реального смысла в это выражение никогда не вкладывалось, – Красный Дракон, вставая на дыбы и только-только расправляя громадные перепончатые крылья, получил оглушительный встречный удар. К такому удару чудовище готово не было.

Любимое детище страны и лично Великого Вождя захлебнулось в собственной крови, давясь выбитыми клыками и теряя клочья бронированной шкуры, вместе с мясом содранной с костей. Великолепные кадровые части, отлично вышколенные и слепо верящие, были пережёваны беспощадными стальными челюстями Коричневого Дракона – перемолоты в громадных «котлах» приграничных окружений, раздавлены гусеницами танков, изрешечены свинцовым ливнем из автоматов и пулемётов. И ещё – бойцы этих частей сдавались в плен. Тысячами, десятками тысяч. Говорили, что в плен попадали только раненые, оглушённые, находящиеся без сознания. Нет, раненых победители добивали – как правило (вот ещё, возиться с ними, когда для своих бинтов не хватает!), – а длинные колонны военнопленных состояли из солдат и офицеров, захваченных без единой царапины (а иногда и без единого выстрела).

Говорят, Вождь близоруко и опрометчиво обескровил свои собственные вооружённые силы, казнив и сгноив в лагерях лучших командиров. Да, Монстр не мог не убивать – без этого он просто не способен был поддерживать свою жизнедеятельность. Спустя много лет Дракон вынужденно умерил свой поистине зверский аппетит, и что же? Благополучно издох на вегетарианской диете, и никакие заморские витамины не помогли. Конечно, вырывать перед боем свои же когти только из опасения о них поцарапаться как-то не очень логично, но порождения Чёрной Магии имеют нечеловеческую логику. Голубые Маги-Хранители не блокировали саморазрушительные программы, вложенные в Поток, – наоборот, они их

подпитали. Кроме того, чёрными эсками изначально планировалось, что Красный Дракон полетит над Обращаемым Миром Третьей планеты вместе с Коричневым, крыло к крылу, а в этом случае так ли уж важно, что у одного Зверя не хватает пары-другой зубов – пока суд да дело, новые вырастут.

Но почему же тогда, потеряв за месяц-полтора страшных боев всё, что было заготовлено на долгие годы кровопролитных войн, Россия всё-таки выстояла? И не только выстояла, но и победила – заплатив, правда, за эту победу такую невероятно высокую цену человеческими жизнями, что какой-нибудь другой народ, потерпевший подобную победу, просто исчез бы бесследно с лица Познаваемой Вселенной? Ведь разгром Захваченной страны планировался не только в Генеральном штабе Противопоставленной, но – и это гораздо важнее – предполагался также в магических Мирах Объединения Пяти Доменов?

Замордованный, униженный, ограбленный, доведённый до полускотского состояния великий народ, опухавший с голоду и умывавшийся кровью, выстилавший своими костями котлованы ударных строев, совершил то, чего от него не ожидал никто – даже Маги-эски Расы Голубых Хранителей Жизни. И победил этот Великий Народ не благодаря «мудрому руководству», а вопреки ему – не будь этого «чуткого руководства», потерь было бы неизмеримо меньше.

Предвоенная Красная Армия растаяла в битвах лета сорок первого года, и под гусеницы немецких танков, сияясь допьяна упоить железных зверей «молотовским коктейлем», ложились наспех собранные резервисты и ополченцы. Отсюда и соотношение потерь: ещё в средневековье один умелый мечник в кольчуге брал верх над дюжиной деревенских силачей-увальней с дубьём да вилами, а с совершенствованием оружия пропорционально возрастало и значение умения этим оружием пользоваться.

Но победил всё-таки народ, победил благодаря своей жертвенности и готовности кровью и жизнью искупать чужие грехи – лишь бы не прервалась связь времён, и не исчезло без следа в паутине иных измерений то неосвязаемо-тонкое, что именуется Эгрегором Нации и без чего ни один народ существовать не может. Жертвовать собой умели и солдаты вермахта, и уж тем более сыны Страны Восходящего Солнца, но таких масштабов истинной жертвенности не знал никакой народ Мира Третьей планеты системы Жёлтой звезды.

Гибель нескольких сотен морских пехотинцев в недостаточно подготовленной атаке на атолл Тарава в Тихом океане рассматривалась американцами как национальная трагедия, а командиры из Обращённых укладывали тысячи штрафников ради занятия какой-нибудь безымянной высоты или для захвата груды обгорелых брёвен, оставшихся от деревушки в десятках домов. Гордиться военачальниками, ведущими войну таким способом, нельзя, а вот народом, способным бестрепетно переносить такое – можно и нужно.

Среди красноармейцев сорок первого года были прямые потомки – и не только генетические, сильный эгрегор инициирует повторные инкарнации душ, уже воплощавшихся в этом народе, – ратников чела войска Александра Невского, принявших на себя чудовищной силы удар тяжёлой конницы и обратившихся в кровавую грязь под копытами броненосных рыцарских коней, но выстоявших до того заветного мига, когда профессиональные рубаки дружины новгородского князя ударили крестоносцам в спину и превратили битву в ставшее знаменитым Ледовое побоище. Были и те, кто стояли на Куликовом поле под тучами стрел ордынцев хана Мамаю, утопая в собственной крови, но наваливая перед редееющим строем русских дружин груды конских туш и вражьих тел, пока Засадный полк не бросился в мечи и не погнал поганых, словно ветер опавшие листья.

И умирали солдаты Великой Отечественной вовсе не за мировую революцию и не за торжество идей коммунизма, а за Русь, на землю которой в очередной раз пришёл не ведающий пощады враг. Умирали, пусть даже и не сознавая порой, за что же именно они умирают, но чувствуя это Душой, той самой «загадочной русской душой», о которой так любят поговорить иногда в так называемых «цивилизованных странах»...

...Светящийся голубой шар медленно вращался в чёрной пустоте, и двое Голубых Инь-Магов смотрели на эту очень реалистически сотворённую модель – точную копию Третьей планеты системы Жёлтой звезды.

– Я ошиблась, Энна, – наедине со своей воспитанницей Селиана позволяла себе пренебрегать этикетом и называла Королеву её детским именем, – но это один из тех немногих случаев, когда я рада этой ошибке. Ты только взгляни...

Над голубым шаром, над Захваченной страной, трепетало алым серебристое облачко, натужно вздрагивало, словно сердце живого существа, преодолавшего свалившуюся на его плечи непомерную тяжесть.

– Я рада, что они, судя по всему, избегнут судьбы народов, поклонявшихся Кровавым Богам и исчезнувшим без следа под натиском чужеземцев. В этом Море такое уже случалось: тут... и вон там, – Селиана указала на африканское побережье Средиземного моря, туда, где семьдесят стандартных лет назад высились храмы Кар-Хадташта, города мореходов, и на сужающуюся часть североамериканского материка, где пятнадцать лет назад стояли ступенчатые пирамиды Теночтитлана, столицы древнего Анауака. – Такой народ заслуживает Права на существование.

– Несмотря даже на степень заражения его Чёрным Ядом?

– Да. Более того, я надеюсь на Исцеление – пусть даже не столь скорое, как хотелось бы, и сопряжённое со значительными жертвами среди Носителей Разума Мира Третьей. За этот народ стоит побороться – это задача, достойная Хранителей Жизни.

– А сейчас? – Королева перевела взгляд с фантома Третьей планеты на Селиану.

– Сейчас? А сейчас они победят, – уверенно ответила та, – и вполне заслуженно. Они сумели преодолеть усилием своей Независимой Свободной Воли решение нашего Синклита, уготовившего им уничтожение – подобное проявление Восходящего Разума достойно всяческого уважения. Да, они победят, а Противопоставленные падут в прах. Победят неизбежно, но заплатят за эту победу очень дорого – и это тоже неизбежно.

И им помогут: Островная Империя по нашей подсказке кинулась на Страну-между-Океанами, и теперь у Коричневого Дракона нет ни одного шанса выжить. Конечно, следует позаботиться о том, чтобы упоённый победой Красный Дракон, непременно попытающийся присвоить всю славу этой победы исключительно себе и своим собственным непревзойдённым качествам, не заграбастал бы слишком много, но об этом позаботятся и без нас: это совпадает с типичными интересами других стран Мира Третьей. Строго говоря, нам здесь сейчас вообще делать нечего – разве что наблюдать. Чем и занят Грольф.

– А разве Противопоставленные не могут переломить ход истории? – в голосе Эн-Риэнанты промелькнула тень беспокойства. – Если они получают...

– Меч Демонов? Нет, Королева, этого не случится: надлежащие меры уже приняты. Это оружие не достанется ни Противопоставленной стране, ни, кстати, Захваченной. Об этом можешь не беспокоиться – на этот раз я не допущу ошибки.

Звёздная Владычица Эн-Риэнанта некоторое время молчала, глядя на вращающуюся перед ней фантомную копию Третьей планеты, а потом спросила:

– Селиана, а что наш Поиск? Поиск Предполагаемых?

– Вот на этот счёт, Энна, я ничего утешительного сказать не могу. В такие времена, – Мудрая кивнула в сторону голубого шара, перевитого алыми росчерками – отображениями бушующих в этом Море яростных битв, – Поиск невозможен. Слишком много воплощений прерывается ежеминутно, и слишком смутна общая картина... Придётся подождать, пока стихнет эта кровавая буря.

– Хорошо, Верховная Мудрая, я подожду.

Светящийся голубой шар медленно вращался в чёрной пустоте.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МЕЧ ДЕМОНОВ

Пятого и шестого декабря 1941 года в снегах под Москвой началось контрнаступление советских войск, означавшее окончательный крах блицкрига, а седьмого декабря самолёты с шести японских авианосцев атаковали главную базу Тихоокеанского флота США на Гавайях – Жемчужную Гавань.

Война стала поистине мировой, втянув в свою дышащую огнём и смердящую трупами сферу почти всю поверхность Третьей планеты системы Жёлтой звезды.

Однако на вопрос «Зачем понадобилось Японии нападение на Пёрл-Харбор?» нет вразумительного ответа. Автор и идейный вдохновитель это плана, Главнокомандующий Объединённым флотом адмирал Исороку Ямамото погиб в апреле 1943 года над Соломоновыми островами, когда самолёт с его штабом угодил в засаду, устроенную воспользовавшимися данными радиоперехвата американскими истребителями; не пережили войну командовавший ударным авианосным соединением вице-адмирал Чуичи Нагумо и почти все высшие офицеры, так или иначе посвящённые в тайны этой операции и в ней участвовавшие. Немногие уцелевшие, стоя перед разными дотошными послевоенными следственными комиссиями, недоумённо пожимали плечами: действительно, а зачем?

Для Островной Империи не было никакой необходимости начинать войну со Страной-между-Океанами. Действительно, жёсткие американские экономические санкции затрудняли дыхание молодого и хищного растущего организма Империи, но Япония вполне могла решить свои экономические проблемы изощрёнными дипломатическими путями, не прибегая к очень рискованному для неё военному пути разрешения конфликта. Уж кто-кто, а Ямамото, проживший в Соединённых Штатах много лет, лучше других представлял себе чудовищную экономическую мощь этой страны.

Японцы могли просто обойти Филиппины, не связываясь с американцами, и захватить богатейшие сырьевые ресурсы Индонезии, а заодно прибрать к рукам французские колонии в Индокитае – ведь и Франция, и Нидерланды уже были растоптаны Гитлером: имущество осталось без наследника. И опыт соответствующий имелся: ещё в четырнадцатом году Япония решительно захапала под шумок германские владения на Тихом океане и тут же практически закончила для себя Первую Мировую войну, приобретя желаемое ценой ничтожных потерь.

Вооружённого столкновения с Великобританией генералы и адмиралы Страны Восходящего Солнца тоже не слишком опасались. У британского льва, зализывавшего полученные в Европе раны и живущего в ожидании стремительного прыжка «Морского льва»⁶ через Английский Канал, не было сил драться за Сингапур и Малайю (так, кстати, и получилось: английский флот на Дальнем Востоке быстро и бесславно погиб в самом начале 1942 года, а Сингапур пал). Но Америка – это совсем другое дело.

Однако здесь на руку самураям играли господствующие в высших властных кругах США изоляционистские настроения. «Ваши проблемы нас не касаются, и идите вы все с ними к чёрту в задницу!» – с таким мнением Конгресса ничего не мог поделать даже умный и дальновидный президент Франклин Делано Рузвельт, несмотря на весь свой огромный к этому времени авторитет. Не стала бы Америка чересчур уж нервно реагировать на поползновения Островной Империи, пока они затрагивали только интересы Англии и прочих европейцев, но не самих американцев. Конечно, если все эти поползновения были бы соответствующим образом оформлены, – но ведь восточной дипломатии не занимать тысячелетнего опыта коварства и искусства тонкой интриги.

А чего реально добилась Япония своим столь эффектным внешне внезапным нападением на Пёрл-Харбор? Потопили несколько старых линкоров (а корабли этого класса уже превратились в символ военно-морской мощи, не более того) и сожгли на аэродромах пару сотен самолётов (такое количество боевых машин производил один-единственный

⁶ «Морской лев» – кодовое название немецкого плана вторжения в Англию.

авиазавод в США в течение месяца). Ладно бы, если под удар попали бы драгоценные авианосцы (те самые, которые чуть позже подбили глаз Императорскому флоту в Коралловом море и расквасили ему морду у Мидуэя), но их в момент атаки в Пёрл-Харборе не было. Японцы об этом своевременно узнали, но атаку, тем не менее, не отменили.

Единственным осязаемым результатом Пёрл-Харбора была волна возмущения, прокатившаяся по всей Америке. Национальная гордость, оскорблённая пёрл-харборской пощёчиной, требовала немедленного отмщения «подлым азиатам». Политика изоляционизма скончалась в одночасье, и конгрессмены аплодисментами встретили президента Рузвельта и его речь – стоя!

Япония проиграла войну в тот самый миг, когда первые бомбы и авиаторпеды «вэлов» и «кейтов» отделились от держателей в небе над Пёрл-Харбором – всё остальное было всего лишь долгой агонией. Заодно смертный приговор был подписан и Германии: полусоюз США и Великобритании сделался союзом настоящим. Не зря Гитлер крайне осторожно вёл себя по отношению к американским кораблям в Атлантике – он боялся войны с заокеанским монстром и не хотел этой войны.

Единственным разумным шагом для Островной Империи – если вступление в войну вообще можно считать разумным деянием – было бы нападение на Советский Союз. Квантунская армия сидела в окопах в ожидании приказа, а исконный противник истекал кровью на Западе, отчаянно отбиваясь от Гитлера. Война на дальневосточных границах России фактически уже шла, то затухая до уровня пограничных перестрелок, то разгораясь до масштабов Хасана и Халхин-Гола. А сейчас, когда враг связан по рукам и ногам германским вторжением, самое время довершить начатое ещё в русско-японскую и заодно поквитаться за недавние поражения! Но Япония не напала...

Сталин снял с Дальнего Востока десятки дивизий (на этот раз наитие не подвело вождя, да и выхода у него другого попросту не было – реальная угроза с Запада была куда грознее гипотетической с Востока), и этот Запасный полк решил исход битвы под Москвой. А Япония так и не напала, хотя была связана с фашистской Германией так называемым Антикоминтерновским пактом, и являлась фактическим союзником Третьего Рейха. Вместо этого Островная Империя провела самоубийственную акцию против Пёрл-Харбора, втянув в войну Америку и тем самым непоправимо изменив баланс сил далеко не в пользу стран Оси.

В сорок пятом, в тот день, когда вторая атомная бомба сожгла Нагасаки, советские войска – в полном соответствии с постулатом «Хочешь победить – нападай!» – перешли границу и всего за пару недель превратили миллионную Квантунскую армию в толпу военнопленных. Возможно, тогда правители Островной Империи и пожалели о том, что они сделали и чего не сделали в конце сорок первого, но было уже поздно: Время необратимо.

* * *

– Пора немного подкорректировать ход событий – в допустимой мере. Главного мы достигли: Империя Всех Морей и Страна-между-Океанами, несмотря на всю неприязнь, которую они в равной мере испытывают к обоим Драконам, стали союзниками Красного. Исход Большой войны можно считать предreshённым. А чрезмерного усиления Островной Империи следует избегать.

– Разве это имеет какое-то значение?

– Да. Островитяне обречены на поражение – они союзники Противопоставленных, а количество жертв среди Носителей Разума на Третьей будет тем меньшим, чем быстрее Островная Империя будет разгромлена. Мы Хранители Жизни.

* * *

– Господин адмирал, это «дивэстейторы» – палубные торпедоносцы. Это значит... – Минору Гэнда, блестящий штабной офицер, всегда хранивший невозмутимость, сейчас выглядел растерянным.

– Это значит, что наша разведка ошиблась, – медленно произнёс вице-адмирал Чуичи Нагумо, следя за падающим в волны горящим самолётом. – Американские авианосцы здесь, и не один, а минимум два. А то и все три, – добавил он, – вон их сколько налетело...

Адмирала не покидало неприятное ощущение, овладевшее им с самого начала операции по захвату атолла Мидуэй. Что-то шло явно не так, что-то не укладывалось в разработанную и принятую схему. Американцы обнаружили японский флот вторжения ещё вчера, и атаки их авиации берегового базирования следовали одна за другой. А нанесённый по атоллу удар бомбардировщиками, взлетевшими с четырёх лучших авианосцев Императорского флота – «Акаги», «Кага», «Сорю» и «Хирю» – пришёлся в пустоту. Проклятые янки заблаговременно подняли свои самолёты в воздух, и японские бомбы всего лишь распахали пустой аэродром на Мидуэе.

Хорошо ещё, что до сих пор все корабли соединения целы: налёты на соединение плохо организованы, вражеские лётчики, судя по их неуверенным маневрам, далеко не асы, да и истребительное прикрытие превосходное. Вёрткие «зеро» – куда до них древним «буффало» и неуклюжим тяжёлым бомбовозам противника! – сбивают самолёт за самолётом, а тем немногим счастливчикам, которым удаётся прорваться к кораблям, не под силу пробиться сквозь плотный концентрированный зенитный огонь из десятков и сотен стволов. Отбита вторая атака американских торпедоносцев, причём «отбита» – это не то слово. Правильнее будет сказать «враг уничтожен»: четырнадцать торпедоносцев, атаковавших первыми, сбиты все до единого, а из двенадцати машин второй эскадрильи удрать удалось всего одной-двум.

И всё-таки Нагумо беспокоился, и для беспокойства у него были все основания. Во-первых, командир авиагруппы, бомбившей Мидуэй, донес о практически нулевом результате атаки. Требовался второй удар – выработавшие бензин американские самолёты вернутся на остров, вот тут-то их и надо прихлопнуть. Осторожный и опытный японский адмирал держал вторую волну своей палубной авиации в полной готовности атаковать корабли противника, если они вдруг появятся, – то есть с подвешенными торпедами. Но когда выяснилось, что нужен второй удар по атоллу, Нагумо, колебавшись, приказал перевооружить самолёты осколочно-фугасными бомбами, эффективными против наземных целей. И тут вдруг один из самолётов-разведчиков невнятно донёс: «Обнаружено десять кораблей противника. Колонну замыкает корабль, похожий на авианосец». Похожий или точно авианосец? Или пилот выпил перед взлётом больше положенной идущему на битву японскому воину чашечки сакэ?

Появление над ударным соединением самолётов авианосного типа развеяло все сомнения. Разведка проморгала – все её заверения, что «Йорктаун» надолго выведен из строя (а то и вовсе затонул), что у американцев в строю едва ли один боеспособный авианосец (да и тот не рискнёт выйти в море), что противник полностью деморализован и не способен на серьёзное сопротивление, на поверку оказались пустым звуком. Американские авианосцы здесь – завесу японских подводных лодок, развёрнутую на полпути между Оаху и Мидуэем, они прошли незамеченными. И тогда Нагумо, чувствуя, как по спине ползёт предательский холодок, приказал снова перевооружить самолёты второй волны торпедами, и немедленно, пока обнаруженный «якобы авианосец» противника не нанёс по его кораблям смертельный удар. Команды оружейников работали в лихорадочной спешке – ко всему прочему, первая волна возвращалась, и её надо было принять на полётные палубы.

Адмирал Чуичи Нагумо не знал, что ещё два часа назад, до первого перевооружения, когда сотня его торпедоносцев-бомбардировщиков готова была отправить на дно любой вражеский корабль (или даже целую эскадру), разведывательный самолёт с крейсера «Тонэ» обнаружил 16-е американское оперативное соединение вице-адмирала Спрюэнса в составе авианосцев «Энтерпрайз» и «Хорнет», шести крейсеров и девяти эсминцев. Пилот тут же попытался связаться по радио со своим флотом, *но рация молчала*. Она молчала долго – японцы узнали о появлении врага только тогда, когда было уже слишком поздно...

* * *

В конце 1941 – начале 1942 японские вооружённые силы уверенно одерживали одну победу за другой. Японцы оккупировали Индокитай и Малайю, захватили Филиппины и множество островов в Тихом океане. Самурайский меч навис над Индией и над Австралией, причём все эти потрясающие и неожиданные для самой Японии победы были достигнуты малой кровью при незначительном и неэффективном сопротивлении союзников. Вместе с тем ближайшие соратники адмирала Ямамото (командующего Объединённым флотом и автора плана нападения на Пёрл-Харбор) с удивлением заметили, что с их национальным героем и общепризнанным теперь военно-морским авторитетом творится что-то странное. Похоже, роковая ошибка – бессмысленная атака Пёрл-Харбора – потянула за собой целую цепь других ошибок...

Ямамото по своей натуре был очень азартным человеком (недаром он обожал игру в покер), и эта особенность его характера ярко проявилась в организации нападения на главную военно-морскую базу США на Тихом океане. Риск был огромный: по образному выражению самих японцев «атакуя Пёрл-Харбор, мы чувствовали себя так, словно выдёргивали перья из хвоста у орла». Но после пёрл-харборского триумфа Ямамото словно подменили: он сделался крайне осторожным и зачастую не мог правильно распорядиться своим подавляющим превосходством на море над американцами и их союзниками.

Грозное ударное соединение из шести японских тяжёлых авианосцев вихрем носилось по всему театру военных действий, сметая всё на своём пути. Это соединение в первые месяцы войны очень редко обнаруживалось и ни разу не подверглось нападению. Собранное в единый кулак, оно вымело британский флот из Индийского океана, оттеснило американцев к Гавайским, Алеутским и Соломоновым островам и нанесло сокрушительный удар по австралийскому порту Дарвин. Командование США всерьёз опасалось высадки японского морского десанта прямо на Оаху, австралийцы готовились встретить японское вторжение, а тихоокеанские коммуникации союзников оказались под угрозой. Японцы нацелились на Порт-Морсби и Гуадалканал.

И тут Ямамото почему-то выделил для операции в Коралловом море всего два из шести своих тяжёлых авианосцев и один лёгкий. Казалось бы, чего тут мудрствовать: направь японцы в этом районе против флота США всё своё прославленное авианосное соединение, целиком, и оба американских авианосца неминуемо были бы потоплены. Ведь совсем недавно у Цейлона японцы отправили на дно английский авианосец «Гермес» и два тяжёлых крейсера без всяких потерь со своей стороны в кораблях и ценой гибели всего нескольких самолётов. Но японский главнокомандующий решил действовать иначе.

Бой в Коралловом море 7–8 мая 1942 года закончился вничью при несколько большем уроне, понесённом американцами. США потеряли один тяжёлый авианосец («Лексингтон») потопленным и один («Йорктаун») повреждённым. С японской стороны погиб лёгкий авианосец «Сёхо», тяжёлый авианосец «Сёкаку» в результате попадания в него трёх крупнокалиберных бомб получил серьёзные повреждения, а авиагруппа с авианосца «Дзуйкаку» потеряла много самолётов с опытными экипажами.

В стратегическом смысле это сражение стало победой американцев: угроза Новой Гвинее была ликвидирована, а японское соединение накануне операции против Мидуэя утратило треть своей боевой мощи. И снова Ямамото поступил по-своему: он счёл, что оставшихся у него в строю четырёх авианосцев будет достаточно для полного разгрома американского флота (по данным своей разведки японцы предполагали встретить у Мидуэя один, максимум два авианосца противника). Ямамото жаждал генерального сражения с флотом противника: лавры Цусимы не давали ему спать спокойно.

Специалисты-дешифровальщики американской службы радиоперехвата сумели расколоть секретный японский код, и американцы своевременно узнали о готовящемся

нападении на Мидуэй. Ремонтные работы на повреждённом в Коралловом море «Йорктауне» шли ударными темпами, и этот авианосец был возвращён в строй за рекордно короткий срок. Таким образом, США смогли противопоставить японскому флоту три авианосца, а вовсе не один-два, как ожидал Ямамото. Но японский адмирал был настолько уверен в успехе операции, что выделил два лёгких авианосца для демонстративной атаки второстепенной цели – Датч-Харбора на Алеутских островах – одновременно с атакой Мидуэя.

А дальше – дальше пошла целая серия случайностей из числа тех, которые решают судьбы людей и целых государств и даже меняют ход истории всего человечества.

* * *

– Господин адмирал, перевооружение закончено – торпеды подвешены. Мы можем поднимать вторую волну.

– Отлично, – Нагумо шумно выдохнул, словно пловец, наконец-то вынырнувший на поверхность. – Всем машинам: взлёт! И да поможет нам богиня Аmaterасу-Амиками!

Пронзительный свист перекрыл рокот моторов. Огромный столб воды поднялся выше мостика «Акаги» и рухнул, заливая потоками пены надстройку флагманского авианосца.

– Что... – начал было адмирал, но ему не дала договорить яркая вспышка на палубе.

Это был критический момент сражения у атолла Мидуэй: пять роковых минут, которые решили всё.

Именно в этот момент, когда на полётных палубах японских авианосцев тесно стояли готовые к боевому вылету самолёты (с «Акаги» уже взлетал первый), над японским флотом появились эскадрильи пикирующих бомбардировщиков с «Йорктауна», «Энтерпрайза» и «Хорнета». Гибель десятков американских самолётов, атаковавших без прикрытия своими истребителями и отважно шедших сквозь яростный зенитный огонь, оказалась не напрасной. Японские «зеро», охранявшие ударное авианосное соединение адмирала Нагумо, снизились, гоняясь за шедшими над самой водой вражескими торпедоносцами, и не успели снова набрать высоту. Несмотря на тяжёлые потери (японские лётчики и зенитчики сделали всё, что смогли), пикировщики всадили по две-три авиабомбы в три из четырёх авианосцев Нагумо. Вроде бы не так много, однако подвешенные к самолётам торпеды начали рваться сериями, на палубах и в ангарах японских кораблей возникли затяжные пожары, которые в результате и привели к гибели «Акаги», «Кага» и «Сорю». Всего пять минут...

Оставшийся неповреждённым четвёртый авианосец соединения – «Хирю» – сражался доблестно. Его пикирующие бомбардировщики «вэл», ведомые суровым ветераном Пёрл-Харбора Митио Кобаяси, поразили «Йорктаун» тремя бомбами. Затем торпедоносцы «кейт», пробившись через стену всплесков, – американские артиллеристы стреляли в воду, создавая водяной «забор», – добились двух попаданий торпедами в тот же корабль и окончательно вывели его из строя. Сутки спустя японская подводная лодка добила «Йорктаун», но и сам «Хирю» к этому времени был уже потоплен «доунтлессами» с кораблей Спрюэнса. На борту «Хирю» слишком поздно узнали о том, где находятся ещё два вражеских авианосца (рация самолёта с крейсера «Тонэ» продолжала молчать, и его пилот сообщил об этом только по возвращении). Американское 16-е оперативное соединение так и осталось не атакованным – авиагруппа с «Хирю» дважды наносила удары по одной и той же цели: по «Йорктауну».

Хребет императорского японского флота был сломан: потеряв в бою у Мидуэя 4–5 июня 1942 года свои лучшие корабли и лучших своих пилотов, разгромивших Пёрл-Харбор и одержавших ряд других громких побед, японцы от этого поражения так и не оправались. Подавляющее превосходство в тяжёлых артиллерийских кораблях оказалось бесполезным: огромные орудия главного калибра одиннадцати японских линкоров не сделали в сражении у Мидуэя ни единого выстрела.

Адмирал Исороку Ямамото своё дело сделал, ввергнув Японию в безнадёжную войну и не проявив ожидавшейся от него должной решительности после пёрл-харборской победы.

Теперь ему оставалось только погибнуть. Он и погиб смертью воина в апреле 1943 года под пушечно-пулемётными очередями американских истребителей-перехватчиков в небе над джунглями Соломоновых островов (по свидетельствам уцелевших, адмирал был убит на борту самолёта ещё в воздухе), унеся с собой в могилу тайну атаки века – атаки Жемчужной Гавани.

Переоценившие свои силы загипнотизированные правители Островной Империи оказали медвежью услугу Противопоставленной стране. А после тяжёлых поражений 1942–1943 годов вожди Третьего Рейха отчётливо поняли – спасти Германию может только чудо.

* * *

– Фрау Кишбау, будьте любезны, приготовьте мне кофе.

– Да, господин Гейзенберг, сейчас.

Профессор Берлинского университета Вернер Гейзенберг откинулся на спинку кресла и взглянул в окно. Лето, несомненно, – это лучшее время года. Тепло, природа бурлит, перебродившие весной соки рьяно подгоняют рост всего дышащего и вообще живущего, чтобы к осени предоставить зримое подтверждение своих усилий в виде сочных плодов. Плодов... Семя, зароненное три года назад Ганом и Штрассманом, попало на благодатную почву.⁷ Профессор был уверен: Германия опережает весь мир в деле изучения и, что гораздо важнее, использования – практического использования! – внутриатомной энергии. И именно ему Всемогушей Судьбой назначено стоять у истоков Великого Начинания!

Вернер Гейзенберг, молодой блестящий немецкий физик и нобелевский лауреат, принадлежал к тому типу немецких интеллектуалов, которых принято называть «честными националистами». Они были не в восторге от Гитлера, однако приветствовали возрождение униженной Версальским договором державы и успехи немецкого оружия, не без оснований полагая, что альтернативой этому может быть только тотальная большевизация всей Европы.

С началом Второй Мировой войны немецкие учёные, работавшие в области ядерной физики, были объединены в группу, известную как «Uranverein» – «Урановый клуб». Руководил проектом один из выдающихся физиков, Вальтер Герлах, а Гейзенберг стал его главным теоретиком. Целью разработчиков было создание ядерного реактора (тем же самым занимался итальянец Энрико Ферми в Колумбийском университете). К лету 1941 года «Урановый клуб» далеко опередил работавших в стане союзников конкурентов в исследованиях деления ядра. «Перед нами прямая дорога к созданию атомной бомбы» – эта мысль уже родилась в голове Гейзенберга (позднее он сам подтвердит это письменно, в своих воспоминаниях).

«Германия превыше всего!» – это утверждение профессор-ядерщик полностью разделял, хотя и дистанцировался от национал-социализма: «Я не нацист, я немец!» – подобное независимое высказывание не могло не иметь соответствующих последствий.

Национал-социалисты, придя к власти, не особенно интересовались наукой, но, как всегда бывает в таких обстоятельствах, среди самих ученых нашлись люди, пожелавшие творчески развить предначертания власти. Инициаторами кампании за «арийскую физику» стали Филипп Ленард и Йоханнес Штарк, нобелевские лауреаты соответственно 1905 и 1919 года. В июле 1937 года Штарк опубликовал в официальном органе СС – в газете «Чёрный корпус» – разгромную статью о «белых евреях» в науке, к числу которых был причислен и Вернер Гейзенберг. Штарк обвинил Гейзенберга в том, что тот не вступил в национал-социалистическую партию, отказался подписать составленный Штарком манифест ученых в поддержку Гитлера и – о ужас! – пропагандировал теорию относительности Эйнштейна.

⁷ В 1938 г. О. Ган и Ф. Штрассман открыли новое явление – деление атомного ядра урана. Значение открытия было понято сразу – в Германии без промедления начались работы по освоению нового эффекта.

Обеспокоенный Гейзенберг попросил свою мать поговорить с её подругой, матерью Генриха Гиммлера, а кроме того, написал письмо лично рейхсфюреру СС, требуя оградить его от нападков. Всесильный Генрих размышлял до ноября, а потом поручил шефу гестапо Рейнхарду Гейдриху разобраться. Гейзенберга стали вызывать в берлинскую штаб-квартиру гестапо на Принцальбрехтштрассе, где он должен был доказывать лояльность режиму (к счастью для светила немецкой физики, к нему не применяли методов, с помощью которых компетентные органы могут заставить человека признаться в чём угодно). В итоге, спустя год после своего обращения к Гиммлеру, Гейзенберг получил от рейхсфюрера письмо с уведомлением о снятии с него всех подозрений в неблагонадёжности.

После этого престижные назначения посыпались, как из рога изобилия: Гейзенберг возглавил Институт физики Общества кайзера Вильгельма (крупнейшего финансируемого государством научно-исследовательского учреждения Германии) и стал профессором Берлинского университета.

Естественно, посещения такого милого и человеколюбивого учреждения, каковым являлось гестапо, не прошли для Вернера Гейзенберга бесследно, но ни в коей мере не пошатнули его патриотизма – тем более что в конце концов всё разрешилось более чем благополучно.

Профессор отдался работе с удвоенным рвением, не отвлекаясь ни на что другое. Даже обязанности экономки-секретаря при нём исполняла пожилая вдова, дама очень строгих правил, – и это притом, что многочисленные и весьма аппетитные белокурые Гретхен с превеликим удовольствием согрели бы постель импозантному мужчине в расцвете сил, пока их Зигфриды добывают славу Рейху на Западе (а теперь уже и на Востоке).

Слава Рейха... Германия шагает от победы к победе, забирая то, что ей по праву – по праву сильного! – принадлежит. И он, Вернер Гейзенберг, сделает всё от него зависящее, чтобы позор восемнадцатого года никогда более не повторился: он даст Великогермании такое оружие, перед которым не устоит никто и ничто – пусть даже работа эта потребует нескольких лет напряжённейших усилий. Схема достижения цели в принципе уже ясна: «реактор – бомба». Конечно, остаётся масса не уточненных технических деталей, но это уже вопрос времени и... привлечённых к Проекту сил и средств.

Потребуется убедить высокопоставленных нацистских бонз в возможности создания «сверхоружия» и в необходимости выделения соответствующих ресурсов, но вряд ли это окажется более сложной задачей, нежели выведение многоэтажных формул, предельно понятно описывающих процесс ядерного распада. Вожди Третьего Рейха – и сам Адольф Гитлер в первую очередь – бредят идеей мирового господства, а завоевание мира потребует небывалого доселе оружия, которого нет у других. Генералы никогда не оставались равнодушными к любым техническим новинкам, применение которых возможно в военных целях, – а таковыми являлись практически все достижения пытливого человеческого мысли за века и тысячелетия, начиная с пресловутого колеса. Даже использование пара предлагалось очень оригинальное: доводить до кипения воду в огромных железных бутылках с тем, чтобы выбитая давлением пара железная же пробка с силой полетела бы в голову противника.

Гейзенберг улыбнулся, представив себе солдат в перепачканных сажей старинных мундирах, увлечённо подбрасывающих дрова в огромные жаркие костры, разведённые под подвешенными на цепях неуклюжими длиннорлыми сосудами из кованого железа. Нет, его оружие будет куда более совершенным, сокрушительным и неотразимым – никакая броня не устоит!

– Простите, господин Гейзенберг, – шелестящий голос фрау Киршбау прервал мысли профессора, – к вам господин фон Вайцзеккер...

«Хм, интересно, что привело ко мне старину Карла?». Сын статс-секретаря немецкого Министерства иностранных дел Эрнста фон Вайцзеккера и старший брат Рихарда фон Вайцзеккера (будущего президента ФРГ, а ныне офицера, воюющего на Восточном фронте), физик Карл Фридрих фон Вайцзеккер был ближайшим коллегой Вернера Гейзенберга и его единомышленником. Он работал с ещё большим пылом, чем сам Гейзенберг, и оторвать от

работы его могло только что-то очень важное: например, выявление принципиально новых закономерностей в уже хорошо изученных явлениях.

– О, Карл, всегда рад тебя видеть! Что у нас нового на сей раз? – по глазам Вайцзеккера Гейзенберг уже видел – новое есть, но пытался скрыть за дежурной фразой с недавнее его любопытство.

Вместо ответа Вайцзеккер молча бросил на стол свёрнутый номер шведской газеты «Stockholms Tidningen», развернул его, и всё так же молча ткнул пальцем в подчёркнутые красным карандашом строки: «По сообщениям из Лондона, в Соединенных Штатах проводятся эксперименты по созданию новой бомбы. В качестве материала в бомбе используется уран. При помощи энергии, содержащейся в этом химическом элементе, можно получить взрыв невиданной силы. Бомба весом пять килограммов оставит кратер глубиной в один и радиусом в сорок километров. Все сооружения на расстоянии ста пятидесяти километров будут полностью разрушены».

Несколько минут Вернер Гейзенберг хранил молчание, переваривая ошеломляющую новость, потом повертел шеей, словно ему нестерпимо жал галстук, и сказал, разделяя фразы:

– Надо ехать в Копенгаген. К Нильсу Бору. Нам обоим – вместе.

* * *

– Вождь, такой шанс Судьба даёт человеку только один раз в жизни. Моими устами вещает сейчас сам Зороастр: сколько великих начинаний окончилось ничем только из-за того, что Избранные не сумели внять тому, что им изрекали Всемогушие Боги! На карту поставлено будущее арийской расы, её величие и её предназначение! Мы против всего мира, и весь мир против нас: в такой борьбе обычные средства неприменимы!

Фюрер невольно опустил глаза. Даже ему, с его незаурядной волей, трудно было выдерживать невероятный напор силы, излучаемой сидевшим перед ним человеком в чёрном свободном одеянии. Человеком? Больше всего тот, кто сейчас сидел напротив рейхсканцлера и «выразителя интересов всей германской нации», походил на каким-то дьявольским колдовством оживлённую древнеегипетскую мумию: бритый череп, отражающий огоньки свечей, высохшая пергаментная кожа, плотно обтянувшая лицевые кости, и невероятной глубины пронзительные чёрные глаза, горящие фанатичным огнём.

– Наша ненависть, переплавившись в горниле Силы и Власти, обретёт законченную форму. Твои воины шагают сейчас по землям поверженных стран, неся побеждённым твою волю, но война только начинается, и час Рагнаради ещё не пробил. Сонмы врагов пали, но полчища их грядут, копя злобу и лелея низкие помыслы. Уничтожь их – и весь этот мир твой! Новые танки, пушки, самолёты, подводные лодки и крейсера – всё это прекрасно, но этого недостаточно. Это не более чем лишняя заточка меча перед битвой или ещё одна стрела в колчане – хорошо, но мало. Чтобы сокрушить всех, нужен Молот Тора или... Меч Демонов. И в твоей стране есть люди, стоящие на пороге Тайны и готовые вложить в твои руки поистине Божественную Мощь!

Губы Обращённого не шевелились, и голос его, казалось, исходит отовсюду и одновременно ниоткуда; и пламя свечей колебалось в такт звукам.

– Астравидья... Это Оружие Богов долго ждало того, чьей руке дозволено будет коснуться его рукояти. Оружие, способное сжечь и твердь, и воздух, и даже поразить ещё нерождённых! Так сказано в священных манускриптах... Великому Арджуне не дозволено было извлечь Меч Демонов из ножен – Боги наложили запрет: «Не обнажай, Арджуна, дивное оружие!». Но твои враги куда опаснее Кауравов, противостоявших братьям Пандавам, и твоя борьба иного уровня. И цель твоя величественней, и посему тебе позволят, надо только захотеть. А когда ты овладеешь астравидьей, все преграды на твоём пути будут сметены, как по мановению всемогущей длани!

Фюрер слушал молча, но в сознании его уже рождались горячечные видения:...земля и небо, залитые огнём до самого горизонта... стройные шеренги его легионов, марширующие сквозь это пламя, преследуя бегущих в ужасе врагов... толпы людей, иступлённо приветствующих его, Победителя и Владыку... Да, Wunderwaffe, чудо-оружие... С таким оружием Германия сотрёт в порошок всех, осмелившихся встать на её пути: и высокомерных англичан, презирающих все остальные нации, не делая различий между белыми и цветными; и коварных русских, совместивших в своей натуре худшие черты европейцев и азиатов; и заносчивых заокеанских торговцев-американцев, не заботящихся ни о чём, кроме тугого кошелька, и стремящихся взять весь мир за глотку и не спеша доить его ради собственных барышей.

– Что это за... оружие? – спросил он. – Лучи смерти или невиданной мощи пушка?

– В мельчайших частицах, из которых слагается материя, дремлет дьявольская сила, скрепляющая Вселенную. Стоит порвать путы – и испепеляющая мощь выплеснется наружу, сметая всё сотворённое человеческой рукой. Ключ к Мечу Демонов лежит в овладении тайнами атомного распада. Германия – пока что – продвинулась дальше всех других стран по пути разгадки этой величайшей тайны Мироздания. Пока что! Враги не спят, и тоже тянутся к Мечу. В твоей власти, Вождь, опередить их. Не медли!

Фюрер заворожено смотрел прямо перед собой. Лоб его взмок, и известная всему миру по многочисленным фотографиям и карикатурам чёлка прилипла к вспотевшей коже. Фюрер осознавал величие момента. Мистическое начало занимало особое – и немалое! – место в умах заправил Третьего Рейха: сказания о Шамбале и Предначертанном причудливо переплетались с астрологией и мифами о расах полубогов, сага о Кольце Нибелунга соседствовала с верой в предсказателей и великих учителей-гуру. Недаром «Полёт валькирий» Рихарда Вагнера сделался маршем бомбардировочной авиации Геринга, а зловещая паучья свастика была заимствована из древнеиндийских оккультных символов.

Конечно, как всегда в подобных случаях (среди Юных Рас, только чуявших магию, но не осязавших её), толпы шарлатанов увивались у трона, по мере сил и способностей урывая от щедрот вождей более-менее жирный кусок; однако крупницы истины иногда попадались. Крупницы, не более того, – ведь Хранители исказили содержание Потока Чёрной Волшбы.

Но даже чопорные прусские генералы, презрительно относившиеся к стратегическим талантам «недоучившегося ефрейтора» и имевшие смелость спорить с ним по военным вопросам (и он, надо признать, выслушивал оппонентов, а не отправлял их тут же на Колыму или в расстрельные подвалы Лубянки, как это было принято в Захваченной), никогда не перечили фюреру, коль скоро речь заходила о решениях, принятых на основе его знаменитых «озарений». Над этими «озарениями» посмеивались – втихую, – если они были ошибочными, но стыдливо помалкивали, когда результат превосходил все ожидания. Избегали раздражать «вождя нации» по пустякам или инстинктивно опасались чего-то непонятного?

Но были и Истинные Пророки из Обращённых, только почему-то документальных свидетельств этого не сохранилось...

– Я обдумаю всё сказанное тобой, – произнес наконец фюрер, обращаясь к чёрному гостю, вставая и тем самым давая понять, что аудиенция окончена. – Мы снова встретимся завтра, нет, послезавтра, и обсудим детали.

Как изумилась бы служба безопасности, если бы только слышала, как разговаривал с фюрером, вождём нации, странный пришелец: на «ты» и без должного титулования! Но никакой звукозаписи не велось, и свидетелей не было: об этом в подобных случаях Гитлер всегда заботился лично.

Вышколенная охрана – истинные арийцы, рослые светловолосые тевтоны, затянутые в чёрную униформу, – не шелохнулась и не моргнула, когда загадочный гость фюрера стелящейся походкой спускался по лестнице. Тяжёлая дверь бесшумно распахнулась, Пророк вышел на залитую закатным летним солнцем улицу. Охранник распахнул дверцу сверкающего никелированными деталями «оппеля» с затемнёнными стёклами, чёрный человек опустился на заднее сидение, и автомобиль рванул с места, быстро набирая

скорость.

Гитлер, чуть отодвинув штору, проводил глазами удаляющуюся машину. Потом он отвернулся от окна и с силой потёр костяшками пальцев мокрый лоб. В виски стучалась боль, и мысли переплетались между собой, словно клубок потревоженных гадюк. На какую-то долю секунды фюреру вдруг показалось, что в опустевшей комнате есть ещё кто-то – кроме него самого. Мерцающий голубым неясный силуэт появился вдруг у стола – и тут же исчез, стоило только Вождю Третьего Рейха непроизвольно моргнуть. Первым желанием Гитлера было нажать кнопку вызова охраны, но делать этого – чуть подумав – фюрер не стал. Не хватало ещё давать повод для сплетен о галлюцинациях, которые посещают лидера нации...

* * *

Двигатель урчал еле слышно, и машина проворно перебирала лапами колёс, покидая центр города и выбираясь в предместья. Уже стемнело, но громады домов ни единым лучиком света не тревожили сгустившуюся тьму: население имперской столицы скрупулёзно и педантично выполняло приказ о затемнении, хотя редкие британские самолёты пока сбрасывали на Третий Рейх одни листовки. Это потом, тремя годами позже, небо Германии выгнется от гула моторов тысяч «стирлингов» и «ланкастеров», и немецкие города запыхаются от английских бомб. Всё это случится потом, а сейчас горят Лондон и Ковентри.

Дороги поддерживались в идеальном состоянии, заграждений на улицах не было и в помине, а редкие патрули поспешно брали под козырёк, едва разобрав, что за номера стоят на бамперах «оппеля» с тёмными стёклами. Тем не менее, прошло немало времени, прежде чем автомобиль выбрался за городскую черту – Берлин огромный город, – и по сторонам великолепного шоссе замелькали кусты и деревья.

Водитель и сопровождающий на переднем сидении (слово «охранник» как-то не очень подходило офицеру СС в чине штурмбаннфюрера) молчали, не беспокоя человека на заднем. Они привыкли к его манере поведения и к тому, что Пророк никогда не тратит слов попусту, постоянно занятый какими-то своими, недоступными их пониманию проблемами.

Они знали, что таинственный пассажир очень высоко ценится важными чинами государства и самим фюрером, и ничуть не удивились бы, если их машину сопровождала бы парочка бронетранспортёров, битком набитых эсэсовцами, – просто в таком эскорте не было никакой необходимости: глубокий тыл, да и зачем привлекать ненужное внимание?

Повинуясь лёгкому, почти незаметному жесту тонкой сухой руки Пророка, больше похожей на птичью лапу, офицер приоткрыл боковое стекло – внутрь ворвался тёплый ночной ветер, быстро вытесняя запахи машины. Человек на заднем сидении равнодушно скользил пустым и потухшим взором по обочинам: казалось, он или спит, или находится в состоянии глубокой отрешённости от всего земного и суетного.

Свист родился на пределе слуха. Он быстро нарастал, переходя в раздирающий уши звенящий вой, перекрывший мерное мурлыканье автомобильного мотора. Двое на переднем сидении «оппеля» не успели понять, что происходит, однако чёрный человек успел – он вскинул внезапно вспыхнувшие злым блеском глаза к потолку салона.

Время растянулось, и секунды потекли медленно-медленно...

Металл крыши выгнулся под упёршейся в него тяжестью, кожаная обивка лопнула, и сквозь неё просунулось тупое рыло пятисоткилограммовой авиабомбы. Бомба вползала в салон «оппеля», словно голова удава в нору, где притаилась давно разыскиваемая добыча. Тусклый металл тела бомбы дрогнул, как текучая вода, и перед горящими бессильным бешенством глазами Пророка появилось суровое мужское лицо с жёсткими чертами и с беспощадным взглядом холодных серых глаз. Затем прорисовалось тело, закованное в голубовато-серебристое боевое одеяние; в руках врага светился золотом длинный меч...

«Выследили...» – молнией мелькнуло в сознании Обращённого.

В сделавшиеся непомерно долгими мгновения Пророк увидел всю свою Ленту Реинкарнаций, и Истинная Память выхватила самое важное – узловые звенья всей Цепи.

...От раскалённых скал поднимаются клубы горячего едкого пара, узкий горный поток бурлит, разбрасывая брызги кипятка на десятки шагов вокруг. Между каменных глыб пляшут языки жёлтого огня, и не понять, что горит – в этих местах никогда ничего не росло с самого Первого Мига Творения...

...Они – четверо усталых сверхсуществ в чёрном – только-только сумели отбить сосредоточенный магический удар преследователей. Высвободившаяся Сила с рёвом ушла вверх, пробив облака, и только малая её толика опалила горные хребты...

...Их зажали в пределах домена Звёздной Владычицы Тазоны, где они исподволь – и небезуспешно – подбирались к Зелёным Магам-Дарителям, работавшим с Юным Миром Третьей планеты системы Жёлтой звезды. Амазонок-Хранительниц было больше, гораздо больше, и оставалось только прорываться с боем. Голубые Молнии собрали свою жатву, – хотя не все удары Чёрных Лезвий упали в пустоту, – из девяти Разрушителей уцелело всего четверо...

...Они оторвались, оставив в зубах Валькирий клочья собственной плоти, обманули даже патруль Алых, прочёсывавший окрестности, но тут появились эти. Какого Хаоса Жёлтые Бродяги вообще ввязываются не в своё дело? Лазали бы себе по Мирам, удовлетворяя Вечную Жажду, не беря на себя незавидную роль ищеек! В Познаваемой Вселенной хватит места всем... А всё эта Инь-Магия – Голубые Магини могут добиться своего даже от Бестелесных, лишь бы в этих Сущностях присутствовала бы хоть капелька Янь-начала...

...Чёрный Маг бесстрастно оценил ситуацию. Всё, конец. Сила иссякает, доступ к Барьеру Миров наглухо перекрыт, а против двух, нет, даже трёх ватаг Янтарных Искателей четвёрке Несущих Зло – остаткам взвода – не выстоять...

...Горизонт залило жёлтым пламенем, в котором плавящимися свечами тают могучие горы. Они идут. Семь, девять, тринадцать... Ещё пятеро и ещё девять – третья ватага держится во второй линии, резерв по всем правилам военного искусства...

...Последний отчаянный бросок, ощущение магических пут, – резать! – медленно тонущая в потоке золотого огня фигура в чёрном с поднятым вверх клинком: погружается, распадается, умирает...

...Трое – нет, уже только двое, – против восемнадцати. Семнадцати – твой удар через изнанку измерения достигает цели, и тело Викинга рассыпается дождём золотых, быстро гаснущих капель-искр...

...Жёсткое лицо с холодными глазами, – то самое, в которое обратилась тяжкая туша бомбы, вдавливающейся в салон несущегося по ночному шоссе «оппеля», – и стремительно падающий на всю структуру Тонких Тел чёрного эска золотистый длинный клинок...

Последнее, текущее воплощение – Постижение Истины:

...Вой ветра над обледелеными горными вершинами. Горы содрогаются от лавин, но в маленьком очаге убогой хижины огонь горит ровно, без дыма. Голос, проникающий до самой сути худого чёрного человека в рваном плаще, сидящего на пятках перед сложенным из камней очагом:

«Час пробил. Встань и иди. Мы проникли в этот Мир. Вспомни, кто ты есть, и исполни Предначертанное...»

...Громадный орёл с изогнутым клювом распростёр крылья над площадью, запруженной беснующейся толпой, и человек с одутловатым лицом и водянистыми глазами. Человек, которому надо подсказать, и которого надо направить. Адольф Гитлер – фюрер тысячелетнего Рейха...

Детонатор сработал, сероватая масса заполнявшего чрево бомбы тринитротолуола обратилась в вихрь ревущего жадного пламени...

Бомба взорвалась.

* * *

– Случайность – великая вещь. Против неё бессилён сам Господь Бог... – задумчиво проговорил гауптманн, почесав нос и снова заглядывая на дно огромной воронки, гигантской язвой разорвавшей серую ленту автостреды. – Это же надо: прямое попадание шальной авиабомбы, сброшенной наугад с большой высоты, прямо в двигающийся с очень приличной скоростью автомобиль!

Дородный гауптманн любил пофилософствовать. Эта склонность особенно развилась у него после того, как французская пуля угодила ему в бедро на берегу Ла-Манша. Кость треснула, срослась как-то не так; он полгода провалялся по госпиталям, однако смог ходить без костылей, и даже был признан «ограниченно-годным к строевой службе». И служба эта вполне удовлетворяла гауптманна: лучше командовать ротой в тылу, чем батальоном в рядах действующей, пусть даже победоносно наступающей армии. Он свою кровь за Германию честно пролил, теперь очередь за другими. Во всём перст божий...

Послышался шум мотора, и гауптманн оторвался от созерцания ямы, на дне которой ещё дымились рваные куски железа – это было всё, что осталось от красавца «оппеля». Из подъехавшего «мерседеса» вышли трое в длинных кожаных чёрных плащах, и гауптманн, прихрамывая и поёживаясь от утреннего холодка и от чувства боязливого чинопочитания, поспешил с докладом: такое начальство ни в коем случае нельзя заставлять ждать.

– Что здесь произошло? – сухо спросил один из «чёрных плащей».

– Осмелюсь доложить, герр... – гауптманн замялся, поскольку знаков различия у прибывших видно не было, но тот, к кому он обращался, лишь пренебрежительно махнул рукой. – Авиабомба. Прямое попадание. Из штаба ПВО сообщили, что «томми» сегодня не прилетали, однако локаторы засекли несколько машин, подошедших с востока. Вероятно, русские.⁸ Вон с того дорожного поста, – гауптманн указал на видневшуюся неподалёку полосатую будку, – видели автомобиль, слышали характерный свист падающей бомбы и наблюдали взрыв. От машины – и от пассажиров – не осталось ничего.

Человек в чёрной коже молча выслушал доклад, подошёл к краю воронки и какое-то время смотрел вниз. Потом, так и не произнеся ни слова, он вместе с двумя другими высокими чинами сел в «мерседес» и уехал. Гауптманн с облегчением перевёл дух – от таких визитёров можно было ожидать чего угодно, вплоть до обвинения в неспособности (или хуже того, в нежелании) отвести падающую с неба смерть голыми руками.

...А рейхсканцлер и фюрер всего немецкого народа Адольф Гитлер проснулся наутро в отвратительном расположении духа и с дикой головной болью – пришлось даже потратить кое-какое время на приведение себя в порядок и несколько изменить существовавший распорядок дня. Гитлер поймал себя на том, что никак не может вспомнить что-то очень важное, случившееся не далее как вчера. Но что? Любые попытки сосредоточиться на этом предмете неминуемо вызвали новый приступ острой боли в висках и затылке. В конце концов фюрер оставил бесполезное и достаточно мучительное занятие: у него с лихвой хватало и других дел. Напомнить же ему не мог никто: встречи, подобные вчерашней, всегда окутывала плотная завеса конфиденциальности, а проще говоря – самой обыкновенной секретности, только доведённой до предельного уровня.

* * *

⁸ В июле 1941 года советские бомбардировщики «ДБ-3» полковника Преображенского летали с эстонского острова Эзель на бомбёжки Берлина. Военное значение этих налётов было ничтожным, однако они показали Германии и всему миру, что советская авиация не уничтожена, а продолжает существовать и даже способна наносить удары по столице Третьего Рейха.

Отправиться в оккупированную Данию Вернер Гейзенберг и Карл Вайцеккер смогли только в сентябре – у немецких физиков-атомщиков хлопот было невпроворот.

Официально визит имел своей целью уговорить Нильса Бора и сотрудников его института принять участие в немецко-датской конференции астрофизиков в Копенгагене. Однако куда более важным было другое: встревоженные статьёй в шведской газете германские учёные совсем не прочь были доподлинно выяснить, а как в действительности обстоят атомные дела союзников, и не придумал ли Бор какого-то нового, доселе неизвестного способа быстро и просто создать ядерную бомбу. Поэтому-то Гейзенберг по возвращении из поездки докладывал о её итогах в гестапо.

Датчанин встретил своего бывшего ученика холодно, от участия в конференции отказался наотрез, однако пригласил Гейзенберга к себе на обед – с тем условием, что о политике не будет сказано ни слова.

Гейзенберг утверждал, что спросил Бора, имеют ли физики моральное право работать над проблемами атомной энергии в военное время. «Бор, – писал Гейзенберг в 1948 году, – ответил мне вопросом на вопрос: верю ли я в возможность военного использования атомной энергии, и я ответил „да“. Затем я повторил свой вопрос, и Бор, к моему изумлению, сказал, что военное применение физики в любой стране неизбежно, а потому вполне оправданно». Однако никому из людей не известно доподлинно, о чём же всё-таки они говорили...

Во всяком случае, Гейзенберг понял, что сообщение в «Stockholms Tidningen» было заурядной газетной уткой (к тому же нафаршированной совершенно фантастическими цифрами), однако уткой, вскормленной чем-то вполне реальным – ведь подавляющее число бежавших от фашизма физиков обосновалось именно в Штатах. Америка богатая страна, и бомбы на её города не падают. Германию очень даже могут опередить...

Зимой, после битвы под Москвой, стало ясно, что блицкриг умер, и что перед Рейхом во весь рост встал призрак долгой и изнурительной войны на два фронта, перспектива победы в которой весьма проблематична. С этого самого момента в Германии начинаются усиленные работы над созданием «Wunderwaffe» – над всем, что так или иначе подходило (или хотя бы могло подходить) под категорию «чудо-оружия».

Над чем только не ломали голову военные инженеры, подгоняемые почуявшими запах жареного генералами и вождями Третьего Рейха!

Сверхтяжёлые танки и танки радиоуправляемые; планирующие бомбы и многоствольные миномёты; ракеты и реактивные истребители; «шнорхели» для работы дизелей субмарин в подводном положении, на перископной глубине, и «истинно подводные» лодки Вальтера с энергетической установкой на перекиси водорода, способные переломить ход битвы за Атлантику; самонаводящиеся акустические торпеды и торпеды, управляемые человеком (в отличие от японцев, немцы отнюдь не торопились ступить во врата Валгаллы, и поэтому их «биберы» представляли из себя своеобразную этажерку: к верхней торпедой, на которой сидел прикрытый прозрачным колпаком водитель, подвешивалась нижняя, боевая).

Были и вовсе экзотические проекты – вроде электромагнитных пушек для метания тяжелых снарядов через Ла-Манш или даже пресловутых «Х-лучей», якобы способных останавливать в воздухе моторы вражеских аэропланов и тем самым прикрыть территорию Германии от опустошительных воздушных налётов.

Кое-что из этого обширного и далеко не полного списка применялось в деле с той или иной степенью эффективности, кое-что не вышло из стадии опытных образцов, а что-то так и осталось прожектками на бумаге – на всё не хватило ни времени, ни возможностей.

Самым известным образчиком «Wunderwaffe» стали ракеты «Фау-1» и «Фау-2». Если первые по скорости и высоте полёта почти ничем не отличались от обычных самолётов (англичане довольно скоро отыскивали противоядие и сбивали «фау-первые» истребителями и зенитками), то вторые падали на головы обитателей Британских островов громом среди ясного неба – неожиданно и неотвратимо.

Но и это оружие скорее можно было отнести к разряду психологического (с военной точки зрения куда более полезными оказались фаустпатроны, успешно поджигавшие и

советские «тридцатьчетвёрки», и американские «шерманы») – ну развалили десяток-другой строений на английской земле, ну пошатнули веру островитян в собственную недосыгаемость... Тысяча килограммов взрывчатки в ракете «Фау-2» – величина, конечно, впечатляющая, но отнюдь не ошеломляющая. Вот если бы к какой-нибудь из этих ракет была привинчена атомная бомба...

Однако в длинном перечне «чудо-оружия» места для неё не нашлось.

Германское военное руководство почему-то решило, что ядерное оружие хотя и осуществимо в принципе, но актуальным не является, поскольку не может быть создано и использовано до конца войны и, следовательно, не может определить её исход. Решение о бесперспективности попыток повлиять на ход войны с помощью ядерного оружия, принятое германским военным руководством в сорок втором году, было окончательным. Никто – ни среди военных, ни в германской промышленности, ни в нацистском правительстве, ни даже сами учёные – не верил, что атомная бомба может быть создана и использована во второй мировой войне. Это решение никогда не подвергалось серьёзному пересмотру. И это притом, что работы в области ядерной энергетики продолжались с целью создания атомного реактора – источника энергии для всё тех же подводных лодок.

Учёные не верили? А как же Гейзенберг, ещё год назад считавший, что «перед ними прямая дорога к атомной бомбе» и заявивший Нильсу Бору о своей «глубокой уверенности в возможности военного применения» внутриатомной энергии? А руководители Третьего Рейха? Германия распыляла усилия по очень многим направлениям – зачастую не имевшим принципиального значения или попросту эфемерным – вместо того, чтобы сосредоточиться на «Урановом проекте», сулящем невиданное. Утопающий хватается за соломинку, а ведь Гитлер был азартным игроком...

* * *

– Итак, господа, – подвёл итог имперский министр вооружений Альберт Шпеер, – мы имели удовольствие заслушать господина Вернера фон Брауна, ясно изложившего нам весьма впечатляющие перспективы применения ракетного оружия в войне, которую ведёт Рейх против союзников. Далее...

«Тёзка просто поразил всех своим красноречием и живописанием тех неисчислимых бедствий, которые обрушат на головы англичан – а потом и американцев – его ракеты, – с завистью подумал главный теоретик „Уранового клуба“. – Он своего добился: теперь любая возможная помощь его проекту гарантирована...».

– ...слово предоставляется господину Гейзенбергу.

Вернер Гейзенберг хорошо подготовился к выступлению. Перед ним на столе лежала коричневая кожаная папка, набитая исписанными листами бумаги: цифры, цифры и ещё раз цифры. Не математические уравнения, отнюдь, но расчёты сроков завершения отдельных этапов работы, сметы и прикидки требуемого количества инженеров, техников и рабочих.⁹ Шпеер человек дела, и в его оценке очень эмоционального выступления фон Брауна прозвучала определённая доля иронии.

Убедить такого человека могут только бесстрастные цифры – конечно, подкреплённые уверенностью человека, приводящего эти цифры, в конечном успехе его замысла. Такая уверенность у профессора Вернера Гейзенберга была, а сроки завершения проекта напрямую зависели – прежде всего! – от того, какие средства будут выделены, то есть насколько серьёзно будет воспринята высшими иерархами Рейха идея небывалого сверхоружия. И свою задачу Гейзенберг сейчас видел в том, чтобы убедить далёких от науки военных и

⁹ Этот документ, как и многие другие из архива Гейзенберга, не ставшего отцом атомной бомбы, не сохранился.

промышленников в абсолютной реальности задуманного.

– Мы слушаем вас, господин Гейзенберг, – напомнил министр вооружений.

«Они смотрят на меня так, как, наверно, смотрели инквизиторы на закоренелого еретика! – подумал вдруг Вернер Гейзенберг. – Почему? Я не понимаю, что происходит...»

Он помедлил ещё пару мгновений, и внезапно с леденящим душу ужасом ощутил, что вся тщательно подготовленная им стройная система убедительных доказательств рушится, как карточный домик. Нобелевский лауреат совершенно неожиданно почувствовал себя не выучившим урок первоклассником, стоящим перед строгим педагогом. Язык сделался непослушным и словно прилип к нёбу. Знаменитый физик смешался, потерял нить.

«Как кружится голова...».

...Доклад получился мятым – особенно по сравнению с тем, что и как говорил фон Браун. Гейзенберг видел, как Шпеер, чуть склонив голову, барабанит пальцами по столу – верный признак раздражения. И действительно, тратить драгоценное время на не доведённые до ума полуабстрактные рассуждения! Совещание такого уровня – не научный диспут о перспективных и неперспективных направлениях в науке! «Это катастрофа...»

– Скажите, – напрямик спросил имперский министр, – а когда конкретно можно ожидать создания бомбы в металле, готовой к тому, чтобы быть подвешенной к тяжёлому бомбардировщику?

– Я полагаю... э-э-э... что при условии бесперебойного снабжения и финансирования, потребуется, скажем... несколько лет напряжённой работы и... в любом случае на итоги нынешней войны бомба повлиять не сможет. «Боже, что я несу! Какого чёрта...»

И по тому, как дрогнули тонкие губы Шпеера, научный руководитель «Уранового клуба» понял: интерес к его предложению утрачен начисто. Бомбу делать не будут.

...После того, как было принято решение отказаться от планов создания атомной бомбы и сосредоточить ресурсы на другом «чудо-оружии», ракетном проекте Вернера фон Брауна, вожди рейха к этому вопросу более не возвращались.

На совещании в Берлине 4 июня 1942 года Вернер Гейзенберг не сказал того, что он должен был сказать, что он собирался сказать и что он хотел сказать.

Германия не перевела процесс создания ядерного оружия на промышленные рельсы – в отличие от Соединённых Штатов Америки, выделивших на Манхэттенский проект двадцать процентов всех ассигнований на научные исследования и задействовавших в работе над бомбой усилия ста пятидесяти тысяч человек. Германия тоже могла сделать подобный шаг, – над ракетами «Фау», например, трудилось сто тысяч человек, от ведущих специалистов до слесарей-сборщиков (несколько десятков теоретиков «Уранового клуба» не идут ни в какое сравнение с этой гигантской цифрой), – однако не сделала.

В любом тоталитарном государстве мнение Вождя имеет решающее значение. Вмешайся Гитлер в «Урановый проект» или хотя бы заговори о нём... Но фюрер – за все оставшиеся «тысячелетнему рейху» три года жизни – даже не коснулся этой темы. Любое тоталитарное государственное образование очень уязвимо именно из-за этой особенности: из-за наибольшей весомости слова одного-единственного человека, стоящего у руля. А на сознание одного – как уже упоминалось – можно воздействовать...

И ещё одна мелочь: бойцы норвежского Сопротивления провели успешную диверсию против германского завода по производству тяжёлой воды, находившегося на территории оккупированной Норвегии. Как удалось партизанам, вооружённым чуть ли не охотничьими ружьями, обмануть бдительность многочисленной охраны и взорвать столь важный объект? Ни на одном из бесчисленных военных заводов Третьего Рейха, ни на одной базе подводных лодок, ни на одной стартовой площадке ракет диверсий не было. А завод тяжёлой воды взлетел на воздух... Но это просто избыточный довесок к уже достигнутому – так, на всякий случай.

...Глава фратрии Ночи материнского домена Звёздной Владычицы Эн-Риэнанты Маг Грольф разорвал контакт и расслабился. Дело сделано.

* * *

– Итак, Селиана?

– Противопоставленная страна не дотянется до рукояти Меча Демонов, однако Носители Разума на Третьей его получают. Целесообразность такого события признана. Учитывая сохраняющуюся высокую степень агрессивности Дракона, мы пришли к выводу, что наличие у незараженных оружия, основанного на принципе распада, может послужить серьёзным сдерживающим фактором.

– Положим, абсолютно незаражённых в этом Мире нет.

– Бесспорно, но я имею в виду прямые последствия Проникновения чёрных эсков. Захваченная страна ещё способна трансформироваться во вселенскую угрозу. Хранители Жизни не могут этого допустить, Королева.

* * *

Ранним утром 16 июля 1945 гола над каменистой безжизненной пустыней близ Аламогордо, что в штате Нью-Мексико, родился слепящий свет. Поток его плеснул сквозь толщу бронестекла, щедро приправленного свинцом, и выхватил из полутьмы подземного бункера лица людей, словно фотовспышка.

На лицах военных не отразилось никаких эмоций, кроме жадного профессионального интереса, техники-операторы видели одни лишь показания приборов, колонки цифр и причудливой формы кривые, лежащие на ленты самописцев, а вот учёные... Пожалуй, только сейчас они поняли, *какого* демона вызвали. Губы Роберта Оппенгеймера шептали строки из индийского эпоса «Махабхарата»: «Свет ярче тысяч солнц во тьме родится... Детей в утробах матерей убьёт...»

Генерал Лесли Гровс повернулся к физику – научному руководителю проекта – и сказал с улыбкой:

– Эта штука очень не понравится ни японцам, ни русским. Теперь надо испытать её в деле.

Оппенгеймер не ответил. Он смотрел, как клубящееся облако поднимается всё выше и выше, втягивая в себя тысячи тонн пыли, праха и раскалённого пепла и образуя исполинский гриб на извивающейся ножке...

* * *

– Касты воинов одинаковы во всех Мирах. Обретя новый меч, они прежде всего стремятся узнать, насколько жадно он будет пить кровь.

– Ты считаешь, что эти тоже должны попробовать? Но количество жертв...

– Жертв будет неизмеримо больше, если План Чёрных Разрушителей осуществится в полной мере – ты знаешь это не хуже меня. Правителю Захваченной страны требуется предметное подтверждение масштаба той мощи, которой располагают его противники. Это будет сделано именно для него, а вовсе не для воинственных генералов Страны-между-Океанами. В противном случае действия Обращённого малопредсказуемы: вдохновлённый победой своих армий над Противопоставленными, он может сделать очень опасный шаг. В этом гипотетическом случае число жертв также окажется гораздо более значительным.

– А где это оружие будет применено? Островная Империя?

– Да, именно там. Ситуация стандартная – Островная Империя и Страна-между-Океанами находятся в состоянии войны. И кроме того, Принцип Кармического Воздаяния: ведь именно отвага воинов Островной Империи в немалой степени способствовала тому,

что Выбранная страна стала Захваченной – её поражение в войне с островитянами стало тем самым камешком, который сорвал лавину и инициировал возможность успешного Проникновения Несущих Зло. А Долги надо платить...

* * *

В конце войны погибать никому не хочется: ни победителям, готовящимся досыта насладиться плодами победы; ни побеждённым, надеющимся выжить. Перспектива гибели во время военных действий никогда не является такой уж заманчивой для Носителей Разума, а перед самым их окончанием – тем более. Всем хочется жить.

...Летние ночи над океаном в тропиках по-особенному темны, и лунный свет только подчёркивает густоту и вязкость этой тьмы. Тяжелый крейсер военно-морских сил США «Индианаполис» рассекал влажный мрак ночи с 29 на 30 июля 1945 года, неся на борту тысячу двести человек экипажа. Большинство из них спали, бодрствовали только вахтенные. Да и чего мог опасаться мощный американский военный корабль в этих давно очищенных от японцев водах?

После сокрушительных поражений сорок четвёртого года – у Марианских островов и на Филиппинах – японский императорский флот, некогда наводивший ужас на весь Тихий океан, просто перестал быть. Подавляющая часть его боевых единиц легла на дно, а несколько уцелевших крупных кораблей умерли под бомбами и торпедами самолётов с авианосцев 5-го флота в гавани военно-морской базы Курэ. Краса и гордость Японии, символ её морской мощи и всей нации – великолепный «Ямато», самый могучий из всех когда-либо созданных человечеством линейных кораблей, – потопила авиация адмирала Марка Митчера 7 апреля 1945 года во время последнего боевого выхода линкора к берегам Окинавы, где высадился американский десант. Почти четыре сотни торпедоносцев и бомбардировщиков 54-го оперативного соединения клевали японскую эскадру около двух часов. И заклевали: вместе с суперлинкором на дно ушли лёгкий крейсер «Яхаги» и четыре эсминца. «Ямато» не спасли ни необычайно толстая броня, ни конструктивные особенности, делавшие этот гигантский корабль очень труднопотопляемым, ни двести зенитных стволов, превращавших небо над ним в сплошную огненную завесу.

Что же касается японских ВВС, то их никто уже не принимал всерьёз. Ветераны, разгромившие Пёрл-Харбор, погибли у Мидуэя и Соломоновых островов, а неоперившиеся лётчики-новички становились лёгкой добычей для куда более опытных и гораздо лучше обученных пилотов американских истребителей. И, конечно, подавляющее численное превосходство – американская экономическая мощь задавила японскую. Война неумолимо катилась к своему победоносному для США завершению.

Оставались, правда, лётчики-камикадзе, бестрепетно таранившие корабли, но сквозь воздушные боевые патрули и плотный зенитный огонь к цели пробивались единицы, так что воздействие этого оружия было скорее чисто психологическим. Один такой смертник врезался в палубу «Индианаполиса» во время боев за Окинаву, ну и что особенного? Возник пожар (который быстро потушили), кое-что было разрушено или повреждено... и всё. Не обошлось без жертв, но остальные члены экипажа отнеслись к этому с равнодушием закалённых солдат – ведь крейсер в результате этой атаки отправился на ремонт в Сан-Франциско, где простоял два месяца вдали от войны. Куда приятнее пить виски и тискать девчонок, чем ожидать, когда тебе на голову свалится следующий сумасшедший азиат. И война вот-вот кончится, а подышать под занавес обидно вдвойне.

Существовала, конечно, вероятность напороться на какую-нибудь шалую субмарину противника, – по данным разведки, какое-то количество этих морских волков-одиночек всё ещё рыскало в Тихом океане в поисках незащищённых объектов для атаки, – но вероятность такой встречи исчезающе мала: гораздо меньше, чем риск угодить под колёса автомобиля при переходе улицы в Нью-Йорке. Тем более для быстроходного боевого корабля.

Впрочем, подобные мысли мало кого занимали на борту «Индианаполиса» – пусть голова от этих проблем болит у того, кому такая хвороба по штату положена. У капитана Маквея, например.

Командир крейсера кэптен Чарльз Батлер Маквей в свои сорок шесть был опытным моряком, вполне заслуженно оказавшимся на командном мостике тяжёлого крейсера. Он встретил войну с Японией старшим офицером крейсера «Кливленд», имея звание командера,¹⁰ участвовал во многих боях, в том числе в захвате островов Гуам, Сайпан и Тиниан и в крупнейшем в истории войн на море сражении в заливе Лейте, заслужил «Серебряную Звезду». И в эту ночь, несмотря на поздний час – одиннадцать вечера, – он не спал. В отличие от большинства своих подчинённых, Маквей знал гораздо больше любого из них, и знание это отнюдь не прибавляло ему спокойствия.

...Всё началось во Фриско.¹¹ Ремонт корабля на верфи острова Мар, что милях в двадцати от города, приближался к концу, когда Маквея неожиданно вызвали в штаб Калифорнийской военно-морской базы. Полученный приказ был лаконичен: «Корабль к походу изготовить». И следом поступило распоряжение перейти на другую верфь, Хантер-Пойнтс, и ждать прибытия высокопоставленных гостей из Вашингтона.

Вскоре на крейсере появились генерал Лесли Гровс, руководитель секретного «Манхэттенского проекта» (а в чём суть этого самого проекта, Маквей, естественно, не имел ни малейшего представления), и контр-адмирал Уильям Парнелл. Ви-Ди-Пи¹² кратко изложили капитану Маквею суть дела: крейсер должен принять на борт «спецгруз» с сопровождающими и доставить его в целости и сохранности по назначению. Куда – не сказали, это командир должен был узнать из вручённого ему пакета от начальника штаба при верховном главнокомандующем вооружёнными силами США адмирала Уильяма Д. Леги. Пакет украшали два внушительных красных штампа: «Совершенно секретно» и «Вскрыть в море». О характере груза капитана также не проинформировали, Парнелл так и сказал: «Ни командиру, ни, тем более, его подчинённым знать об этом не положено».

Но старый моряк чутьём понял: этот чёртов специальный груз дороже самого крейсера и даже жизнью всего его экипажа.

Часть груза разместили в ангаре для гидросамолёта, а другую часть – вероятно, наиболее важную (в упаковке, напоминающей внушительных размеров коробку для женских шляпок), – в командирском салоне. Молчаливые офицеры-сопровождающие разместились и там, и там. Заметив у них эмблемы медицинских войск, Чарльз Маквей подумал с брезгливостью настоящего солдата, привыкшего к честным методам ведения боя: «Вот уж не ожидал, что мы докатимся до бактериологической войны!». Однако вслух он ничего не сказал – многолетняя служба на флоте научила его в соответствующих ситуациях уметь держать язык за зубами. Но вся эта история не понравилась капитану с самого начала – было в ней что-то слишком зловещее...

Операция «Бронкс Шипментс» началась.

Естественно, что и экипаж, и пассажиры (на борту «Индианаполиса» возвращалось на Гавайи немало армейских и флотских офицеров) проявили живейшее любопытство в связи с загадочной «шляпной коробкой». Однако любые попытки кого бы то ни было разузнать хоть что-нибудь (не мытьём, так катаньем) у безмолвных часовых потерпели полный крах.

В 08.00 16 июля 1945 года тяжёлый крейсер «Индианаполис» снялся с якоря, миновал Золотые Ворота и вышел в Тихий океан. Корабль взял курс на Пёрл-Харбор, куда и прибыл благополучно через трое с половиной суток – почти всё время следуя полным ходом.

¹⁰ Captain – капитан 1-го ранга в британском и американском ВМФ, commander – капитан 2-го ранга.

¹¹ Сан-Франциско (амер. сленг).

¹² Английская аббревиатура VDP – Very Distinguished Persons – очень весомые персоны.

Стоянка на Оаху была недолгой – всего несколько часов. Крейсер отдал левый якорь и, подработав машинами, ткнулся кормой в причал. Пассажиры покинули борт, а корабль торопливо принял топливо и провизию и всего через шесть часов после прибытия покинул Жемчужную Гавань.

К острову Тиниан в Марианском архипелаге «Индианаполис» подошёл ночью 26 июля. Луна, вставшая над океаном, заливала своим мертвенно-призрачным светом бесконечно катящиеся к песчаному берегу вереницы волн, украшенных белыми плюмажами гребней.

Первобытная красота этого зрелища совсем не приводила кэптана Маквея в восторг: из-за волн и глубин близко к берегу не подойти, а тут ещё эта проклятая луна висит над головами, как огромная осветительная ракета, превращая все корабли на рейде острова в идеальные мишени для ночных бомбардировщиков-торпедоносцев. Американская авиация полностью господствует в небе над Марианами, но Маквей знал отчаянность самураев и их склонность к авантурным выходкам. Крейсер уже был у этих берегов – год назад его орудия поддерживали огнём высадившуюся на остров и ломавшую упорное сопротивление японцев морскую пехоту. И вот снова те же места... Тесен наш мир, ничего не скажешь.

Однако обошлось. С рассветом к борту «Индианаполиса» подошла самоходная баржа с шишками из командования местного гарнизона – на острове располагалась авиабаза, откуда «сверхкрепости» «Б-29» летали бомбить метрополию утратившей захваченное и усохшей Японской империи.

От спецгруза освободились быстро – его и было-то всего ничего, несколько ящиков да пресловутая «шляпная коробка». Люди работали проворно и слаженно, подстёгиваемые строгим приказом и неосознанным желанием поскорее избавиться от этого загадочного барахла вместе с его угрюмыми и не улыбочивыми, не отвечающими на шутки сопровождающими. Мысли матросов были просты и незатейливы: мы вас довезли, доставили прямо к подъезду, а теперь катитесь со своим хламом куда подальше, и чаевые оставьте себе!

Кэптен Маквей наблюдал за выгрузкой со смешанными чувствами: чёткое выполнение приказа радовало сердце старого служаки, но к ощущению исполненного долга примешивалось и ещё кое-что, непонятное и тревожащее. Командир вдруг поймал себя на мысли, что он дорого бы дал за то, чтобы никогда не видеть в глаза эту дурацкую «шляпную коробку»...

Так, кажется, всё. На барже уже застучал дизель, и боцманская команда убирает швартовы. Руководивший выгрузкой кэптен Пэрсонс (он же «Юджа», у этих парней у всех клички, словно у чикагских гангстеров) вежливо коснулся козырька своей фуражки и крикнул Маквею с отходящей самоходки: «Благодарю за работу, капитан! Желаю удачи, сэр!». Да, удачи, – а чего ещё надо моряку в море?

Тяжёлый крейсер ещё несколько часов торчал на открытом рейде Тиниана в ожидании дальнейших распоряжений из штаба командующего Тихоокеанским флотом. И ближе к полудню распоряжение поступило: «Следовать на Гуам».

Но потом началось что-то непонятное. Кэптен Маквей вполне разумно предположил, что его корабль задержится на Гуаме: чуть ли не треть экипажа «Индианаполиса» составляли салаги-новобранцы, не видевшие толком моря (не говоря уже о том, чтобы понюхать пороху), и для них безотлагательно требовалось провести полный цикл боевой подготовки. Да и, собственно говоря, куда и зачем отправлять боевой корабль такого класса в настоящее время? С кем воевать? Где противник, который может оказаться достойной мишенью для восьмидюймовых пушек тяжёлого крейсера? Позднее, быть может, когда начнётся давно запланированная операция «Айсберг» – вторжение на острова собственно Японии, о котором давно поговаривают в штабах (и не только в штабах), тогда да. Крейсеру уже приходилось оказывать огневую поддержку десанту – с этой работой его командир хорошо знаком. Но сейчас? Зачем гонять корабль из одной точки Тихого океана – с Марианских островов на Филиппины! – в другую, жечь топливо (которое стоит явно дороже, нежели пять центов за тонну), если пребывание крейсера в любой из них равнозначимо с военной точки зрения?

Однако оказалось, что логика старшего морского начальника района коммодора¹³ Джеймса Картера несколько отличается от логики кэптана Чарльза Маквея. Коммодор безапелляционно заявил командиру крейсера, что океан достаточно просторен, и что учиться можно где угодно. Ссылки Маквея на то, что уже во время перехода «Индианаполиса» из Сан-Франциско в Пёрл-Харбор выяснилось неготовность его команды к решению серьёзных боевых задач, не произвели на коммодора ровным счётом никакого впечатления. «Начальник всегда прав!» – этот афоризм справедлив для любой армии (и не только для армии).

Последнее слово осталось за Картером, и командир крейсера молча взял под козырёк. Тем не менее, у Маквея сложилось впечатление, что его корабль стремятся как можно скорее выпихнуть куда угодно, избавиться от него, словно на мачте «Индианаполиса» развевался жёлтый карантинный флаг – как над зачумлённым судном.

Более того, кэптен не получил никакой информации о наличии или отсутствии подлодок противника в районе следования корабля, для эскорта не нашлось хотя бы парочки фрегатов или эсминцев, а в заливе Лейте на Филиппинах (куда было приказано прибыть крейсеру) его совсем не ждали и даже не знали, что он вообще к ним направляется.

...И вот «Индианаполис» вспарывает тёмную поверхность ночного океана, оставляя за кормой белопенный, светящийся во тьме бурунный след. Лаг торопливо отсчитывает милию за милей, словно корабль убегает от того, что он сделал – пусть даже не по своей воле...

* * *

– Корабль должен доставить Меч на остров, Предводительница. Неслучайные случайности – прекрасный инструмент. Вот если он затонет на обратном пути – не возражаю. Наоборот, подобное можно даже приветствовать – ведь любое прикосновение к страшной Силе зачастую наказуемо. И кроме того, по Принципу Равновесия обеспечение нами безопасного прибытия корабля туда – то есть вмешательство – должно быть компенсировано.

– Ну, это не так сложно, досточтимый Глава фратрии. Техника – тем более такая примитивная, как техника этого Мира, – легко поддаётся воздействию магии.

– Да, я помню. Когда флоты Островной Империи и Страны-между-Океанами столкнулись в решающей битве у атолла... – эти туземные названия! – ты всего-то чуть-чуть помешала самолёту-разведчику островитян сообщить своим об обнаружении ударных сил противника. Результат – сокрушительный разгром лучших сил флота Империи.

– Не я была первой. Год назад эту уловку применили Разрушители. А я – я заметила следы и потом, когда мы распутывали все причины-обстоятельства, запомнила принцип.

– Чёрные? Вот уж не знал... Интересно!

– Да, они. Незадолго перед реализацией Прорыва Зла в Выбранной Стране на Третьей была большая война...

– Это я знаю.

– ...и всего один боевой корабль – кстати, той самой страны, которая затем стала Противопоставленной, – оказал на ход и исход этой войны – и на Проникновение Чёрных – известное влияние. И Адепты Зла – точнее, кто-то один из них, – обеспечили появление этого крейсера в нужном месте и в нужное время, нейтрализовав радиосвязь противника и даже подменив важнейшее сообщение. Прекрасно организованная случайность!¹⁴

– Что ж, у Вечного Врага есть чему поучиться. Действуй, Предводительница!

¹³ Commodore (англ.) – промежуточное звание между капитаном 1-го ранга и контр-адмиралом

¹⁴ Об этом в романе «Колесо Сансары».

* * *

– Командир, у нас проблема. Не так чтобы очень, но... Компас, похоже, малость свихнулся: показывает вместо сторон света погоду в Майами. И радиопеленгатор...

– Когда мы вернёмся на Гуам, я произведу над этой толстой задницей, старшиной техников, ма-а-ленькую хирургическую операцию, после которой он навеки утратит интерес к девкам. Напомни мне, если я забуду об этом своём намерении, Билли.

Урча моторами, «каталина» шла над самыми гребнями равномерно катившихся вниз волн. Нет, пожалуй, лучше набрать высоту. Когда барахлят навигационные приборы, да ещё невесть откуда наползает какой-то очень странный туман, бреющий полёт вряд ли можно считать самым приятным аттракционом. Они и так, кажется, сбились с курса – не хватало ещё врезаться в какой-нибудь крошечный, но зубастый не отмеченный на карте атолл.

А внизу маленький, похожий на подростка желтолицый радиометрист уже докладывал командиру «И-58» о появлении новой цели – на этот раз воздушной. Хасимото вздохнул и скомандовал погружение – замеченный ранее большой военный корабль придётся оставить в покое. Самолёт слишком опасный противник для подводной лодки, практический недостижимый для ответного удара. От него можно только спрятаться.

Когда несколько дней спустя та же надводная цель снова появилась на экране радара «И-58», никаких помех для успешной атаки не было...

* * *

Подводная лодка «И-58» под командованием капитана 3-го ранга Мотицуру Хасимото девятый день находилась у Марианских островов. Здесь стягивались в тугую узёл линии коммуникаций американцев, и перехватывать их корабли гораздо удобнее здесь, нежели в океане, где конвои и отдельные суда следуют произвольными курсами, что резко снижает вероятность обнаружения врага. Правда, этот район опаснее – над ним постоянно летают самолёты берегового базирования и противолодочные «каталины», – но неизбежный риск приемлем для истинного воина.

Но именно из-за этих проклятых гидросамолётов янки «И-58» несколько дней назад упустила прекрасную возможность атаковать обнаруженную крупную быстроходную цель, следовавшую куда-то на запад, к Тиниану. Спасибо радиометристам – они засекли патрульную «летающую лодку» вовремя, и субмарина ушла на спасительную глубину. Однако в подводном положении преследовать противника оказалось невозможно, – пешком не угнаться за скачущей во весь опор лошадью, – и Хасимото с сожалением отказался от торпедной атаки. Ещё в большей степени расстроились рвавшие в бой водители человекоуправляемых торпед «Кайтен», горевшие желанием как можно скорее отдать жизнь за обожаемого Тенно – императора.

На борту «И-58» «Кайтенов» было шесть. Торпеды эти – морской аналог лётчиков-камикадзе – скорее походили на миниатюрные подводные лодки, чем на торпеды в привычном смысле этого слова. В торпедные аппараты они не влезали, а крепились прямо на палубе субмарины. Непосредственно перед атакой – коль скоро такое решение принималось – водители через специальный переходной люк забирались внутрь своих мини-лодок, задраивались изнутри, отцеплялись от лодки-носителя, запускали работавший на перекиси водорода двигатель и отправлялись навстречу ими самими выбранной судьбе. Взрывчатки человекоторпеда несла втрое больше, чем обычная японская торпеда «Длинная пика», поэтому считалось, что вызванные взрывом этой торпеды разрушения подводной части атакованного корабля будут гораздо более значительными.

И похоже, так оно и было на самом деле. Удача улыбнулась японскому подводнику не далее как вчера: «И-58» нанесла удар двумя «Кайтенами» (их выпустили одну за другой) по

одиночному крупному танкеру. Судно затонуло стремительно, словно у него разом вырвали всё днище, и Хасимото поздравил свой экипаж с первым боевым успехом.

Командир «И-58» отнюдь не обольщался. Он прекрасно понимал, что война проиграна, и что никакие его усилия уже не спасут Японию от неминуемого поражения. Но настоящий самурай гонит от себя прочь подобные ослабляющие дух мысли: есть долг воина, который надлежит исполнять с честью, не допуская при этом никаких недостойных колебаний.

Мотицуру Хасимото стал подводником по призванию. В военно-морском училище на острове Этадзима по традиции лучших выпускников направляли на тяжёлые артиллерийские корабли, а в авиацию и на подводные лодки посылали середнячков – удивительный факт для флота, первым создавшего ударное авианосное соединение, разработавшего тактику его боевого использования и применившего теорию на практике с потрясающими результатами! Недооценка же роли субмарин в будущей войне привело к их крайне нерациональному и неэффективному расходованию, а пренебрежение мерами противолодочной обороны – к колоссальным потерям в боевых кораблях и транспортных судах. В ходе войны на Тихом океане американские подводники собрали богатый урожай, устлая морское дно сотнями и сотнями потопленных ими японских кораблей.

Но даже в таких условиях японцы добились кое-каких успехов. Именно подводники прикончили авианосец «Йорктаун» у Мидуэя и авианосец «Уосп» у Соломоновых островов. Весь императорский Объединённый флот гордился командирами и экипажами этих лодок, достойными всяческого подражания.

А линкоры, укомплектованные отличниками, – линкоры, эти динозавры морской войны, – они утратили свою былую значимость, превратившись в грандиозные мишени для торпед и авиабомб, в дорогостоящий – и очень уязвимый! – символ военно-морской мощи страны. И всё-таки потопление такого бронированного монстра было и оставалось заветной мечтой каждого моряка-подводника,¹⁵ и Хасимото, до назначения на «И-58» побывавший командиром нескольких подлодок и заслуживший признания командованием своих высоких качеств офицера-подводника, не представлял собой исключения из этого общего правила.

...В 23.00 29 июля 1945 года поступил доклад от гидроакустика: зафиксирован шум винтов крупной цели, двигающейся встречным курсом. Командир скоординировал всплытие.

Первым вражеский корабль – визуально – обнаружил штурман, и тут же пришёл доклад о появлении на экране радара отметки-импульса. Поднявшись на верхний ходовой мостик, Хасимото убедился: да, на горизонте чёрная точка; да, она приближается.

«И-58» снова нырнула – совсем ни к чему, чтобы радиолокатор американцев тоже обнаружил лодку. Скорость хода у цели очень даже приличная, и противник легко сможет уклониться. А если враг их не заметит, то встреча неизбежна – курс цели ведёт её прямо на субмарину.

Затаив дыхание, командир лодки следил через окуляр перископа, как точка медленно увеличивается, превращается в силуэт, обретает размеры и форму. Да, крупный корабль – очень крупный! Высота мачт (с двадцати кабельтовых это уже можно определить) более тридцати метров, а это значит, что перед ним либо большой крейсер, либо даже линкор. Заманчивая добыча!

Вопрос: чем его бить? Вариантов два: либо разрядить в американца носовые аппараты шеститорпедным веером, либо использовать «Кайтен». Корабль движется со скоростью не менее двадцати узлов, значит, – с учётом ошибок при расчёте залпа, – можно надеяться на попадание одной-двух, максимум трёх торпед. На борту «И-58» не было самонаводящихся акустических торпед, подобных тем, что с сорок третьего года использовались немецкими подводниками в Атлантике, – такое оружие слишком поздно появилось у Императорского флота. Хватит ли пары «Длинных пик» для того, чтобы наверняка сломать хребт тяжёлому

¹⁵ Во время Второй мировой войны подводники потопили три линкора: немцы английские «Ройял Оук» и «Бархэм», американцы японский «Конго».

крейсера?

«Кайтен» с его мощным зарядом надёжнее, да и система *человеконаведения* не менее – если не более – эффективна, нежели хитроумная техника, применённая германскими инженерами для их торпед «Цаункёниг». И кроме того, водители «Кайтенов», спеша погибнуть с честью, вели себя чересчур экспансивно, нервирова своим пылом остальную экипаж лодки. Настоящий подводник должен быть хладнокровен и спокоен, ибо малейшая ошибка одного может привести к тому, что лодка превратится в один просторный стальной гроб для всех. Поэтому Хасимото совсем не прочь был поскорее избавиться от смертников.

Оторвавшись от перископа, командир «И-58» бросил одну-единственную короткую фразу: «Водителям „го“ и „ро“¹⁶ занять свои места!». У морских камикадзе – «Кайтенов» – не было имён, их заменяли всего лишь порядковые номера...

* * *

Полковник Пол Тиббетс меланхолично жевал резинку, провожая рассеянным взглядом редкие рваные клочки жиденьких облаков, проплывавшие под крылом четырёхмоторного «Б-29 Суперфортресс». Пока видимость прекрасная, и если этот чересчур сентиментальный для военного лётчика парень, майор Клод Изерли на своём разведывательном самолёте не ошибся, то такой же она будет и над целью. Полковник недолюбливал Клода за его чересчур гуманистические, по мнению Тиббетса, воззрения, но отдавал должное профессиональным качествам Изерли: пилот свою работу знал и всегда прекрасно её выполнял. Правда, если он не научится не распускать язык где не следует, то карьеру ему не сделать. Более того, майор наверняка нарвётся на крупные неприятности, непременно нарвётся. Ему бы проповедником быть, а не служить в бомбардировочной авиации!

К такому выводу полковник Тиббетс пришёл, став свидетелем бурного спора среди лётчиков, разгоревшегося в офицерском клубе авиабазы на Тиниане. Дело было в марте, вскорости после того, как стратегическая авиация ВВС США произвела налёт на Токио, применив в невиданных ранее масштабах зажигательные бомбы и канистры с только что изобретённым и входящим в моду напалмом. Эффект получился потрясающий: целые кварталы японской столицы, застроенные лёгкими деревянными домиками и плотно заселённые рабочими промышленных предприятий и их семьями, превратились в огненное море – в прямом смысле слова, жарко полыхающий напалм тёк по узким улочкам ручьями. Погибли – сгорели заживо – многие десятки тысяч мирных людей: старики, дети, женщины; целые районы Токио были выжжены дотла. И событие это вызвало живейший отклик среди пилотов «Б-29» – в армии страны, так гордящейся своей демократией, можно высказывать собственное мнение в неформальной обстановке (иногда).

Мнения разделились, и вот тут-то майор Изерли и показал себя во всей красе – такого вдохновенного красноречия Тиббетс не мог припомнить ни у кого из армейских капелланов, несущих солдатам слово божье. А смысл наполненной обличительным пафосом речи майора сводился к тому, что «так не воюют», что массовое убийство гражданских лиц является военным преступлением, и что исполнителей этой акции надо не награждать орденами, а судить. Скандал разгорелся нешуточный, ещё чуть-чуть – и пришлось бы вызывать военную полицию (слава Богу, обошлось). Удивительно, но факт: на майора не только не наложили никакого взыскания, но даже не отстранили от боевых вылетов. Правда, решение по этому вопросу принимал не полковник Тиббетс, а кто-то чином повыше (после этого даже пошли сплетни, что у Клода приятели чуть ли не в самом Конгрессе или даже в Сенате).

Что же касается самого полковника Пола Тиббетса, то у него ни на секунду не возникло сомнения в правильности действий маршала авиации Спаатса, отдавшего приказ о

¹⁶ Числительные «пять» и «шесть» (японск.)

бомбардировках Токио и других японских городов.

Война – это занятие не для белоручек, и кто это решил, как «этично» и как «неэтично» убивать? Почему приканчивать – тем или иным способом – здоровых молодых парней (чьих-то, между прочим, сыновей, мужей, отцов) *нормально*, а лишать жизни стариков (которые уже своё прожили), детей-несмышлёнышей (даже не понимающих, что с ними происходит) или женщин (которые работают на войну, помогают фронту, в конце концов, просто спят с мужчинами, поднимая тем самым боевой дух солдат!) *безнравственно*?

А с военной точки зрения следует признать, что такой способ подрыва экономики Японии очень даже неплох. Что такое промышленность – рабочий, приставленный к машине. И если трудно разрушить машины, укрытые под землёй и рассредоточенные по всей территории воюющей страны, значит, надо убить рабочего. А если вместе с ним под бомбёжку угодят его жена и дети, так это «сопутствующие потери» (или «издержки производства», говоря языком бизнесменов). Отправлял бы семью куда-нибудь в горы или в заросли бамбука...

И вообще – чем больше джапсов¹⁷ погибнет под американскими бомбами, тем меньше жертв будет среди американских солдат при высадке десанта на японские берега, тем раньше правители Японии поймут, что они проиграли, и капитулируют. А с такими чистоплюями, как майор Изерли, воевать можно до второго пришествия Спасителя, и каждый день жены и невесты в Штатах будут получать извещения о гибели своих мужей и женихов.

Ну вот, лёгок на помине... В наушниках сквозь шорох эфирных помех прорезался голос Изерли: «Бомбите первую цель!». Майор докладывал, что видимость в районе цели отличная и идеально соответствует условиям выполнения задания.

Конечно, командиру авиагруппы нет никакой необходимости самому отправляться на каждый одиночный боевой вылет, но *такой* вылет полковник Тиббетс пропустить просто не мог (даже если бы не получил приказа лететь лично). Он никогда не простил бы себе, если бы упустил поистине уникальную возможность – быть первым, кто сделает *это*. «Энола Гей»¹⁸ – этому имени суждено войти в историю!

Из дюжины членов экипажа «Б-29» никто не знал деталей того, что им предстояло – даже сам полковник не владел информацией в полном объёме. Им объяснили, что предстоит первое боевое применение оружия принципиально нового типа, рассказали, как и что следует предпринять, чтобы самим не стать первыми жертвами этого нового оружия. Бомбометание производить с максимальной высоты, далее выполнить маневр уклонения с уходом от точки сброса на предельной скорости, удерживая её, точку, строго на продольной оси самолёта. В момент взрыва (по окончании отсчёта времени) всем надеть тёмные очки, если только какому-нибудь придурку не захочется гарантированно ослепнуть. Подробно растолковали всю последовательность приведения взрывателя бомбы в боевое состояние, разъяснили порядок снятия предохранителей. Бомбардировщик наспиговали фото- и кинокамерами – даже посадили на борт дополнительных операторов. В общем, приняли все меры для того, чтобы довести градус мандражирования экипажа до предельно допустимого.

Сама же бомба оказалась такой негабаритной, что не влезала в бомбовый отсек «Б-29» – пришлось оставить створки бомболюка приоткрытыми. Это ухудшило аэродинамику самолёта, однако не настолько, чтобы ставить под сомнение возможность доставки «Малыша» (такое кодовое имя носила боевая бомба-первенец) к цели. Хорошо, что хоть с весом проблем не возникло – он был даже ниже допустимой величины бомбовой нагрузки «сверхкрепости».

Противодействия противника не очень опасались. На большой высоте тяжёлые

¹⁷ Japs – японцы (амер. сленг). Русский вариант – «япошки».

¹⁸ Сентиментальный командир самолёта Роберт Льюис назвал так самолёт в честь своей матери. Осталось неизвестным, насколько старушка была благодарна сыну за такую честь.

бомбардировщики недостижимы для зенитной артиллерии и малоуязвимы для истребителей, да и авиации у джапсов осталось всего ничего. Кроме того, дети Страны Восходящего Солнца уже настолько привыкли к налётам, что даже не объявляли воздушной тревоги при появлении над их городами одиночных американских самолётов-разведчиков.

...Утром шестого августа 1945 года створки бомболюка «Энолы Гей» открылись полностью, и в восемь часов одиннадцать минут над обречённым городом – Хиросимой – вспыхнул огненный шар диаметром в семнадцать метров и с температурой 300 000 градусов по Цельсию. Полковник Пол Тиббетс заранее (как учили!) надел тёмные очки: для человека, собирающегося прожить долго, забота о собственном здоровье вполне естественна.

Город сгорел – в пепел превратилось шестьдесят процентов зданий на площади около двенадцати квадратных километров, остальные дома были разрушены. «Хиросима выглядит так, словно её растоптал ногой злобный сказочный великан», – заявил командующий военно-воздушными силами союзников на Дальнем Востоке генерал Кенней, получив беспристрастные данные старательно выполненной операторами аэрофотосъёмки.

Вместе с жилищами сгорело свыше двухсот сорока тысяч человек – больше половины четырёхсоттысячного населения города. Кто-то из экипажа «Энолы Гей» пошутил, наблюдая какие-то чёрные ошметки, летящие вверх в раскалённой клубящейся ножке атомного гриба: «Это возносятся на небеса души джапсов!». С чувством юмора у американцев всегда было о'кей...

А на каменном покрытии и парапете моста Айой – в эпицентре взрыва – отпечатались семь бледных теней. Хрупкая человеческая плоть не стала серьёзной преградой потоку испепеляющего света, но ослабила его ярость – совсем чуть-чуть. Поэтому поверхность камня там, где на неё в момент взрыва упали тени людей, выгорела чуть меньше, чем в остальных местах. Так и возник этот страшный групповой портрет-негатив на камне...

...Девятого августа вторая бомба – «Толстяк» – упала на Нагасаки. Общее число жертв атомных бомбёжек, считая искалеченных и умерших от лучевой болезни, достигло полутора миллиона.

Третья планета системы Жёлтой звезды вступила в ядерный век.

* * *

Когда перевитая рыжим огнём и бурым дымом вода взметнулась над бортом «Индианаполиса», Чарльз Маквей подумал, что в крейсер снова угодил лётчик-камикадзе. Командир корабля не очень сильно ошибся...

Самолёт и «Кайтен» несли примерно одинаковое количество взрывчатого вещества, но воздействие подводного взрыва, усиленного гидродинамическим ударом по ничем не защищённому днищу, было гораздо более мощным. Крейсер сразу осел, содрогаясь под бешеным напором врывающегося в громадную пробоину моря (ближайшие к точке попадания водонепроницаемые переборки перекошились и лопнули), словно смертельно раненное живое существо. Больше половины его экипажа – те, кто находились в машинном отделении или спали в кубриках сном праведников, – погибло сразу же. Но как выяснилось немного позже, участь их была ещё не самой худшей.

В воде оказались более пятисот человек, в том числе и раненые. В воду попала кровь, а что может быть лучшей приманкой для акул? И акулы появились, и кружили вокруг находящихся в воде моряков, методично выхватывая всё новые и новые жертвы. А помощь всё не приходила...

Пока на Гуаме (откуда отбыл крейсер) и в заливе Лейте (где, как уже упоминалось, его вовсе не ждали) узнали, что «Индианаполис» не прибыл по назначению, пока отправили на поиски корабля и самолёты, пока нашли и подбирали уцелевших...

Из тысячи ста девяноста девяти человек, находившихся на крейсере в момент атаки «И-58», спасли триста шестнадцать. Восемьсот восемьдесят три человека погибли, из них очень

многие – от зубов акул. Сколько точно – неизвестно, но восемьдесят восемь трупов, подобранных с воды, были изучены хищниками; у многих выживших остались следы укусов.

«Индианаполис» стал последним крупным американским военным кораблём, потопленным в войне на Тихом океане, а по загадочности обстоятельств его гибели – первым. Наиболее интересно следующее: если бы не случайно отклонившаяся (из-за какой-то мелкой неисправности бортовой навигационной аппаратуры) от своего обычного маршрута патрулирования «каталина», загнавшая под воду «И-58», «Индианаполис» имел бы все шансы оказаться на дне морском *на несколько дней раньше*, то есть тогда, когда на его борту находились компоненты одной (или даже двух) атомных бомб. Тех самых, что были сброшены на японские города. Случайность – великая вещь!

Кэптен Чарльз Батлер Маквей уцелел при гибели своего корабля. Выжил – но только для того, чтобы попасть под суд по обвинению «в преступной халатности, повлекшей за собой гибель большого числа людей». Его разжаловали и выгнали с флота, но позднее министр ВМС вернул его на службу, назначив командующим 8-м военно-морским районом в Новом Орлеане. С этого поста он и ушёл в отставку четырьмя годами позже в звании контр-адмирала. Маквей вёл на своей ферме холостяцкий образ жизни вплоть до 6 ноября 1968 года, когда старый моряк покончил жизнь самоубийством – застрелился. Почему? Считал ли он себя причастным к трагедии Хиросимы и Нагасаки и виновным в гибели почти девяти сотен людей из экипажа «Индианаполиса»? Кто знает...

Командира «И-58» Мотицуру Хасимото, оказавшегося к концу войны военнопленным, тоже судили. Судьи пытались добиться от японского подводника ответа на вопрос: «Как же всё-таки был потоплен „Индианаполис“?». Точнее, чем он был потоплен – обычными торпедами или «Кайтенами»? От ответа зависело очень многое: если Хасимото применил «Длинные пики», то Маквей виновен в гибели своего корабля, а вот если в ход пошли человекоторпеды... Тогда почему-то обвинение в халатности с Маквея снималось, зато сам Хасимото автоматически переходил в разряд военных преступников. Пути американской Фемиды воистину неисповедимы... Понятно, что такая перспектива японцу совсем не улыбалась, и он упорно отстаивал свою версию потопления крейсера обычными торпедами. В конце концов, судьи плюнули и оставили упрямого самурая в покое.

В сорок шестом он вернулся в Японию, прошёл фильтрацию и успешно выстоял под напором настырных журналистов, страстно желавших знать «истинную правду» о ночи с 29 на 30 июля 1945 года. Затем бывший подводник стал капитаном торгового флота и побывал у тех же берегов, которые наблюдал через перископ во время войны. Уйдя на пенсию, Хасимото сделался бонзой в одном из синтоистских храмов Киото. Весьма символично (хотя бы потому, что умерший в 1905 году от укуса змеи в часовне-пагоде в городе Сэндай прадед Мотицуру тоже был монахом¹⁹). Бывший командир «И-58» написал книгу «Потопленные», повествующую о судьбе японских подводников (в войне на Тихом океане погибли сто тридцать японских подводных лодок и пятьдесят одна американская, а из пятнадцати однокашников Хасимото по училищу в Этадзима в живых осталось всего трое). Сам автор книги умер в 1968-м – в один год с бывшим командиром «Индианаполиса» (случайное совпадение?), – так и не рассказав всё о гибели этого корабля.

Судьбы тех людей, которые непосредственно приложили руку к разжиганию атомного огня над Хиросимой, сложились по-разному. Кто-то продолжал летать вплоть до выхода на заслуженный отдых, кто-то по окончании войны занялся иными делами. С чисто американским прагматизмом один из членов экипажа «Энолы Гей» сохранил и берёт в течение десятилетий предохранительные чеки от «Малыша». Когда же пришло время, предприимчивый бывший лётчик загнал эти сувениры за кругленькую сумму – недостатка в желающих их приобрести не наблюдалось.

¹⁹ Роман «Колесо Сансары».

Пол Тиббетс благоденствовал, не мучимый никакими угрызениями совести. Наоборот, он гордился собой и тем, что выпало на его долю, и вполне искренне считал себя чуть ли не национальным героем (следует признать, что он был очень даже не одинок в этом своём убеждении).

Трагичнее всех оказалась судьба бывшего майора ВВС Клода Изерли. Многие годы спустя он не раз просыпался по ночам, пугая домочадцев истошным криком: «Дети! Дети!», и в конце концов оказался в сумасшедшем доме. Вроде бы несправедливо – ведь не он же нажимал замыкатель электроцепи бомбосбрасывателя, – но так уж получилось. Видимо, сыграли свою роль какие-то скрытые особенности души этого человека, понявшего суть случившегося и не вынесшего тяжести этого понимания... Истина бывает очень жестокой.

* * *

Человек проснулся и резко приподнялся, словно подброшенный невидимой пружиной – одеяло отлетело в сторону. Сев на кровати, он какое-то время тупо вглядывался в темноту, прислушиваясь, как сердце бешено колотится о клетку рёбер. Сны обычно тают бесследно вскоре после пробуждения, но *этот* сон... Человеку казалось даже, что виденное им во сне продолжает раскручиваться в заполнявшей спальню темноте – прямо в воздухе. Начатый приснившийся разговор продолжался наяву – в сознании отчётливо прозвучало:

– Ты слишком тонко чувствуешь, человек, слишком – для своего времени и для того окружения, в котором явился. Подобные тебе Сущности всё чаще появляются в вашем Мире, и это хорошо. Хотя для вас самих этот дар зачастую мучителен... Вероятно, твоей Душе подобное испытание было необходимо. Не могу сказать точно – я не смотрела твою Ленту Перевоплощений.

– Я не понимаю... – пробормотал человек в живую тьму спальни.

– Не важно, – беззвучно ответил неведомый голос. – Посмотри ...

И он увидел.

...Да самого горизонта – насколько достигал взгляд – тянулись бесконечные унылые ряды закопчённых руин. Уродливые останки того, что когда-то было домами, дворцами, замками, топорщились чёрными лохмотьями на бугрящейся грудой оплавленного камня, истерзанной огнём земле. Пламя уже умерло, но из ослепших глазниц окон, пустых, словно тщетные надежды, ещё сочились безмолвными криками боли дрожащие струйки тёмного дыма. Кое-где проступали пятна цвета растерзанного мяса – это из-под серого покрывала пепла выпирали груды битого кирпича. При каждом шаге нога тонула в прахе выше щиколотки, а под подошвой что-то омерзительно похрустывало, словно ломались высохшие кости. И тошнотворный запах тлена...

– Что это? И где... ЭТО ? – потрясённо произнёс человек.

– Смотри, человек ...

...Огромное чудовище ворочалось среди дымящихся мёртвых каменных джунглей, поворачивая безобразную голову, сплошь – от ноздрей до узких, горящих жёлтым огнём глаз – покрытую кроваво-красной чешуйчатой броней. Дракон вытянул вперёд мощную когтистую лапу – вздулись могучие мышцы, – другую, перетянул свою огромную тушу через обгорелый скелет многоэтажного здания – остатки стены рухнули под тяжестью исполинского длинного тела, подняв клубы белёсой пыли, – и снова замер, внимательно оглядываясь по сторонам, словно высматривая что-то...

– Он ищет Меч, – пояснил голос. – И если найдёт – первым, – то от всего этого Мира не останется даже таких развалин. Только горячий пепел...

...Чудище явно заметило нечто, поползло быстрее, толстые губы дрогнули, обнажая дёсны с громадными жёлтыми клыками, между которыми потекли нити липкой слюны пополам с горячим дымом. Дракон походя развалил бронированным плечом оказавшуюся на его пути покосившуюся, насквозь простреленную в нескольких местах и обглоданную огнём

башню с выкрошившимися зубцами и... замер.

Прямо перед ним бессильно вытянулось тело другого монстра – точь-в-точь такого же, как и он сам, только коричневой масти. И это другая тварь издыхала – сил у неё хватило лишь на то, чтобы чуть шевельнуть башкой при появлении собрата-врага.

Красный ящер торжествующе взрыкнул, изогнул шею и вцепился в прерывисто пульсирующее горло своего коричневого двойника. Умиравший монстр забился, его когти заскребли по камням, громадные крылья – изломанные и усеянные дырами с обгорелыми краями – конвульсивно дёрнулись в тщетной попытке развернуться. Бесполезно.

Победитель не успокоился до тех пор, пока под его челюстями не хрустнули шейные позвонки, и пока не прекратились судорожные подёргивания коричневого тела. Отгрызая мёртвому врагу голову, красный зверь поднял заляпанную тёмной кровью морду и снова огляделся и принялся. Потом он упёрся всеми четырьмя лапами, напрягся и перевернул гигантскую тушу дохлого родственника. Оглядев освободившееся место, красный дракон недовольно заворчал, подумал и начал рвать стальными кривыми когтями коричневое брюхо. Чешуя лопнула, уступая яростному напору, и наружу вывалились синевато-чёрные склизкие парящие внутренности. Не обращая ни малейшего внимания на вонь, чудовище принялось рыться в ещё тёплых потрохах, разбрасывая во все стороны ошметки разодранной плоти...

– *Он ищет – но не найдёт,* – продолжал незримый собеседник человека. – *Меча у Противопоставленных не было. Мы сделали всё, чтобы они его не получили.*

...Дракон вдруг прервал своё занятие и подобрался. Где-то рядом послышались голоса – там шли люди. Дракон – удивительно бесшумно для своих размеров и веса – пополз, стелясь по земле. Но люди услышали: они знали, что за чудовища обитают в этих краях. И один из людей молниеносно выхватил из ножен меч – его лезвие вспыхнуло ослепительным огнём.

Красный дракон утробно зарычал. Он сел на задние лапы, порываясь встать на дыбы, – исполинские когти сжались, дробя в пыль каменные глыбы. Однако монстр не прыгнул: вероятно, он очень хорошо знал, какой клинок выхвачен.

Меч описал полыхающий нестерпимым горячим блеском полукруг, словно очерчивая границу, которую чудовищу не рекомендовалось переступать. Но в своём стремительном движении клинок прошёлся по чудом сохранившимся среди развалин цветам – нежные лепестки вспыхнули и рассыпались невесомым прахом – и зацепил маленькую белую птицу, только-только взлетевшую и приветствующую наконец-то наступающую весну песней. Огненный клубочек до земли не долетел – растаял в воздухе без следа...

Видение медленно меркло.

– Я всё равно не понимаю... – прошептал человек.

– *Ты сделал то, что должно было быть сделано,* – из темноты проступили контуры женского лица. – *Вы просто ещё не доросли до понятий Высшая Справедливость и Высшая Целесообразность.*

– Но мне больно! – почти закричал человек прямо в это лицо. – За что? Почему я? Там, над тем городом, были белые облака – круг из белых облаков, словно нимб над головой ангела... И что это за справедливость такая, когда сгорают дети!

В глазах невероятно прекрасной женщины – существа? – мелькнула тень сострадания. Всего лишь тень, и бездонные глаза на красивом неземной красотой лице вновь стали холодно-бесстрастными, как вечный лёд.

– *Ты поймёшь – позже, человек. А пока просто смирись и не мучай себя: ты ни в чём не виноват.*

Человек помотал головой, прогоняя морок, и потянулся к стоявшей на ночном столике бутылке с виски: если мерещится всякая чертовщина, хорошо помогает добрый глоток спиртного. И тут перед его глазами возникла другая картина – давно уже ему знакомая.

...В узких и раскосых глазёнках на скуластом, поднятом к голубому небу личике на кратчайший миг успевает отразиться блеск вырвавшегося на волю адского огня...

Бывший майор военно-воздушных сил Страны-между-Океанами Клод Изерли ничком рухнул на смятую постель, давась рвущимся из сердца криком:

– Дети! Дети! Дети!

* * *

– Товарищ Сталин, по данным нашей разведки, американцы произвели успешное испытание нового оружия огромной разрушительной силы. Исходя из предыдущей информации, можно сделать вывод, что речь идёт об атомной бомбе.

Сталин промолчал. О чём он думал? Быть может, о том, что с идеей экспорта мировой революции придётся повременить – хотя бы до того времени, когда атомное оружие появится у Советского Союза? Или о том, что ещё неизвестно, насколько эффективным окажется боевое применение этого нового вида оружия? Люди не умеют читать мысли, ведь они – не эски.

...На лице Вождя Обращённых не дрогнул ни один мускул, когда он выслушал официальное сообщение Гарри Трумэна об успешном испытании нового оружия – это уже не было для него новостью. И только вечером он коротко бросил внимательно его слушавшим:

– Надо поторопить Курчатова...

...В ответ на яростные нападки и обвинения «в низкопоклонстве и пресмыкании перед буржуазной наукой» (речь шла о ядерной физике), Курчатов резко заявил:

– Вам нужна бомба или идеология?

Никаких репрессивных последствий столь крамольное высказывание не повлекло (а советским аналогом генерала Гровса был не кто иной, как сам Лаврентий Палыч Берия). Красному Дракону была нужна Бомба – в первую очередь! – а не какая-то там идеология. И Обращённые прекрасно понимали, что от Курчатова во многом зависит, будет эта бомба сделана или нет.

* * *

– А не считаешь ли ты, Мудрая, что владение Мечом Демонов может подвигнуть Страну-между-Океанами на необратимые деяния? Народ этой страны ничуть не лучше иных племён Мира Третьей, и так же – а может быть, и в большей степени, – подвержен всем болезням взросления, через которые неминуемо проходят все Юные Расы.

– Да, этот клинок оказывает воздействие на владеющих им. Однако Захваченная страна скоро выкует свой собственный Меч – они уже поняли, насколько он важен.

– Обращённые получают Меч Демонов? – удивился Грольф. – Но это же...

– ...неизбежно. Мир Третьей планеты идёт по техническому пути развития, а не по магическому (точнее, Путь один, только он бывает прямым и окольным). Что такое Меч Демонов в этом Мире – набор деталей и кнопка, которую может нажать кто угодно, и совершенствования разума не требуется – ведь бомба не заклятье. В техногенных Мирах контактирующие и обменивающиеся знаниями народы – а иногда и не контактирующие – создают те же самые приспособления. Появившись в форме устройства, Меч станет известен и другим достаточно развитым в техническом отношении странам этого Мира. Как ни парадоксально, но это пойдёт на пользу: войну начинают с целью победить, а не погибнуть. Взаимоуничтожение – это слишком изощрённый способ самоубийства, детей Третьей спасёт от этого шага обыкновенный инстинкт самосохранения, свойственный всему живому. Хотя с огнём они наиграются вдоволь, и за этим нам придётся следить.

А жители Страны-между-Океанам, – Селиана чуть помедлила, – да, они всё больше походят на избалованного всеобщим восхищением способного ребёнка: такое случалось и у нас до Великой Трансмутации, когда эски были ещё людьми. Тогда матери воспитывали

детей за краткий срок отмеренного матерям бытия. И зачастую животный инстинкт материнства, не управляемый в должной мере незрелым сознанием, заставлял их считать своего дитя верховом совершенства, которому всё дозволено: отнимать у других детей игрушки...

– ...и конфеты... – подсказал Янтарноголубой Маг.

– ...и даже кусок хлеба. Становясь подростком и набираясь сил, такой ребёнок претендует на роль общепризнанного лидера, на своё исключительное право диктовать всем другим, какую одежду им носить, как причёсывать волосы и в какие игры играть. В случае же несогласия сверстников с его диктатом избалованный – а такое имя очень скоро обретёт народ Страны-между-Океанами – может не задумываясь пустить в ход кулаки.

– Если будет уверен в том, что не получит сдачи, – мысленно проронил Грольф

– Совершенно верно, – согласилась Глава Синклита. – После Большой войны появилась надежда на Исцеление народа Захваченной, а Меч Демонов удержит и Красного Дракона, и Избалованных от нападения друг на друга. Но, повторяю, следить за Миром Третьей планеты системы Жёлтой звезды теперь придётся вдвойне внимательно – ещё и потому, что оживились Технодети: они ведь отслеживают немагические Миры очень тщательно. И для них обретение обитателями Третьей Меча Демонов – это свидетельство того, что эта планета скоро может выйти на галактические тропы. Хорошо ещё, что Несущие Зло пока не проявились снова в этой области Познаваемой Вселенной.

Ни Грольф, ни Валькирии его действовавших у Третьей боевых семёрок, ни даже сама Верховная Мудрая ещё не знали о спящих Абсолютным Сном в развалинах Лабиринтов Коконах – ведь добросовестно опекавшая Руины Торис не сообщала ничего тревожного.

* * *

Белые змейки метельной позёмки с сухим шорохом скользили по вылизанному ветром до остроты лезвия ножа слежавшимся сугробам плотного снега. На сторожевых вышках мёрзли завернувшиеся в бараньи тулупы часовые, избегая касаться голой рукой автоматных стволов – вмиг лишишься лоскута кожи.

Голубые лезвия прожекторных лучей полосовали контрольно-следовую полосу, сооружённую по всем правилам пограничной службы. Её изредка нарушали звери, и каждый такой случай тут же сопровождался соответствующей реакцией охраны – лучше сто раз поднять ложную тревогу, чем прозевать одну настоящую.

Жители окрестных городов и сёл не задавались ненужным вопросом: а что же такое скрывается за рядами колючей проволоки – военный завод, воинская часть или очередной остров необъятного ГУЛАГа? В Стране Советов давно излечились от вредного для здоровья любопытства – мало ли запретных зон в огромной державе?

Древний русский городок Саров, сложившийся вокруг святого центра – Саровской пустыни, сменил имя. Арзамас-16 стал другим центром – центром по созданию советского атомного оружия, имевшим даже свою собственную систему ПВО.

В просторных залах, залитых мертвенным светом матовых ламп, работа шла круглосуточно. Меры секретности были приняты чрезвычайные (даже по меркам Советского Союза). Контакты с внешним миром для работающих в Арзамасе-16 свели до минимума – вплоть до того, что для не выезжающих в отпуск с территории сверхсекретного объекта, а отдыхающих здесь же работников предусмотрели материальное вознаграждение. Небывалое дело для зажатой в «ежовые рукавицы» страны, где привычным и наиболее эффективным методом считалось исключительно принуждение.

Исследования в области физики атомного ядра в СССР начались ещё в 1922 году, когда в Петрограде был создан Радиевый институт. В начале тридцатых английский физик Чедвик открыл нейтроны – инструмент для исследования ядра, и в Физико-техническом институте Иоффе организовал лабораторию ядерной физики, фактическим руководителем которой стал

Игорь Курчатов. Один из «отцов» русской атомной бомбы Юлий Харитон в 1939 и 1940 годах, задолго до получения какой-либо разведывательной информации по разработке бомбы на Западе, вместе с Зельдовичем провел ряд расчетов по разветвлённой цепной реакции деления урана в реакторе, выяснил условия возникновения ядерного взрыва и получил оценки его огромной разрушительной мощи.

И в сороковом, и в сорок первом, и в сорок втором году советские физики били тревогу,²⁰ звали ко всем самым высоким инстанциям, – вплоть до самого Сталина – настаивая на немедленном развёртывании работ над ядерным оружием. Но все их призывы остались гласом вопиющего в пустыне: блокировка Хранителей действовала безотказно. И только в марте 1943-го на окраине Москвы начала создаваться «Лаборатория номер два», институт Академии наук, не имевший к этой Академии ни малейшего отношения. Возглавил работу над урановой проблемой Курчатов, он же привлёк к участию в ней весь цвет науки Советского Союза – всех ведущих физиков страны.

В сорок четвёртом году запускается первый циклотрон, с помощью которого был получен новый химический элемент – плутоний. Но по-настоящему горячка началась в сорок пятом, после слов Трумэна об испытании нового оружия, после невзначай оброненной Сталиным фразы: «Надо поторопить Курчатова» и после того, как два японских города сгорели вместе с их обитателями. Демонстрация оказалась очень убедительной, а Запрет эсков был снят, пока у лихих генералов Страны-между-Океанами не закружились головы от осознания невиданной мощи, попавшей к ним в руки. Тогда-то, в августе 1945-го, Сталин назначает куратором советской ядерной программы Лаврентия Берию. Машина завертелась – уж кто-то, а Лаврентий Палыч очень хорошо знал, как решать проблемы – в чём бы они ни выражались. Главным научным руководителем остался Игорь Курчатов.

Распоряжения Вождя были жёстки и лаконичны. «К вам одно требование: дайте нам атомное оружие как можно скорее» (Курчатову в Кремле в августе 1945-го, вскоре после возвращения из Потсдама). «Найти и разведать» (геологам, осмелившимся утверждать, что в СССР урана нет).

В сорок шестом году в «Лаборатории номер два» заработал первый в Советском Союзе исследовательский ядерный реактор, и уже строились заводы для производства и выделения плутония. Создавалась и прочая необходимая инфраструктура совершенно новой отрасли науки и техники – атомной. И шли потоком и обрабатывались аналитиками ценнейшие разведывательные данные со всего мира.

Весной 1946-го будущий директор ядерного центра Павел Зернов и будущий научный руководитель того же центра Юлий Харитон прибыли в Саров и решили: первая секретная атомная лаборатория будет построена в этом глухом городишке. Госбезопасность быстро и привычно оттяпала у Нижегородской области и Мордовской АССР двести квадратных вёрст земли и столь же стремительно создала здесь закрытую зону с закрытым городом.

Однако порядков, существовавших в многочисленных «шарагах», в Арзамасе-16 не было. Обращённые (и Берия в том числе) чутьём поняли, что в деле создания сверхоружия палку перегибать не стоит. А если не выйдет – расстрелять всегда успеем.

Вариант бомбы был выбран самый простой, – правда, и самый дорогой, – советская «РДС-1» («Россия делает сама») почти точно копировала американского плутониевого «Толстяка», раздавившего своей грузной тушей Нагасаки. Красный Дракон, не отыскав Меча в кишках Коричневого, поскрёб по заокеанским сусекам – и наскрёб. Секретные службы СССР выполнили свою задачу с блеском (не без помощи *извне*), и важнейшая и тщательно хранимая американцами тайна государственного значения уплыла к самому опасному врагу. Зачем, спрашивается, изобретать велосипед, когда можно...

²⁰ «Это письмо последнее, после которого я складываю оружие и жду, когда удастся решить задачу в Германии, Англии или США, – писал Г.Флёров Сталину в апреле 1942 года. – Результаты будут настолько огромны, что будет не до того, кто виноват в том, что у нас в Союзе забросили эту работу. Необходимо не теряя времени приступать к созданию урановой бомбы».

Но узнать, как сделать – это ещё полдела. Нужны были люди, способные это сделать, – и такие люди в Захваченной стране были. И эти люди, выковыывая Дракону Меч Демонов, свято верили в то, что они спасают свою страну.

* * *

29 августа 1949 года на полигоне под Семипалатинском, в спецказемате командного пункта, в десяти километрах от будущего эпицентра взрыва, доложили: «Рубильник цепи подрыва „изделия“ замкнут!». Секунды обратного отсчёта капали, словно капли воды в старинной китайской пытке: «Семь – кап..., шесть – кап..., пять – кап...» – приговорённые, говорят, сходили с ума от этого монотонного капания. Нервы у людей были напряжены так, что казалось – не выдержит бетон перекрытий убежища, растрескается и рассыплется струйками песка. В успехе вообще-то не сомневались, но червячок точил – все прекрасно понимали, что будет, если бомба не сработает: вот тогда-то уж враз припомнят и науку, и идеологию...

Точно при счёте «ноль» вспыхнуло зарево, и из земли выперло красную полусферу, похожую на восходящее солнце. Первенец (на Западе получивший имя «Джо-1» – Иосиф) появился на свет и завопил, заявляя о своём рождении. Царившее в подземном бункере напряжение лопнуло – Берия бросился обнимать Харитона и Курчатова.

Решётчатая металлическая башня, на верхней площадке которой был установлен заряд, попросту испарилась. На месте взрыва осталась гигантская воронка, точнее не воронка даже, а плоское тарелкообразное углубление, широкое и пологое, дно которого сплошь покрывал спёкшийся иссиня-чёрный шлак. Заранее расставленные на определённом удалении от эпицентра образцы военной техники (танки, пушки, самолёты, корабельные конструкции) перекорёжило так, как не привидится и в кошмарном сне; специально выстроенные здания и сооружения смело и разметало до состояния «восстановлению не подлежит».

Известие о том, что Советы успешно испытали свою атомную бомбу (неоспоримые доказательства этого были получены с помощью «летающей лаборатории» на борту самолёта «Б-29» и в результате специальной разведывательно-исследовательской операции под кодовым названием «Вермонт»), ошеломили Вашингтон. «Что же нам теперь делать?» – растерянно спросил Гарри Трумэн.

С 6 августа 1945 года (дата первого боевого применения американского ядерного оружия) до 29 августа 1949 года (дата первого испытания оружия советского) прошло больше четырёх лет. Все эти четыре с лишним года Америка монопольно владела Мечом Демонов, а через пару лет после Хиросимы располагала уже десятками (если не сотнями) готовых к использованию атомных бомб, обеспеченных средствами доставки – тяжёлыми бомбардировщиками.

Уже появилось на свет НАТО, уже прозвучала знаменитая речь Уинстона Черчилля в Фултоне, призывавшего мир к крестовому походу против коммунизма, уже началась «холодная война». Территорию Советского Союза окольцевал плотный пояс военных баз, с которых «Бэ-двадцать девятые» могли достичь любой точки Захваченной страны. Существовали и соответствующие стратегические планы: например, план «Дропшот» – удар шестью атомными бомбами по Ленинграду и восемью – по Москве. Однако планы так и остались только на бумаге – *самолёты не взлетели*.

Почему? Кроме атомного оружия, подкреплённого мощью стратегической авиации, Страна-между-Океанами располагала полным господством на море – военно-морской флот России в сороковые годы ни в коей мере не мог противостоять огромному американскому флоту, за несколько лет до этого не оставившему даже обломков от куда более сильного (по сравнению с советским) флота Островной Империи. В начале двадцатых, находясь под косвенным воздействием Потока Чёрной Волшбы, страны Запада не поняли, что за зверь ворочается на Востоке (догадались только наиболее прозорливые, вроде того же Черчилля),

но в конце сороковых, вдоволь насмотревшись на повадки Красного Дракона...

Монстр уже подмял под себя пол-Европы, уютно расположился в Китае, запустил когти в Корею и во Вьетнам, а носивший очки президент Трумэн оказался к тому же ещё и политически близоруким, безоговорочно поверив своим физикам, считавшим, что для создания атомного оружия Советам потребуется, скорее всего, лет десять?

Или «проклятых империалистов» поразил острый приступ внезапного миролюбия и альтруизма? Или, быть может, «мировой пролетариат грудью встал на защиту первого в мире государства рабочих и крестьян»? Вряд ли... Пилоты американских бомбардировщиков выполнили бы любой приказ командования и сбросили бы бомбы на Москву и Ленинград точно так же, как они сделали это над Японией. Тогда что же?

Хранители не спускали глаз с вошедшей в переходный возраст Юной Расы Носителей Разума Мира Третьей планеты системы Жёлтой звезды. Проявление величия духа русского народа, спасшее его в годы Великой войны, имело и гораздо более серьезные, далеко идущие последствия. Надежда на Исцеление, появившаяся у Верховной Мудрой, росла и крепла. И Маги Объединения Пяти Доменов отнюдь не намерены были приносить народ Захваченной страны в жертву амбициям Избалованных – тем более, что сами эти амбиции уже вызывали возрастающую тревогу у эсков.

* * *

...Эскадра в составе четырёх крейсеров флота Дальней Разведки галактиан, неся на борту полторы сотни скаутов, ушла в гиперпрыжок к звезде Орета Зет. Мнения членов Совета Правящих сошлись на том, что учитывая достигнутый обитателями Третьей планеты этой звезды уровень технического развития, пора заняться ими всерьёз...

...Дриада по имени Тллеа рассматривала диковинный цветок, выросший прямо из камня. Но мысли Магини занимала отнюдь не минутная забава. Её беспокоило, а правильно ли она поступила, начав Эксперимент? Посев Жизни, Привитие Разума, и тем более Толчок к Трансмутации, да ещё выборочной, – чародейства из разряда тончайших. И опасных... И Звёздная Королева Эн-Риэнанта совсем не придёт в восторг, узнав об этом деянии зелёной эскини. Впрочем, сожалеть в любом случае уже поздно – остаётся только ждать...

...Существа, дремавшие в Коконах – девять Носителей Зла, – шевельнулись. Полковник Эддарис, отбиваясь от синтагм Алых Магов-Воителей, неумолимо сжимавших облавную сферу, сумел улучшить момент для того, чтобы послать Зов Пробуждения...

...Пятого марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года в Захваченной стране умер Вождь...

...А дети – Юная Раса Мира Третьей планеты системы Жёлтой звезды – тем временем увлечённо играли в опасные игры...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИГРЫ С ОГНЁМ

Двигатели гудели ровно, словно в них – в каждом из восьми – сидело по какому-то очень сильному чудищу, волею неведомого чародейства подчинённому человеческой воле. Укрощённые и прирученные монстры соглашались нести громадный двухсотдвадцатитонный самолёт часами, но только при одном-единственном условии: чудовищ следовало своевременно и досыта кормить. А аппетитом эти крошки обладали отменным...

Командир бросил быстрый взгляд на пульт управления. Привычный глаз выхватил из десятков и сотен приборов, кнопок, тумблеров часовой циферблат. Так, половина десятого... И где же эта летающая колымага, «КС-сто тридцать пятый», волокущая в своём раздутом чреве жратву для моторных демонов? Судя по показаниям контрольных приборов, детишки уже просят каши. Ага, вот и она...

«Б-52 Стратосферная крепость» и авиатанкер медленно сближались, выравнивая скорости и высоту полёта. Видимость была великолепной: ни облачка, ни клочка тумана, который так портит нервы пилотам во время выполнения сложных и ответственных маневров – а дозаправка в воздухе именно к таким и относилась. Далеко внизу, отделённая от серебристого брюха бомбардировщика девятью с лишним километрами прозрачной воздушной пустоты, раскинулась земля. С такой высоты она похожа на лоскутное одеяло, прошитое кое-где голубыми извилистыми ниточками рек. А почти половину видимого пространства заливал ультрамарин Средиземного моря. Красиво...

Командир стратегического бомбардировщика любил свою работу, и не только потому, что за эту работу ему очень хорошо платили. Когда паришь в необъятной небесной сини, и когда лёгкому движению твоих пальцев подчинена поистине дьявольская мощь такого самолёта, поневоле начинаешь ощущать себя чуть-чуть Господом Богом. Отсюда, с высоты, не различить невооружённым глазом даже отдельных домов там, на земле, не то что отдельных людей. Они кажутся тебе ничтожно малыми величинами, букашками, которых можно раздавить ногой – не заметив, что под подошву кто-то попал. Тем более что на борту «пятьдесят второго», ко всему прочему, имеются оч-ч-чень серьёзные игрушки – четыре штуки. И каждая из них – каждая! – способна в мгновение ока превратить весь во-о-он тот рай под крылом в пылающий ад – до самого горизонта.

Конечно, подобные мысли следовало хранить в тайне. Упаси Всевышний сболтнуть хоть что-то в этом духе: дойдёт до военных психологов, и тогда проблемы возникнут автоматически. Весь личный состав, так или иначе имеющий отношение к атомному оружию, – в том числе и экипажи «Б-52», выполняющих боевое патрулирование, – всегда жёстко контролировался. Тесты, проверки на скрытое пристрастие к наркотикам и алкоголю, последствия перенесённых заболеваний (даже вполне безобидных, вроде заурядной простуды), наследственность, сексуальная ориентация, нервные расстройства и стрессы, и прочее, и прочее... Понятное дело, когда парни в военной форме часами летают, сидя своими поджарыми спортивными задницами на мегатоннах, которые запросто могут обернуться мегасмертями, любые неприятные случайности следует исключить (или хотя бы свести к безопасному минимуму). Страшно даже подумать, что произойдёт, если какой-нибудь кретин, вообразивший себя карающей десницей Господней...

И всё-таки такие мысли грели (да ещё как грели!). Сладко ощущать подвластную тебе всеразрушающую мощь, которая и не снилась всяким там великим завоевателям минувших веков. Ради одного этого стоит летать, а если ещё учесть и многие другие сопутствующие обстоятельства (хотя бы ту же солидную заработную плату или раннюю пенсию по выслуге лет и налётанным часам – а полёты на боевое патрулирование учитываются особо). В своём же психическом здоровье командир был уверен – в манию его тайное самолюбование не перейдёт. Так почему бы ни потешить своё капризное «Я» осознанием собственного величия (пусть даже кратковременного)?

В конце концов, понимание личной значимости всегда было для человека такой же важной категорией, как и пришедшие от лохматых первобытных предков прочие потребности вроде еды или сексуальной удовлетворённости. В этом старик Дейл прав²¹ (командиру стратегического «Б-52» по роду деятельности не требовалось знание трудов Карнеги, но, в отличие от большинства своих коллег по лётному ремеслу, этот пилот читал и ещё кое-что кроме уставов, наставлений и инструкций – что совсем не мешало ему быть на хорошем счету).

Возможно, любовью к небу и желанием стать военным лётчиком командир в какой-то мере был обязан своему отцу. Тот во время Второй Мировой войны летал на «доунтлессах» и «хеллдайверах» над Тихим океаном, топил японские корабли, отправляя их команды на

²¹ Американский психоаналитик Д.Карнеги считал осознание собственной значимости – седьмой принцип – столь же важным для человека, как и остальные шесть психофизиологических принципов (здоровье, ощущение безопасности, продолжение рода и т. д.).

корм рыбам. Мальчишка заслушивался рассказами отца о пылающих авианосцах, о плотных завесах зенитного огня, о лётчиках-камикадзе, взрывавшихся вместе со своими самолётами на палубах американских кораблей. И ещё отец завидовал – и не скрывал этого – тем парням, которые вели «Б-29 Сверхкрепость» к Хиросиме. Знал бы папаша, сколько Хиросим кроется в стальных цилиндрах, которые таскает в небе над Европой его отпрыск! Но ветерану не повезло – выжив среди вихря снарядов зениток и смертельной паутины пулемётных трасс истребителей «зеро», он разбился всмятку в тривиальной автомобильной катастрофе, которую сам же и устроил. Любил старик скорость...

Мысли командира текли ровно и спокойно, фоном, не мешая привычной работе, в нужный момент прячась в тень и освобождая мозг для принятия решения. А момент этот уже приближался – крылатая сигара заправщика перестала перемещаться относительно бомбардировщика, расположившись впереди него и чуть выше. Оба самолёта летели с одинаковой скоростью шестьсот километров в час и по отношению друг к другу стали теперь неподвижны. Пора.

Хищное перемигивание сигнальных лампочек на пульте говорило посвященному многое. Командир действовал быстро, чётко и правильно, с высоким профессионализмом опытного человека, выполняющего привычную и нравящуюся ему работу. В своём экипаже командир также был уверен. Они налетали вместе сотни часов, и пилот знал – парни не подведут.

Летающая цистерна «КС-135» выплюнула шланг, который гибкой подрагивающей змеей потянулся к телу «стратофорта». До разъёма пятьдесят метров... Тридцать пять... Двадцать... Десять... Контакт!

Шланг вошёл в приёмное гнездо и зафиксировался. Полдела сделано, теперь по этой кишке-пуповине насосы заправщика погонят в утробу «Б-52» топливо – пищу для прожорливых ртов реактивных моторов. Бортовые приборы бесстрастно зафиксировали дату и время: понедельник, 17 января 1966 года, 09.52.

Надсадного жужжания насосов авиатанкера слышно не было – его глушили расстояние, звукоизоляция обоих самолётов и урчание двигателей. Только пульсирование шланга, прогоняющего через себя галлоны керосина, да медленно ползущие стрелки указателей говорили о том, что заправка началась и идёт полным ходом. Нормально идёт...

Командиру бомбардировщика вспомнилось шутливое высказывание бортмеханика, весельчака и балагура: «Чем отличается заправка самолёта в воздухе от заправки автомобиля на бензоколонке? Да только тем, что лётчик, в отличие от водителя, не глушит мотор!»

На секунду командир оторвал взгляд от приборной доски и взглянул через панорамное остекление пилотской кабины в бездонную небесную синь, перетекающую там, внизу, в лазурь моря, очерченную дугой побережья Испании. И в это время в привычное глазу освещение пилотского отсека плеснуло багровым. А потом по ушам ударил звук.

На огромном косом крыле стратегического бомбардировщика «Б-52 Стратофортресс» вместо одного из двигателей вспух огненный шар. Самолёт вздрогнул, на панелях заметались стрелки приборов и замигали красным злые глазки лампочек тревожной сигнализации; и по плоскости хищными змеями поползли-потекли жадные пламенные языки. Огонь стремительно выплеснулся вверх, в мгновение ока превратив заправочный шланг в пылающую нить, и вцепился в «летающую цистерну» беспощадными жгучими клыками.

– Покинуть борт! – выкрикнул командир в переговорник ларингофона, одновременно откидывая предохранительную крышку с кнопки аварийного сброса боезапаса. «Господи боже мой, – искрой метнулось у него в сознании, – четыре водородные бомбы!»

Кнопка вжалась под пальцем легко и до упора.

Несколькими секундами позже, падая вниз и сжав вытяжное кольцо парашюта, пилот патрульного бомбардировщика, выполнявшего стандартный вылет, предусмотренный стратегической доктриной Запада, увидел, как его самолёт взорвался и превратился в грандиозный и жуткий фейерверк. И среди стекающих струй огненного дождя один за

другим распускались серовато-белые цветы парашютных куполов²².

Земля приближалась плавно и медленно, словно подставляя ласковые ладони своим озорным ребятишкам, слишком увлечшимся опасными играми. Раскачиваясь на стропях, командир искал среди парашютов лётчиков другие, более крупные купола, несшие к земле другой, гораздо более тяжёлый и гораздо более опасный груз. Пилот увидел только два таких купола, и ему показалось, что все его внутренности мгновенно заledenели. Два, всего лишь два, а не четыре! А это значит, что два парашюта либо не раскрылись, либо лопнули стропы, либо купола сгорели – огня с неба падало предостаточно. И поэтому каждый следующий миг может стать последним мигом, и мягкий солнечный свет мгновенно может смениться другим, слепящим и беспощадным убийственным светом смертоносного рукотворного солнца.

Успокаивало одно – почувствовать человек ничего не успеет: он сгорит молниеносно, как вспыхнувший порошок магнезия, сгорит быстрее, чем нервные окончания успеют передать в мозг сигнал о боли. Слабое, но всё-таки утешение...

Именно потому командир не испытал ужаса, когда увидел выросший на земле багрово-чёрный гриб – настоящий взрыв органы чувств и сознание не отметили бы. Понимание пришло секундой позже – это взорвался рухнувший на берег заправщик (всего-то!). А вот ему, похоже, придётся купаться – ветер сносит парашют в сторону моря. Хотя следует признать, что водная купель всё-таки несколько приятнее купели огненной, тем более термоядерной. Вода в Средиземном море тёплая, погода прекрасная, акул здесь не водится, да и у берега наверняка крутятся десятки рыболовных судёнышек. Вот, кстати, и одна из таких посудин – чуть ли не под самыми его ногами. Если постараться, то можно сесть к ней прямо на палубу. Хотя нет, в море плюхнуться безопаснее – глупо вывихнуть ногу или сломать ребро после того, как ты благополучно выпрыгнул из взрывающегося бомбардировщика и пролетел по небу пять с лишним миль...

Капитан *el barco de pesca*²³ Франсиско Симо наблюдал весь впечатляющий спектакль из первого, так сказать, ряда. Он видел расплывшуюся в небе огнистую кляксу, расплескавшую во все стороны горящие брызги, словно карнавальная шутиха, и слышал рокот взрыва. Но, конечно, рыбак из маленького городка, скорее даже деревушки Паломарес и помыслить не мог, что за птичка такая подпалила себе пёрышки над их голубятней²⁴, и что за червячка она несла в своём клювике.

Утро было обычнейшим, утро понедельника, который всегда и везде по праву считается днём тяжёлым. Франсиско пришлось затратить некоторые усилия, чтобы вернуть к реальности Гонсалеса, который явно мучился от последствий передозировки того, что он принял вчера на грудь в одной из *bodegas*²⁵; а красавчику Мигелю даже пришлось слегка дать по шее, дабы согнать с его лица оловянное-мечтательное выражение, несомненно навеянное воспоминаниями о какой-нибудь очередной пылкой *chica*²⁶, с которой Мигель провёл воскресный вечер и последовавшую за этим вечером ночь.

А рыба – она, рыба, ждать не будет. На утреннем лове время дорого, надо успеть наполнить трюм живым трепещущим серебром, которое затем превратится в приятное для глаза посверкивание монет. Деньги первичны, а удовольствия вторичны: Франсиско давно

²² Спасти удалось далеко не всем: семь членов экипажей сгорели в небе.

²³ Рыболовного судна (исп.).

²⁴ От *paloma* – голубка (исп.).

²⁵ Винный погребок (исп.).

²⁶ Девочка, девушка (исп.).

усвоил эту нехитрую жизненную философию и строго ей следовал.

Однако сейчас он поневоле отвлёкся – ему не часто доводилось наблюдать воочию впечатляющее зрелище авиакатастрофы (если быть совсем уж точным, то никогда ещё не доводилось). Капитан Симо внимательно следил за опускающимися с небес куполами парашютов, особенно за теми, которые явно сносило в море. До берега около пяти миль, и лётчикам будет несколько затруднительно добраться туда вплавь.

Но первым – всего в какой-нибудь сотне метров от борта – приводнился не человек. Под огромным серым куполом висел металлический цилиндр длиной несколько метров и весом (на глаз) несколько тонн – парашют этот снижался гораздо быстрее других.

Капитан изумлённо проводил взглядом затонувший предмет, утянувший за собой в глубину без видимого сопротивления весь парашют, и по многолетней привычке ориентироваться в море запомнил место падения странного груза. Потом он развернул свою маленькую шхуну и направился туда, где снижались три других парашютных купола. Эти купола несли к поверхности моря людей – фигуры их уже ясно различались в прозрачном и чистом воздухе, – а потерпевших по всем человеческим и божьим законам положено спасать.

* * *

Из четырёх Н-бомб, аварийно сброшенных с борта горевшего «Б-52», до земли безопасно – на парашютах – долетели две. Погружение одной из них в пучину моря наблюдал капитан Симо, вторая шмякнулась на помидорные грядки, и просторный шёлк парашютного купола укутал громоздкий металлический цилиндр. Но две другие врезались в землю на огромной скорости, набранной за счёт ускорения свободного падения.

Иницирующие заряды обычного взрывчатого вещества – тротила, предназначенные для мгновенного сближения разделённых частей обогащённого урана-235 и оружейного плутония-239 в общую массу, превышающую критическую, сдетонировали от силы удара, взорвались, но... Атомного взрыва, чудовищная температура которого в свою очередь запустила бы неуправляемую реакцию термоядерного синтеза – водородный взрыв, не произошло. Сдвигающие заряды-детонаторы активировались-сработали несинхронно, и в результате ядерную взрывчатку разметало-распылило окрест вместо того, чтобы сжать её в дьявольский шар – в эмбрион ядерного пекла. Потом, правда, американцам пришлось вывезти из Испании полторы тысячи тонн заражённой почвы и злосчастных помидоров, но это уже мелочи по сравнению с тем, *что* могло случиться.

...Эскадра из восемнадцати кораблей под командованием контр-адмирала Уильяма Гэста, заместителя командующего ударными силами флота в Южной Европе, почти три месяца утюжила море у берегов Испании. Сто тридцать военных аквалангистов и новейшее оборудование для подводных работ – батискафы «Триест-II» и «Дип Джип» и специальные аппараты «Кабмарин», «Элвин» и «Алюминаут» – добросовестно и упорно процеживали воду и шарили по дну. На свет божий извлекли несколько сотен обломков весом от фунта до десяти тонн, но желанной бомбы – той самой, четвёртой, – среди них не было. И только когда военные наконец-то вняли настойчивым свидетельским показаниям капитана Симо, который точно запомнил место падения в море серого парашюта, фортуна им улыбнулась.

«Элвин» обнаружил опасную игрушку 15 марта 1966 года. Через восемьдесят минут после погружения, когда «Элвин», следуя изгибами крутого каньона, достиг глубины 777 метров, экипаж аппарата увидел в иллюминатор парашют водородной бомбы, накрывший собой зловещий трёхсполовинометровый цилиндр диаметром в двадцать четыре дюйма.

Люди, увидевшие «Роберта» (такое кодовое название присвоили объекту поиска) глазами телекамер, молчали. Криков восторга не было, поскольку бомба покоилась в донном иле на склоне подводного ущелья, в опасной близости к краю недоступной расщелины. Если она туда соскользнёт...

Были многократные попытки «Элвина» и «Алюминаута» зацепить парашютные стропы

тросами с корабля, и после каждой такой попытки упрямая бомба всё ближе пододвигалась к обрыву. Через трое суток эти потуги прекратили.

Потом пришёл четырёхдневный шторм, и корабли качались на волнах, ожидая у моря погоды.

Со второго захода «Элвин», промаявшись сутки, зацепил всё-таки блудное дитячко якорем. Спасательное судно «Хойст» начало подъём, но через какую-то сотню метров вверх по склону подводной горы нейлоновый трос перетёрся об острую лапу якоря и оборвался. «Роберт» закувыркался вниз по направлению к расщелине и глубоко зарылся в донный ил.

Новое свидание – после очередного шторма – состоялось уже на глубине в 870 метров. К счастью, к парашюту успели прикрепить маяк-ответчик, и «Алюминаут» относительно легко нашёл бомбу по его сигналам. И снова начались старания зацепить «Роберта» за сбрую.

Большинство из занятых в поисково-спасательной операции людей уже свыклись с мыслью, что они имеют дело с чудовищно опасной штукой, пребывающей в безопасном состоянии. Сыграли свою роль разъяснения специалистов, в один голос твердивших, что бомба абсолютно инертна, что взрыва произойти не может в принципе, и что все усилия предпринимаются только лишь для того, чтобы не оставлять на морском дне железяку с радиоактивной начинкой, каковая представляет собой угрозу для окружающей среды гораздо большую, нежели нефть с танкера «Торри Каньон», севшего на рифы Семь Камней и загадившего в результате многочисленные пляжи Франции и Англии.

И только очень немногие из посвящённых понимали, что везение, имевшее место в случае с двумя разрушившимися бомбами, может и не повториться.

Однако судьба хранила благосклонность. Бомба не рухнула в подводную пропасть и не напоролась там на ждущий каменный клык, контакта с которым было бы вполне достаточно для того, чтобы дремлющая в стальном цилиндре испепеляющая дьявольская Сила проснулась. В конце концов гирлянду «бомба-парашют-подводный аппарат» извлекли из тёмной глубины, и тогда люди (особенно те, которые *знали*) вздохнули с облегчением: можно ставить точку.

Утром 7 апреля пролежавшую на дне 79 суток 22 часа 23 минуты Н-бомбу вытащили и ещё через 1 час 29 минут обезвредили. Паломаресский инцидент завершился благополучно. Восемьдесят четыре миллиона долларов (стоимость самой дорогостоящей подводной спасательной операции XX века) – это не слишком высокая цена за невоплотившийся термоядерный кошмар.

А через два года и четыре дня, 21 января 1968, другой «Б-52 Стратофортресс» загорелся в воздухе над Гренландией, недалеко от Туле. Экипаж покинул самолёт, который ударился о лёд с большой скоростью и взорвался. Произошла детонация взрывчатого вещества в четырёх водородных бомбах, находившихся на борту: снова несинхронная детонация. Плутоний расплылся на значительной площади ледяной поверхности, но поскольку помидоры в Гренландии не растут, а общественное мнение эскимосов можно не принимать в расчёт, то на сей раз глыбы радиоактивного льда с самого большого в мире острова не вывозили.

Детишки продолжали с упоением играть с огнём. Если самопал-поджига в мальчишеских руках способен в худшем случае оставить изобретателя без глаз, то игры с чудо-оружием, способным обратить в дымящиеся руины весь дом, населённый многими семьями, требуют неусыпного внимания взрослых. Но вся беда в том, что эти самые *взрослые* – пусть даже очень трепетно относящиеся к своим воспитательским функциям – иногда в суматохе иных дел могут отвлечься и прозевать критическую ситуацию...

* * *

Джеймс с такой силой опустил увесистый гранёный стакан на стойку, что Дэвид

всерьёз беспокоился за её сохранность. И за пальцы Джеймса – парень он крепкий, и стекло запросто может хрустнуть в его лапе. Вообще-то потемневшее от времени и от бесчисленного количества пролитого на неё за долгие годы существования бара спиртного деревянное (под старину, под легендарные времена покорения Дикого Запада) покрытие стойки видало виды: в неё бились и кулаками, и головами (бывало, что и рукоятками «магнумов»). И всё-таки...

Интересно, почему власти терпят заведение со столь сомнительной репутацией здесь, в Норфолке, совсем недалеко от пирсов, возле которых дремлют громады атомных субмарин и авианосцев Атлантического флота Соединённых Штатов Америки? Ведь тут случаются и драки (почти ежевечерне), и поножовщина, и даже перестрелки. А уж о том, чтобы прикупить травки или там порошка... По углам за полутёмными столиками скучают шлюхи, раскрашенные, как индейцы-сиу на тропе войны, и вертлявые женоподобные мальчики с подведёнными глазками и жеманными манерами – удовольствия на любой вкус. Сейчас ещё рановато, час проституток обоего пола придёт позже, но они уже все в полной боевой готовности, как истребители-перехватчики «Томкэт» во время воздушного патрулирования.

А может, потому и терпят, что людям в военной форме, по роду работы постоянно общающимся со всевозможными изощрёнными смертоубийственными приспособлениями и слишком хорошо представляющими себе всю хрупкость человеческой жизни, просто необходимо время от времени сбрасывать накопившееся нервное напряжение. Разрядка им требуется, причём разрядка на грани риска этой самой жизнью. А то как бы чего не вышло...

Вон, даже обыватели, тихо-мирно протирающие штаны в банках и офисах и надёжно защищённые от превратностей судьбы уютной скорлупой прекрасно организованной социальной системы (важно занять в этой системе соответствующее способностям место) сытого (пожалуй, чересчур сытого) общества всеобщего процветания и благоденствия, и те обожают кровавые боевики, фильмы ужасов и фильмы-катастрофы. Нервишки желают щекотки! Так что эту грязную забегаловку можно с полным правом отнести к категории лечебно-терапевтических учреждений...

– Я рассказал тебе чистую правду, Дэйв, – хриплый шёпот Джеймса вернул журналиста Дэвида Келли к действительности и оторвал от размышлений на социально-философские темы, – почему ты мне не веришь? Она была *живая* – стоило мне протянуть руку, и я мог бы до неё дотронуться... Но при этом...

– Ну с чего ты взял, дружище, что я тебе не верю? – Дэвид успокаивающе положил руку на плечо приятелю. – Просто твоя история настолько необычна, что...

– Fuck! – дернулся тот, сбрасывая руку Келли. – Если бы ты был там, в хранилище... Ну неужели ты – ты, с которым я знаю столько лет, – решил, что у меня вывих мозга?

Да, они знали друг друга давно – ещё со времён Ноева ковчега, как иногда шутили оба. Они вместе учились в школе в Пенсильвании, вместе её закончили, были студентами одного и того же университета. Играли в бейсбол в одной команде, танцевали на молодёжных вечеринках, вместе ухлёстывали за девчонками, причём предпочтение отдавалось паре подружек. Их пути разошлись уже потом – Келли с головой окунулся в журналистику, а Джеймс Эшвуд неожиданно-негаданно отправился служить в военно-морской флот.

«Ну бакалавр, ну и что из этого? – объяснял Джеймс другу. – Ну не лежит у меня душа к размеренности и стереотипности: карьера, накопление сбережений, дом в кредит, машина в кредит, жена, дети, пересуды с соседями, корпоративные party с коллегами по фирме, отпуск на Великих озёрах, страховки, трепетная забота о здоровье, диета, борьба с избыточным весом, осторожное отношение к случайным связям из-за боязни заразиться СПИДом или из опасения быть обвинённым в сексуальных домогательствах, выборы мэра и телевизор по вечерам! Тьфу, тоска зелёная! Тебе охота рыться в грязном белье и гоняться за сенсациями для пускающих слюну любителей сплетен, а мне это не по нутру! И потом, война и военная служба – это удел настоящих парней!

Мы зажирили, забыли, как наши предки отстреливали краснокожих там, где теперь города и диснейленды; как наши деды драли задницу самураям; как наши отцы били морду

красным везде, где те осмеливались высунуть нос... А мир этот – он ведь ничего не забывает. Он глядит на нас, на американцев, завистливо и неласково, и только и ждёт случая укусь. Так что я иду на флот, Дэйв».

Они продолжали дружить, и время от времени встречались, хотя встречи эти были редкими: Дэвид Келли мотался по стране и по всему миру, подгоняемый жадой высоких гонораров и желанием прославиться, а Джеймс Эшвуд служил на ударном авианосце «Эйзенхауэр» и по полгода находился далеко от американских берегов. Дэйв не знал точно, чем именно занимается его приятель на корабле, – Джей рассказывал, но Келли не очень его понял. Что-то связанное с вооружением – бомбы, ракеты, прочие милые игрушки: их получение, хранение, консервация-расконсервация, подготовка к боевому использованию, меры безопасности. Друзья общались заочно – в век Интернета и мобильной связи это особой сложности не представляло – и старались по мере возможности видаться. Их почему-то тянуло друг к другу, хотя слово «дружба» не очень-то вязалось с прагматичными годами конца второго и начала третьего тысячелетия от Рождества Христова.

С началом военных действий – а «Эйзенхауэр» отправился в Персидский залив задолго до этого, едва в воздухе запахло порохом, и в речах политиков замелькали словосочетания «диктаторский режим» и «Шок и трепет», – общение это сделалось подцензурным. Поэтому Дэвид Келли с нетерпением ждал возможности встретиться с Джеймсом Эшвудом и поболтать с ним с глазу на глаз. Самому Келли, несмотря на все его старания, так и не удалось отправиться фронтовым корреспондентом на Ближний Восток, о чём он весьма сожалел: ведь именно на таких «горячих» материалах и делают и деньги, и карьеру.

И вот они встретились – в этом гадюшнике, куда и полиция-то не слишком любит заходить. Полицейские ведь тоже люди, и тоже дорожат своей шкурой. Предчувствие не обмануло Дэвида – старый друг действительно принёс ему горячий материал, но материал этот оказался настолько *горячим*, что журналист рисковал сам обжечься, возмись он за него. Минимум, что ему обеспечено, так это придирическое обследование у психиатра, а максимум – обвинение в антипатриотизме со всеми вытекающими отсюда последствиями. Демократия демократией, но очень многие весьма серьёзные (и даже известные!) люди уже потеряли высокооплачиваемую работу и положение в обществе из-за своего высказанного вслух неодобрения позиции президента по иракскому вопросу.

– Плесни-ка мне ещё, приятель! – услышал Дэйв. Э, да старина Джей, кажется, решил надраться! Но надо отметить, что место для этого он выбрал далеко не самое удачное...

– Послушайте-ка, лейтенант Эшвуд, – преувеличенно серьёзно произнёс Дэвид, наблюдая, как Джеймс вливает в себя виски, – не кажется ли вам, что наш очень содержательный разговор целесообразнее продолжить где-нибудь в более уютной обстановке, а?

– Пошёл к чёрту в задницу! – огрызнулся Джеймс. – У меня есть желание напиться до полной потери мироощущения, и я этого непременно добьюсь. И мне плевать, составишь ли ты мне компанию в этом мероприятии или нет!

– Джей, – негромко сказал Келли, приблизив лицо к покрасневшей физиономии друга, – я вовсе не собираюсь тебя отговаривать от этого увлекательного занятия, более того, я с удовольствием поддержу тебя, но только в другом интерьере. Я даже выслушаю всю твою историю снова, от начала до конца, и запишу её на диктофон. Пойдём, я остановился в гостинице неподалёку, и в моём номере запросто хватит места нам обоим. Идём, а то на нас уже начинают обращать внимание. Тебе это нужно?

В помутневших глазах Эшвуда блеснула искорка понимания, он кивнул и сполз с высокой табуретки. Прodelывая этот акробатический этюд, Джеймс пошатнулся и едва не грохнулся на пол – Келли еле успел поймать его за ремень брюк.

– Помощников и сочувствующих не требуется! – пресёк Дэвид поползновения двух неопределённого пола молодых людей, направившихся было к ним. – Транспорт у нас свой!

С этими словами журналист сунул правую руку за отворот куртки недвусмысленным движением, и парни молча отступили.

– Вот так-то лучше... – пробормотал Келли, эскортируя с трудом удерживающего равновесие приятеля прямоком к выходу. – Выпивки у меня, кажется, хватит на весь экипаж «Эйзенхауэра», у Джеймса отпуск до послезавтра, да и дел завтра никаких. Можно даже... Джей, а не прихватить ли нам пару во-о-он тех кисок? Вспомним былое? Тебе-то уж совсем не помешало бы!

Эшвуд с трудом сфокусировал взгляд на двух девицах в шортах с бахромой и в маечках-топиках на голое тело, разглядывающих обоих друзей блестящими от узкопрофессионального интереса (и от наркотиков) глазами и помотал головой.

– Нет, Дэйв... После того... После кого я видел... там... Мне почему-то... Я боюсь... женщин... Она следит... за мной...

* * *

Камчатку – хоть и лежит она на широте средней полосы России – трудно назвать местом с хорошей погодой. Тело полуострова, похожего на зазубренный наконечник исполинского гарпуна, вонзившегося в могучую спину Тихого океана, греет подземный жар, прорывающийся через широкие жерла вулканов и узкие скважины гейзеров, но холодным ветрам, набегающим с моря, он не помеха. Ветер течёт по улицам города, вползает во все щели, пробует на прочность стены домов и хрупкие стёкла окон. Даже здесь, в центре, – на Пятаке, как его иногда называют, – у озера, заслонённого кряжистыми плечами нависающих над Петропавловском сопок, ощущается дыхание ветра, заставляющее поплотнее закутаться и прикрыть лицо.

Молодая женщина в шубке и в белом шерстяном платке, спешащая к автобусной остановке, зябко вздрагивала. Уколы ветра заставляли её опускать голову и прятать нос в тёплую шерсть и в мех воротника. Вот тебе и Восьмое марта, праздник весны... Хорошо хоть снега нет, да ногам не холодно в сапогах! Вот если бы она, как последняя дура, вырядилась бы в туфельки... Это вам, девушка, не Севастополь!

Севастополь... А ведь они должны были поехать именно туда – Коля, как отличник, имел право выбора. И место на Черноморском флоте было, а лодки – так они везде лодки! Так нет, поступил по-своему, совсем не принимая в расчёт её, Юли, мнение... «Черное море – это не море, – заявил Николай молодой жене. – Там за борт плюнешь – плевок обязательно угодит на плешь кому-нибудь из разлётшегося на пляжах высокого начальства. Это во времена Ушакова и Нахимова Черноморский флот был истинно боевым, встречавшим врага на южных границах России, а теперь... Мышеловка, которая захлопывается одним поворотом ключа в замке Босфора! Моряк должен дышать солёным ветром океана!». Да уж, чего-чего, а этого самого ветра здесь – дыши не хочу...

Тут, на краю земли, в богом забытых местах, в укромных бухтах таились китообразные тела подводных лодок, среди которых всё больше становилось настоящих крейсеров, оснащённых атомными реакторами. Ворота в океан распахнуты настежь, – никакими сетями не перекроешь, – поэтому и стал Тихоокеанский флот (на пару с Северным) одним из двух основных ударных флотов Советского Союза. И хищные железные чудища, вылупившиеся из отложенных Драконом по всем берегам огромной страны яиц, одно за другим уходили на долгие месяцы за горизонт. Куда – этого семьям знать было не положено. «В автономку», «на боевое дежурство» – вот и вся информация. Ни проводов, ни встреч – это появится потом, лет через тридцать, когда юные жёны молодых офицеров-подводников сделаются бабушками (если, конечно, раньше не станут вдовами). В «холодной войне», как и в любой другой, бывают потери...

И куда это запропастился этот треклятый автобус? Холод нахально лезет под одежду, пробирается к телу – этому наглецу пощёчину не влепишь... А потом ещё долго трястись в дребезжащей железной коробке... И куда? В пустую комнату в военном городке, с минимумом мебели и соседями, чьи интересы – в подавляющем большинстве – не

простираются дальше сплетен и выпивки. И так день за днем, которые похожи друг на друга, словно капли воды, текущей из прохудившегося крана на кухне... И одиночество, одиночество, от которого хочется выть... И неизвестность: где *он* , что *с ним* , и когда распахнётся обшарпанная дверь, чтобы можно было броситься навстречу, обнять и прижаться щекой к *его* щеке... А ей всего-то двадцать два года, а за границей казармы кипит жизнь, где столько интересного и соблазнительного... Ну где же этот автобус!

А ведь можно было бы не стоять тут и не мёрзнуть, ожидая старенький «пазик», словно манны небесной. Можно было остаться там, где свет, и тепло, и музыка, и разгорячённые вином люди. И ведь ей предлагали остаться – да ещё как предлагали!

На праздничный вечер на судоремонтном заводе Юлю звала Клава, её, в общем-то, случайная подруга, с которой они познакомились в очереди в универмаге, когда там выкинули (такое случалось довольно редко) что-то дефицитное – женские сапоги, кажется. Клава расположила Юлю к себе своей неуёмной жизнерадостностью и бесхитростностью – качествами, которой самой Юлии не хватало. Они стали встречаться время от времени (времени у Юли хватало), хотя были очень разными людьми с разным уровнем интересов. Клавдия работала в заводской администрации, и всегда была в курсе всех новостей Петропавловска-Камчатского. Для Юли, задыхавшейся в душной неизвестности военного городка, подруга сделалась чем-то вроде бюро ТАСС камчатского масштаба. И ещё Клава была в свои неполные двадцать пять разбитной бабёнкой, что называется.

Высочившая замуж в семнадцать, она развелась в восемнадцать, и с той поры вела свободный образ жизни, без лишних угрызений совести подкинув шестилетнюю дочку бабушке – своей матери, жившей в маленьком домике в Елизово, пригороде и аэропорте Петропавловска. «Эх, Юлька! – говаривала Клава. – Нам ли, камчатским бабам, да горе горевать? Мужиков тут – пруд пруди: хоть беленьких, хоть чёрнявых, хоть рыжих, хоть в мелкую крапинку! И моряки, и рыбаки, и старатели, и геологи, и любые-прочие, до баб охочие! А нас-то, красавиц свободных, – раз, два и обчёлся! Подолом помаши, да даться не спешу, а там из любого мордатого-женатого верёвки веи! Всё забудет и ручной будет, как пёсик на цепочке!». Юлии не слишком нравилось такое легкомыслие, но беззаботность Клавды, жившей сегодняшним днём, словно пичуга весной, невольно подкупала. Клавдию же, в свою очередь, привлекала в Юле цельность её натуры и внутренняя сила, не сразу бросающаяся в глаза.

«И чего ты будешь киснуть в четырёх стенах? – уговаривала Клава подругу. – Восьмое марта как-никак, нашей сестры праздник! Что, лучше в окошко на туман смотреть да подушку ночью грызть? Тоже мне, занятие... Успеешь ещё! Пойдём, у нас весело будет!». «Слушай, Клав, – отнекивалась Юля, – да как ты не понимаешь: я люблю своего мужа! Он там, в море, только-только ушёл, а я что, тут же буду здесь кому-то глазки строить? И потом, у нас в военном городке такие мегеры – чего не было, и то наплетут! Как я ему потом в глаза посмотрю?». «А я что, тебя на блуд подбиваю, что ли? – округлила глаза Клавдия. – Это, подруга, дело добровольное! А вот только сиднем сидеть тебе вовсе не по годам, так тебе и скажу! Бабий век короток – когда ещё покрасоваться, на людей посмотреть, да себя людям показать. А насчёт сплетен – плюнь и разотри, на каждый роток не накинешь платок! А что до Коли твоего ненаглядного – так он, коли любит тебя, так и верить должен, а не сплетням уши подставлять! Мегеры... А то я не знаю, какие они там у себя выкрутасы организуют! Пошли, брось дурью маяться!». И ведь уговорила...

На вечере действительно оказалось весело. Много музыки, света и людей – весёлых и жизнерадостных. И мужчины – почти все – не слишком злоупотребляли водкой, куда больше внимания уделяя присутствовавшим женщинам. Юлия ощущала на себе мужские взгляды, – такие разные по степени откровенности, – и ей становилось жарко и сладко от осознания своей привлекательности и своей женской силы. Её наперебой приглашали танцевать, говорили что-то приятное и угощали вином. Пила она более чем умеренно, стараясь не терять головы, хотя вся эта игра с огнём на грани рискованности ей нравилась.

Леонид – старший механик со стоявшего в заводе БМРТ – большого морозильного

рыболовного траулера – произвёл на Юлию впечатление (чего уж там лукавить перед самой собой!). Старше её лет на двенадцать, высокий, сильный, уверенный в себе... И привыкший к успеху у женщин – его серо-стальные глаза и лицо с короткой светлой бородой, делавшей Леонида похожим на викинга (этаким морской волк из рассказов Джека Лондона), явно не оставляли их равнодушными. Юля и не заметила, когда и как они оказались в коридоре, в полутёмном закутке у торцевого окна трёхэтажного здания заводоуправления, в актовом зале которого и был устроен праздничный вечер.

Сопротивляться рукам Леонида было невероятно трудно, и всё-таки, когда одна из них властно легла на бедро Юлии, а другая расстегнула пару пуговиц на блузке, женщина нашла в себе силы вывернуться из его объятий, прервав поцелуй. «Нет, Лёня, нет... – прошептала она (а как хотелось покорно лечь в эти сильные руки!). – Я не могу... нельзя мне... идти надо, поздно уже...». «Да почему, Юля? – удивился Леонид. – Ночь длинная, пойдём ко мне – мы здесь рядом стоим». «Нет, нет, нет!» – повторила Юля, словно придавая себе этим немудрёным заклинанием сил, вырвалась и побежала вниз, на первый этаж, к гардеробу.

Потом она торопливо шла, бежала почти, к озеру и автобусной остановке подле него. Шубку Юлия просто накинула, но ветра поначалу даже не замечала, остужая бурлящую кровь. «Вот ведь глупость какая...» – смятенно думала она.

Леонида Юля вовсе не обвиняла – он действовал именно так, как привыкли действовать мужчины во все века. Одинокая молодая баба (то есть не одинокая в полном смысле слова, а соломенная вдова, но это сути дела не меняет), красивая, приехавшая из Ленинграда, с берегов Невы на край земли, в дурь армейского быта и тоскующая без мужика по несколько месяцев (да и видящая его урывками даже тогда, когда лодка стоит в базе), без серьёзного дела-занятия, без ребёнка – это ж полным придурком надо быть, чтобы пройти мимо!

Скорее она винила себя – в том, что пошла на поводу у этой барабоши Клавдии. Ей-то что, она птица вольная, вот и порхает... «Прости меня, Коля, – мысленно обратилась Юля к далёкому-далёкому мужу, находящемуся в стальной сигаре подводной лодки где-то там, среди свинцовых волн. – Прости, пожалуйста, а?». А впрочем, за что просить прощения? Ну прошлась по самой грани дозволенного, ну потешила самолюбие, но черту-то ведь не переступила! Сумела усмирить, удержать в узде бунтующую плоть. Ничего не было – значит, и прощения просить не за что! Да где же этот чёртов автобус...

Долгожданный свет фар наконец-то прорезал сгустившуюся тьму надвигавшейся ночи. Усевшись поудобнее на потёртом клеёнчатом сидении, Юля прислонилась к раме окна и задремала под тарахтение и подрагивание автобуса. Сон её был не глубокий и не долгий, и оборвался он внезапно, словно отрезанный ножом. Юля вздрогнула и огляделась по сторонам. Да нет, всё нормально: несколько пассажиров в железном чреве автобуса рассеянно смотрят в окна, за которыми мелькают редкие огоньки. Тогда почему же сердце её вдруг сдвоило удары, приостановилось, а потом судорожно заколотилось, словно накрытый ладонью мотылёк? Почему?

...8 марта 1968 года дизельная подводная лодка Тихоокеанского флота «К-129» (бортовой тактический номер «574»), вышедшая из пункта базирования на Камчатке 24 февраля на внеплановое боевое патрулирование в восточную часть Тихого океана и имевшая на борту три баллистические ракеты «Р-13» с подводным стартом и ядерными боеголовками большой мощности, а также две торпеды с ядерными зарядами, в поворотной точке маршрута не дала обусловленный боевым распоряжением короткий сигнал о проходе контрольного рубежа. Первым обратил на это внимание оперативный дежурный на центральном командном пункте ВМФ, который и объявил тревогу. Спустя некоторое время силами Камчатской флотилии подводных лодок, а в последующем и всего флота (с привлечением даже авиации другого флота – Северного) были организованы поисковые действия в обширном районе с центром в расчётной точке маршрута «К-129». Однако никаких результатов поиск не дал.

Подводная лодка исчезла бесследно.

* * *

Атомная подводная лодка ВМС США «Меч-рыба» была одной из трёх (со «Скатом» и «Морским драконом»), построенных вслед за «Наутилусом» – первой в мире подводной лодкой с атомным реактором в качестве энергетической установки. «Меч-рыба» относилась к классу торпедных, или атакующих, подлодок (Attack Submarines) – по классификации, принятой в американском военно-морском флоте. Лодки этого типа предназначались для атак торпедами боевых кораблей и транспортных судов (классика подводных лодок), но с появлением в составе ВМФ СССР подводных ракетноносцев (сначала дизельных, а потом и атомных) боевое назначение Attack Submarines было кардинально изменено. Теперь они прежде всего перенацеливались на слежение за советскими лодками с баллистическими ракетами на борту и на их немедленное (до запуска ракет) уничтожение в случае конфликта.

Атомные подводные лодки оказались самыми эффективными противолодочными кораблями, далеко превосходя по своим боевым возможностям – прежде всего по продолжительности пребывания под водой, а также по скорости и маневренности – современные им дизель-электрические подлодки, составлявшие большую часть многочисленного подводного флота Советского Союза.

«Меч-рыба» села на хвост «К-129» ещё в Авачинском заливе и шла за ней неотступно, ведя скрытое слежение и удерживаясь в её так называемых кормовых теневых секторах (курсовой угол 150-180-210 градусов) на малозвучных скоростях малых ходов.

...Старпому не очень нравилась принятая среди командиров лодок-охотников (и заслужившая молчаливое одобрение начальства) практика сближения с сопровождаемой целью на опасно близкую дистанцию (вплоть до подныривания под неё – с особым шиком!). Океан – это не прерии Дикого Запада, а ракеты – не патроны в шестизарядном кольце. Кроме того, лихой ковбой рискует в основном всего лишь своей собственной шкурой – пара шальных выстрелов вряд ли приведут к Третьей Мировой, а вот когда в стволах водородные пули...

Однако чиф благоразумно держал своё мнение при себе: деньги (и хорошие деньги!) и карьера – вещи тоже очень серьёзные и весьма значимые. Да и сейчас, когда русская субмарина, подвсплыв на перископную глубину, заряжает свои аккумуляторные батареи, она шумит так, что в радиусе ста миль гложет вся рыба. Все посторонние звуки заглушаются грохотом работающих дизелей, так что практически исключено, что русские обнаружат в пассивном режиме прослушивания почти неслышной змеей стелющуюся в глубине «Меч-рыбу».

...Удар стал полной неожиданностью для всех находившихся в центральном посту американской Attack Submarine – в отсеках скрежетало, трещало, лопалось. Чувствуя катящийся от желудка к горлу липкий спазматический ком, старпом почти физически ощутил трёхмильную пропасть под ногами. Им не надо трёх миль, обшивка лодки лопнет под чудовишным давлением воды гораздо раньше, едва будет пройдена предельная глубина погружения. Наверно, так и было на «Трешере» в шестьдесят третьем. Доигрались...

Появился дифферент на нос – что-то очень большое со скрежетом перемещалось по корпусу «Меч-рыбы» от рубки к носовой оконечности. Профессиональный моряк-подводник, старпом понял, что происходит: тяжёлое (без малого две тысячи тонн) тело смертельно раненой русской подлодки, разрубленное топоробразной рубкой Attack Submarine, соскальзывало с палубы «Меч-рыбы», неотвратно падая в ждущие объятия холодной глубины.

– Продуть балласт! Аварийное всплытие! В отсеках: осмотреться и доложить! – командир «Меч-рыбы» тоже был хорошим подводником, и действовал он быстро и правильно. Разбираться (и докладывать в штаб) будем потом...

Когда командир и его старший помощник выбрались на верхнюю палубу, на которую лениво заплескивали невысокие волны, то первое, что они увидели – это смятое и

искорёженное ограждение боевой рубки. На воде же не было видно ни единого обломка – ни следа от только что разыгравшейся здесь трагедии.

– Если бы в кабине сидел водитель, его пришлось бы выскребать оттуда чайными ложками, – нервно пошутил командир, осматривая повреждения. – И вообще, чиф, нам чертовски повезло: воткнись мы им в борт носом, да среагируй на такое невежливое обхождение наши дремлющие в торпедных аппаратах малютки, мы всем экипажем уже составили бы компанию этим парням...

Старпом не ответил – шутить ему почему-то совсем не хотелось. К солёному дыханию океана примешивался резкий запах солянки – кровь убитой ими субмарины широко растеклась по поверхности, выглаживая гребни волн.

– Это было непреднамеренное столкновение, – командир щёлкнул зажигалкой, – акустики прозевали резкое и неожиданное изменение курса цели. Дьявол их дёрнул... И ещё, командер Бакли, – добавил он официальным тоном, вглядываясь в тёмное лицо своего помощника, – это война! Самая настоящая война, что бы там не болтали политики в крахмальных воротничках! Уничтожен враг – у Советов стало на одну гадину с ядовитыми зубами меньше. Ты не был в Нью-Йорке в октябре шестьдесят второго, во время Карибского кризиса, нет? А я был! Мы сидели с Нэнси на кушетке, в тёмной квартире и смотрели в окно... Сидели обнявшись и ждали, что вот-вот за окном вырастет этот проклятый гриб, убивающий всё живое! Врагу своему не пожелаю... Так что, чиф...

– Точно такой же гриб мог бы вырасти здесь, кэптен Галлахер, – ответил тот, глядя на фосфоресцирующую воду, взбаламученную винтами «Меч-рыбы», – если бы их малютки обиделись на то, что мы столь бесцеремонно их потревожили. Наше счастье...

– Сэр, из штаба флота! – с этими словами вынырнувший из рубочного люка радист протянул командиру листок бумаги. Тот пробежал глазами колонки цифр с расшифровкой и снова повернулся к старпому.

– Быстро же они там... сообразили. Приготовится к погружению! Следуем в Йокосуку, для аварийно-косметического ремонта. Будем припудривать синяки, Бакли, и замазывать их тональным кремом... Да, ещё, – всему экипажу предписано сделать подписку о неразглашении: без этого ни одна живая душа с борта не сойдёт. Займись этим, Бакли. И внимательнее в отсеках – вдруг по дороге ещё где-нибудь проявятся последствия нашего поцелуя с русской красоткой...

* * *

– Знаешь, Джеф, мне ещё не доводилось встречать День Независимости в таких необычных условиях. Хорошо ещё, что наша с тобой работа начнётся только после того, как наш «Гломар» абсолютно точно займёт своё место над тем, что лежит там, на глубине в пять тысяч сто восемьдесят метров. Так что сегодня мы можем даже позволить себе немного выпить. Пошли ко мне – у меня есть пиво! – и коллега дружески хлопнул Джозефа по плечу.

Четвёртого июля 1974 года специально спроектированное и построенное судно, названное в честь Говарда Хьюза, миллиардера и авантюриста (именно он – его энергия и его деньги – и превратил этот поистине фантастический проект в реальность), прибыло в намеченный район в 750 милях северо-западнее Гавайских островов. Ещё несколько дней потребовалось для того, чтобы вывести «Эксплорер» в заданную точку, выверенную по спутниковой навигационной системе. И тогда комплекс невиданных по мощности, сложности и уникальности механизмов, скрытый от посторонних глаз обводами корпуса и надстройкой корабля, пришёл в движение. Финальный этап операции «Дженифер» начался.

С самого начала постройки «Хьюз Гломар Эксплорер» была запущена официальная – для печати и, естественно, для дезинформации потенциального противника – версия назначения судна: проведение подводных буровых работ на глубоководном материковом шельфе и подъём со дна морского тяжеловесных конкреций, содержащих полезные

ископаемые. Внешний вид «Эксплорера» на тщательно отобранных для опубликования фотографиях этой версии вполне соответствовал, и дезинформация удалась. На самом же деле цель создания этого уникального плавучего инженерного сооружения была одна-единственная – вытащить из океанских глубин только одну «тяжеловесную конкрецию»: останки «К-129» вместе с её «полезными ископаемыми» (ракетами и торпедами с их ядерными боевыми частями). «Геологов» из Пентагона очень интересовали эти «полезные ископаемые»...

Глаза Джозефа (когда-то его звали Юзефом) Камински не отрывались от экрана монитора. В «комнате призраков» – в центральном посту управления всей операцией, куда вход был разрешён немногим, – висела напряжённая тишина, лишь тихо пощёлкивали реле в пультах, да мягко урчала система кондиционирования воздуха.

Створки дна заполненного водой «лунного бассейна» – двухсотфутовой прорези в центральной части «Хьюз Гломар» – медленно разошлись в стороны. Гигантская клешня – захват, управляемый гидроцилиндрами, – поползла вниз. Система обеспечивала непрерывную подачу трубных 60-футовых секций со стеллажа: как только предыдущая труба уходила в воду до определённого уровня, к ней пристыковывалась следующая. Нажатие кнопки – тормоз отпущен. И снова стальная колонна уходит вниз, а к месту сочленения уже подаётся очередное колено. И так каждые десять минут: «Эксплорер» тянул и тянул свою всё удлиняющуюся исполинскую руку с железными пальцами к тёмному океанскому дну, на котором покоился изуродованный расчленённый труп «К-129».

Прихлёбывая обжигающий кофе, Джеф взглянул на часы – с начала спуска прошло около четырёх часов. Всего-то... А ему показалось, что уже минула вечность. По расчётам, клешня-захват окажется над лодкой через сорок восемь часов – это если не случится чего-либо непредвиденного. Главные двигатели «Гломара» и пять его подруливающих устройств – три носовых и два кормовых, без малого девять тысяч жеребцов в пяти упряжках, – работают постоянно, удерживая судно в заданной точке. Допустимое смещение не должно превысить семи-девяти метров, иначе «рука» сомкнётся на пустом месте. Конечно, если налетит шторм, то судно попросту сдует с его строго определённой точки, но прогноз погоды на ближайшие дни благоприятен, и двигатели «Гломара» пока удерживают позицию «плавбуровой» – отклонение в пределах приемлемого. До следующей вахты можно спокойно поспать.

Через двое суток захват оказался прямо над разорванной пополам подводной лодкой. Наступил решающий момент.

Гигантские стальные пальцы, между которыми находилась носовая часть «К-129» с полуразрушенной боевой рубкой (а самая аппетитная начинка именно там и располагалась), подчиняясь командам операторов, начали сходиться. Подводные телекамеры транслировали изображение происходящего, но качество картинки оставляло желать лучшего – темно всё-таки на трёхмильной глубине, да ещё эти клубящиеся тучи ила и песка, поднятые со дна движением железной клешни.

Есть! Обломок субмарины зажат «рукой» и оторван от океанского ложа. Теперь пойдёт обратный процесс: выходящие из-под воды секции многокилометровой трубы будут отсоединяться и укладываться – одна за другой – на стеллажи. И так следующие двое суток, пока трофей не окажется в «лунном бассейне». И только тогда можно будет перевести дух.

Непредвиденное стряслось, когда подъём уже был наполовину завершён. То ли из-за неравномерности давления в системе гидравлики, то ли из-за смещения корпуса «Гломара» под воздействием ветра и волн, то ли ещё по какой неустановленной причине клешня дёрнулась вбок. Две с половиной тысячи метров полой стальной нити спружинили, и захват отклонился от своего строго горизонтального положения. Вроде бы не так уж и много, но этого оказалось достаточно – изуродованный обломок подводной лодки чуть приподнял свою носовую часть...

Глаз телекамеры бесстрастно отобразил всё это на экранах «комнаты призраков»: из развороченного вздутия позади рубки субмарины – из ракетного ангара – вывалилось

длинное заострённое серое туловище. Камински почувствовал, как по хребту скатилась горячая капля пота. Матка бозка Ченстоховска...

Ракета помедлила, словно размышляя, затем протиснулась между пальцами железной руки – зазоры между ними были достаточными, ведь не золотой же песок собирались черпать создатели этого исполинского механизма, – и устремилась вертикально вниз, к тёмному океанскому дну.

«Сколько времени нужно ракете, – лихорадочно соображал Джеф, – чтобы достичь дна? Её разгоняет ускорение свободного падения и тормозит более плотная, чем воздух, водная среда... В любом случае счёт идёт на минуты, не более того. А потом... Океанское дно там, где покоилась субмарина, мягкое – ил и песок. А если металлическая сигара с чудовищным содержимым – по закону подлости – возьмёт да и отыщет какой-нибудь торчащий из этого ила камень (единственный на сотни миль вокруг)? Что тогда? Ракета пролежала под водой больше шести лет, но это вовсе не значит, что её крупнокалиберная боеголовка бесповоротно „протухла“. Когда поднимали затонувшие во время Второй Мировой транспорты с боеприпасами, то бомбы и снаряды иногда имели обыкновение взрываться. Но то были обычные бомбы, а если грохнет эта...».

Воображение услужливо нарисовало Юзефу апокалиптическую картину: увенчанный султаном кипящей пены гигантский водяной столб, выпирающий в небеса и возносящий к тучам такую крошечную – по сравнению с огромной массой взбесившейся воды – скорлупку «Гломара». Если водородный заряд взорвётся, то пятикилометровая водная толща не станет серьёзной преградой для его всепоглощающей мощи. Наоборот, в воде ударная волна обретает ещё большую разрушительную силу, достаточную для того, чтобы проломить днище находящегося за много миль от эпицентра взрыва линкора или авианосца.

Ракета пропала из поля зрения телекамер через секунды, поэтому никто не видел, как в нескольких сотнях метрах от усеянного каменными обломками дна она вдруг замедлила своё падение, повернулась боком и продолжала опускаться уже неспешно. Опасную игрушку словно подхватила осторожная и сильная рука, бережно уложившая её на песчаную лужайку среди подводных камней. И этого тоже никто не видел.

* * *

Здесь, внутри гигантского корабля (не корабля даже, а, скорее, плавучего рукотворного острова), всегда тихо. Метры и метры стали палуб и переборок отсекают корабельное нутро от внешнего мира. Когда находишься тут, то понимание того, что ты на корабле, пропадает напрочь. У корабля всегда чуть-чуть подрагивает палуба от дыхания работающих машин; с борта корабля видно море; корабль, наконец, покачивается – ведь океан не твердь земная. А здесь ничего этого нет: ни ощущения движения, ни морского пейзажа, ни качки. Тропический тайфун смог бы расшевелить стотысячетонную громаду ударного авианосца, но подобные ураганы в этих местах очень большая редкость. Два атомных сердца-реактора бьются бесшумно, а прочие звуки – свист паровых турбин, рокот турбозубчатых агрегатов, передающих стремительное вращение турбинных роторов на неспешные гребные валы, и бормотание вспомогательных механизмов – не выбираются за пределы машинных отделений.

Корабль может бежать со скоростью более тридцати узлов, – от Аденского залива до Персидского около суток полного хода, – но скорости этой не чувствуешь, как не чувствует человек быстроты бега его планеты сквозь чёрную пустоту космоса. Плавучий остров плотно заселён: на борту его свыше шести тысяч разумных существ, занятых самыми разными делами. Но все дела всех Носителей Разума, топчущих его палубы, подчинены одной-единственной цели, ради которой и создан этот технологический монстр: как можно более эффективному уничтожению себе подобных, считающихся врагами. И для этой цели здесь, в обширном хранилище (когда-то на куда более примитивных военных кораблях подобные

отделения именовались крюйт-камерами), заботливо разложены по уютным гнёздам-стеллажам убийственные *приспособления*, изящно упакованные в смертоносно-красивые цилиндры с заострёнными или каплевидно-обтекаемыми змеиными головами.

По мере надобности эти опасные игрушки извлекаются наверх. Там их подвешивают к подрагивающим от нетерпения крылатым машинам, и те, обдав палубу жаром реактивных двигателей, уносятся в небо. Через считанные минуты машины-убийцы появятся над целью – над древним городом, столицей некогда могущественного арабского халифата, – и их когти вонзятся в его плоть, кроша в щебень и дворцы, и лачуги.

Город практически беззащитен – против этих птиц у него заклинаний нет. И оружия, которое могло бы подрезать им их скошенные крылья, тоже нет. Остаётся лишь посылать бессильные проклятья к равнодушному раскалённому небу...

Птицы прилетают по ночам. Нет, они совсем не боятся дневного света, просто людям, управляющим птицами, это время привычнее – ведь у них дома, в Стране-между-Океанами, в это время разгар рабочего дня. Убивать – это ведь такая же работа, как и любая другая (только платят больше), а для работы существуют специально отведённые рабочие часы (сверхурочные оплачиваются особо). И потом, ночью обитатели города возвращаются в свои жилища, а значит, рушащиеся стены похоронят их под собой. Ночная атака эффективнее.

Людям, управляющим птицами, нет никакого дела до прошлого этого некогда великого города. Они – в подавляющем большинстве своём – не читали и даже не слышали о Шехерезаде и Синдбаде-мореходе, о джиннах и сокровищах Али-бабы. Нет, о сокровищах кое-что слышали: сокровища – это то, что можно взвесить, оценить и унести с собой. И люди, управляющие железными зверями (теми, что ползут сейчас через пески), так и поступят – когда войдут в побеждённый город. Всё на свете имеет свою цену – особенно чёрная кровь земли. Хозяева птиц и ползучих железных зверей убеждены в этом.

Человек, несущий дежурство в хранилище боезапаса (один из многих людей, занятых этим делом), не видит ни взлёта самолётов с палубы авианосца, ни, тем более, рычащих танковых колонн, рвущихся к Багдаду. У него другая работа – следить за тем, чтобы доверенные его присмотру *зубы дракона* всегда были ухожены, почищены и готовы к оскалу. Температура и уровень влажности здесь контролируются автоматически, сдублированные системы сигнализации немедленно известят человека о выходе любого из отслеживаемых параметров за допустимые пределы, но принять решение о том или ином действии должен будет именно он. Поэтому нет смысла отвлекаться от этой важной задачи на созерцание впечатляющей картины взлёта и посадки боевых крылатых машин – этим занимаются другие.

У человека достаточно времени для размышлений – почти всю работу за него делает хитрая электроника, – но он не слишком приучен предаваться занятиям подобного рода. Полезны только те мысли, которые можно превратить в доллары, а остальные – это просто никчёмный мусор.

Лейтенант Джеймс Эшвуд посмотрел на дисплей, на котором монотонно, раз за разом, высвечивались колонки цифр, выдаваемых системой обтекающего контроля. Всё в порядке – как всегда. Ещё не было случая, чтобы требовалось вмешательство оператора. Ему приходится действовать, когда сюда прибывают команды зарядания – они аккуратно выкатывают на тележках тяжкие туши бомб и ракет к подъёмникам. А он, лейтенант Эшвуд, обязан следить, чтобы никто из них не нарушал правил обращения с опасным грузом, и фиксировать в памяти компьютера, сколько боевых единиц оружия изъято из хранилища, и каких именно. Скучновато, конечно, но что поделаешь: он, Джеймс Эшвуд, добросовестно выполняет свои обязанности – как и тысячи других одетых в военную форму людей на борту огромного корабля.

Парням, которые сидят в кабинах «хорнетов» и «томкэтов», понятное дело, веселее. Задачу встречи управляемой ракеты класса «воздух-поверхность» с целью решает бортовой компьютер, однако команду на запуск даёт пилот. Приятно, наверно, ощущать себя повелителем такой мощи, перед которой спасуют все восточные ифриты вместе взятые. Об

этом, собственно, и мечталось, когда Джеймс подписывал контракт: лететь, уклоняясь от зенитных ракет, прорываться, чтобы обрушить на голову врагов свободы и демократии огненный смерч. Не вышло... Ну что ж, каждому своё! Он, Джеймс Эшвуд, тоже в строю, и его вклад в общую победу тоже есть – пусть и не очень заметный. Этот зазнавшийся диктатор, осмелившийся противиться воле Первой Страны мира, своё получит! А в том, что развалившая дворец восточного деспота авиаракета сработала безотказно, есть несомненная заслуга оружейников авианосца (в том числе и лейтенанта Эшвуда).

Джеймс ещё раз взглянул на экран – всё нормально. Почему-то захотелось вдруг откинуться на спинку подвижного кресла и положить ноги на пульт, но Эшвуд удержался. В хранилище установлены камеры видеонаблюдения – можно запросто нарваться на неприятность. Особенно если сейчас на дежурстве в центральном этот высокомерный зануда из Иллинойса...

18.33., время нью-йоркское. По-местному половина третьего ночи, тёмной южной ночи, которую рвут над Багдадом вспышки разрывов. А там, дома, люди торопятся с работы домой, клянут автомобильные пробки, спеша скорее скрыться в раковины личной жизни. Уитни, наверно, уже дома. Или не дома, а где-нибудь ещё... И не одна, а с кем-то... Такая девчонка никогда не останется без должного мужского внимания... Славно они с ней оттянулись тогда, в его прошлый отпуск... Повторится ли такое ещё? Вот заявится он (пусть даже в ореоле героя победоносной войны) и услышит: «Знаешь, darling, ты слишком долго отсутствовал. Я не люблю терять время зря, ведь время – деньги!». А что до лаврового венка победителя, так многие в Штатах (и Уитни в том числе) почему-то не слишком одобряют эту войну, в отличие от войны девяносто второго года. Ну и чёрт с ней! Что он, пропадёт, что ли? На его век девчонок хватит – и не таких чересчур умных, как эта Уитни! Свободное время, деньги, мужественная внешность и имидж настоящего парня, американского солдата – что ещё нужно для покорения женского сердца? На борту авианосца девушки тоже есть (и немало), но вот только правила строго запрещают любые контакты (кроме чисто служебных) между военнослужащими разного пола. И соблюдаются эти правила неукоснительно.

И тут лейтенант Джеймс Эшвуд увидел женщину.

Это было невозможно, но, тем не менее, было именно так. Здесь, в святая святых, за несколькими бронированными дверями (для открытия такой двери мало предъявить магнитную карту с личным кодом, идентификация подтверждается ещё из центрального поста и контролируется визуально, и это понятно – ведь в хранилище находится не только обычные боезаряды, но и ядерные), в шаге от дежурного оператора склада боепитания в свободной позе стояла женщина.

Эшвуд готов был поклясться чем угодно, что её он никогда раньше не видел. На авианосце сотни и сотни женщин, несущих службу по контракту, но эту он среди них не встречал. Конечно, корабль так велик, что в некоторых его отсеках Джеймс никогда и не был, но бывают же иногда общие сборы экипажа (например, когда ждали прибытия на борт президента), а уж такую яркую особу лейтенант приметил бы – непременно.

И выглядела незнакомка как-то странно. Вроде обычная униформа-комбинезон, но вот цвет... Отливает голубизной, или это отсвет ламп? И волосы: девушки здесь или носят короткую спортивную стрижку, или целомудренно прячут причёску под головной убор, строго следуя наставлениям по снижению степени стресса для мужской части населения плавучего острова. А эта – густые чёрные локоны до плеч, словно явилась на вечеринку соблазнять всех и каждого... И вообще, внешность у девочки – лечь и не встать без посторонней помощи! Идеальные черты лица; матовая, чуть золотистая, кожа; тёмные глаза, в глубине которых перебегают искорки; фигурка (даже под одеждой заметно) такая, что... Но, чёрт побери, как она сюда попала?! Через палубы и переборки прошла, как в фантастическом фильме? И почему до сих пор внутренняя связь не взорвалась проклятиями по поводу столь вопиющего нарушения устава? Не видят они её, что ли?!

Гостья чуть наклонила голову на точёной шее и улыбнулась – Джеймса окатило волной жара. От такого видеоклипа точно удар хватит, особенно после трёхмесячного пребывания в

этом плавучем монастыре...

– Ты сомневаешься в том, что я живая? – услышал Эшвуд. – Можешь протянуть руку и потрогать меня – я вовсе не привидение.

Голос женщины звучал мягко и приветливо, говорила она по-английски чисто и правильно, без малейшего акцента, даже вворачивала сленговые словечки, но вот оттенок речи... Так, наверно, могла бы говорить ожившая машина, невероятно совершенная и неотличимая (почти!) от человека, но – машина.

– Я не машина, – отозвалась женщина. – И беспокоиться тебе не стоит – я не причиню ни малейшего вреда ни тебе, ни кому бы то ни было ещё. Я пришла поговорить.

Джеймс почувствовал, как по его спине царапнуло колючим ознобом: губы женщины *не шевелились*. Он слышал её голос (вроде бы даже ушами), но вот слов она *не произносила*. Бред какой-то...

– Я... ты... вы... как вы здесь оказались?! – промямлил он.

– Это не имеет большого значения. Ты правильно догадался: я не с вашего корабля – и даже не из вашего Мира. Ты показался мне достаточно разумным – ещё тогда, в прошлый раз, когда ты был совсем другим (О чём это она?). Поэтому я и выбрала тебя. Слушай меня внимательно и постарайся понять правильно.

Женщина чуть пристальнее посмотрела на Эшвуда, улыбнулась ещё раз, и нараставшее беспокойство лейтенанта, грозящее вот-вот обернуться неконтролируемой паникой, улеглось и сникло.

– Мы Хранители. Наша миссия – так тебе будет понятнее – оберегать Жизнь от всего, что может подвергнуть её опасности. А вы, дети, заигрались с вашими опасными игрушками – так недолго не только палец порезать, но и весь дом спалить. Мы следим и стараемся вовремя отбирать у вас спички, но можем когда-нибудь и не уследить – уж больно вы шустры. Заметь, пока я говорю только о неприятных случайностях, а не о сознательных ваших действиях. Пока.

– Послушайте, мисс... мэм... или как вас там... Я сейчас нажму кнопку, и через минуту здесь будут крепкие парни из внутренней охраны, и тебя...

– Как всё-таки трудно говорить с детьми, – вздохнула женщина. – Ты им толкуешь о мировых проблемах, а у них в голове каша из комиксов и шпионских фильмов. Можешь ли ты хоть чуть-чуть напрячь свой бесценный дар – твой собственный разум? Неужели до тебя не доходит, что уж если я сюда прошла незамеченной, то нажимать любые кнопки бесполезно – никто на это даже внимания не обратит. Сиди спокойно и слушай.

Джеймс подавленно замолчал, а женщина продолжала:

– В вашем Мире гордыня уже неоднократно губила великие народы и разрушала могущественные империи. Существует непреложные Законы, о которых вы, живущие в тенётах вами же сами придуманных законов, и понятия не имеете. Вы гордитесь своей силой – ты, например, искренне считаешь свою страну всегда и во всём правой, – и не привыкли принимать в расчёт мнение других, особенно когда это угрожает тому, что вы называете выгодой. Почему вам кажется, что вы вправе диктовать всем остальным, как им жить?

– Потому что мы несём свободу! Мы избавляем народы от диктаторов, приносящих им неисчислимые страдания! (Ого, я даже могу спорить с этим существом!).

– Красиво сказано. Но свободу не приносят насильно, на кончиках мечей. Вы несёте не свободу, а свой собственный образ жизни. А почему вы считаете, что созданная вами (точнее, подсказанная вам) модель идеальна? Почему все прочие Носители Разума вашего Мира должны носить джинсы, пить «Кока-колу» и молиться Золотому Тельцу, вашему Богу (который, кстати, ничуть не лучше – а может, и гораздо хуже, – древних Кровавых Богов)? А что до диктаторов, так вон там, в Африке, – женщина повела тонкой ладонью, – правит другой диктатор, который поедает своих врагов – в прямом смысле слова. Но вас это почему-то совершенно не волнует. Вы, Избалованные, лезете в драку только тогда, когда это выгодно вашему Богу, – и тогда, когда вы уверены в том, что победа вам обеспечена. Я могла бы привести тебе много примеров, но не буду этого делать – у меня не так много

времени, – она посмотрела куда-то вверх и закончила:

– Так вот, у озорников отбирают чересчур опасные игрушки, – а Меч Демонов очень опасная игрушка, – но непослушных наказывают, если их шалости заходят слишком далеко.

– Ты... угрожаешь? – хрипло выдавил Джеймс.

– Нет, я объясняю, – покачала головой гостья. – И очень хочу, чтобы ты объяснил это другим. В твоей стране много разумных людей, но неразумных больше (особенно среди служителей вашего Бога). Только не надо думать, что нам так уж нравится наказывать – просто это приходится делать. Иногда. А чтобы у тебя не было сомнений в наших возможностях...

С этими словами (хотя слов как таковых и не произносилось) странная женщина повернулась и бесшумно скользнула-проплыла к шахте ближайшего грузового лифта.

У Джеймса что-то случилось со зрением. Он, не вставая со своего дежурного кресла, одновременно как бы находился рядом с этой *инопланетянкой* и видел всё чуть ли не её собственными глазами.

Женщина (и взгляд Эшвуда вместе с ней) легко миновала шахту, две тяжёлые двери, прошла между длинными рядами спящих ракет, а затем так же легко и просто – будто и не броня была перед ней, а всего лишь завеса тонкого тумана, – оказалась в дальнем отсеке, где хранились те самые-самые. И ни один сверхчувствительный датчик, ни одна система оповещения ровным счётом никак не среагировали на столь бесцеремонное вторжение. Существо – какая живая женщина способна на такое! – неспешно приблизилось к чёрному телу водородной бомбы, покоившейся здесь с того времени, как её загрузили (с принятием всех мыслимых мер предосторожности) в чрево авианосца, и положила свои совершенной красоты руки на холодный металл.

А дальше – дальше пошло такое, что Эшвуд почувствовал себя опасно близким к помешательству. Тонкие и хрупкие женские руки начали погружаться в воронённый металл, будто в воду. И Джеймс видел, как эти руки, ничуть не утратившие своей плоти и формы, осторожно продвигались внутри бомбы, пока не добрались до глобулы иницирующего атомного заряда. Ладони легли на шар, сжали его (не проникая на этот раз внутрь), и шар чуть уменьшился в размерах, словно его положили под сферический гидравлический пресс.

– Мы можем проделать это, – услышал лейтенант Эшвуд. – В нескольких местах одновременно. Ты ведь изучал устройство Меча Демонов и знаешь, что произойдёт. И поверь, всё будет выглядеть, как техническая неполадка – у вас их было предостаточно.

Джеймсу показалось, что мир переворачивается, и что палуба под ногами становится потолком. Головокружение длилось секунду-другую, не более, а когда оно прекратилось, женщина снова стояла перед ним, у пульта контроля – на расстоянии протянутой руки – и внимательно глядела ему прямо в глаза. На этот раз без улыбки.

– Ты всё понял? Тогда прощай – мне надо идти. И запомни: теперь я всегда буду неподалеку. На тот случай, если тебе захочется о чём-нибудь спросить. И вообще – на всякий случай...

Эшвуд моргнул – веки прикрылись всего-то на долю секунды – и тут же протёр глаза. Перед ним никого не было. Бред...

– Не бред. Явь. Реальность, – и ладони Джеймса вдруг коснулась появившаяся из пустоты тёплая женская ладонь – та самая, которая только что на его глазах копалась в потрохах ядерной бомбы. Но пахли тонкие пальцы вовсе не металлом и не смазкой, а неуловимо-нежным ароматом неведомых цветов...

Лейтенант Джеймс Эшвуд ощутил себя пловцом, вынырнувшим на поверхность моря на остатках воздуха в лёгких.

Часы показывали 18.36. Всё видение длилось около трёх минут.

* * *

Когда говорят, что Колумб в 1492 году открыл Америку, то это не совсем верно. До берегов собственно американского материка великий гемузеец добрался позже, во время своего третьего плавания в Новый Свет. А тогда, в первый раз, он открыл острова Гаити (мореплаватели называли его Эспаньолой – Маленькой Испанией) и Кубу. Райский уголок, земля, утопающая в зелени, омываемая лазурными водами тёплого моря и согреваемая лучами тропического солнца; край вечного лета, словно специально созданный Всевышним для жизни, радости и любви... Но вышло так, что именно этот благословенный остров едва не стал тем роковым камешком, который чуть не сорвал лавину, способную увлечь в бездонную пропасть весь Мир Третьей планеты системы Жёлтой звезды.

Вокруг Кубы десятилетиями хищными пираньями кружили голландские и французские буканьеры; в запутанном клубке колониальных войн остров переходил из рук в руки – от испанцев к англичанам и обратно. Наконец, после испано-американской войны 1898 года и разгрома у Сантьяго эскадры адмирала Серверы, на Кубе прочно обосновались североамериканцы, превратившие её в загородную виллу (и по совместительству в публичный дом) для Дяди Сэма.

Такое положение вещей почему-то не очень нравилось самим кубинцам (смешанным потомкам кастильских конкистадоров, индейцев-караибов и вывезенных из Африки негров-рабов), и в первый день тысяча девятьсот пятьдесят девятого года горстка революционных романтиков-бородачей братьев Кастро прикладами винтовок выгнала с острова заведующего тропическим борделем Батисту и решила обустроить жизнь по-новому – по примеру первой в мире страны победившего социализма.

Результат получился достаточно кислый – Куба десятилетиями жила по карточкам, кубинки отдавались иностранным морякам прямо на золотистых пляжах за кусок мыла или за банку сгущёнки, а жители благодатного острова норовили при первом удобном случае добраться до Флориды чуть ли не вплавь, – но это проявилось несколько позже. А тогда, в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого века энтузиазм бил через край, и построение подлинного Рая на райской земле Кубы казалось делом близким и вполне осуществимым.

А события (в которые оказались вовлечёнными самые грозные и непримиримые силы планеты) между тем развивались таким образом, что Рай, населённый мужественными «барбудос» и прекрасными сеньоритами, вот-вот должен был превратиться в пылающий Ад – в атомный Ад.

* * *

– Общая стратегическая обстановка, – министр обороны откашлялся, – сложившаяся вокруг нашей страны, крайне неблагоприятна. Мы в кольце: американские ракеты средней дальности, размещённые в Европе и Турции, – особенно в Турции, – со временем подлёта, исчисляемым минутами, способны практически беспрепятственно достичь Ленинграда, Москвы и других крупных городов и промышленных центров в европейской части Советского Союза. Наша система ПВО достаточно эффективна против самолётов – «У-2» Пауэрса сбили первой ракетой, – но вот что касается ракет... Конечно, мы успеем нанести – и нанесём – ошеломляющий удар возмездия, но от страны к этому времени не останется ничего, кроме дымящихся радиоактивных руин. Мы живём под постоянным прицелом, и если стрелок нажмёт на спусковой крючок, то остановить выпущенные в нас пули мы не сумеем. Это объективный факт, горький, но факт, с которым нельзя не считаться.

Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв промолчал. Он обладал живым и богатым воображением – иногда это помогало ему, иногда мешало, – и благодаря этой своей особенности очень ярко представил себе, что произойдёт, если проклятые империалисты, насмерть напуганные обещанной им советским лидером «кузькиной матерью» (той самой, успешные испытания которой были проведены на Новой Земле),

решат-таки ударить первыми. А что, ситуация-то для них удачная – СССР и ответить нечем: ракеты наземного базирования, укрытые в шахтах за Уралом, долетят до Нью-Йорка и Вашингтона к шапочному разбору, а ракетноносный подводный флот ещё в стадии создания. Бомбардировщики Туполева? Машины, конечно, хорошие, да вот только посбивают их прямо над Европой, не дав дотянуться до вражьих столиц. Можно через Северный полюс, но тогда придётся преодолевать аляскинский пояс ПВО, а потом ещё лететь через всю Канаду до того, как нажать кнопки бомбосбрасывателей. Что же делать?

Авантюризм и бесшабашность также были присущи Никите Сергеевичу (именно эти черты его натуры помогли ему одолеть в пятьдесят третьем всемогущего Берия, откровенно рвавшегося к наследию Сталина – к верховной власти в стране). И позже нестандартность принимаемых Первым секретарём решений неоднократно ставила в тупик его политических противников – до поры до времени (пока непредсказуемость Хрущёва им не надоела).

«Ну, погодите, мать вашу, – подумал он, – сыщем мы на вас управу!».

* * *

«Тьфу, ну и стоянка! Это ж надо – ни в ресторан вечером не выскочить, ни просто в город за парой пузырей сгонять! А уж о том, чтобы причалить к какой-нибудь местной дамочке да обрести на ночь уютную гавань в её койке, и говорить нечего. Монахи бы на такую стоянку обзавидовались... И это после шестимесячного рейса! И ладно бы в иностранном порту стояли с его правилами поведения советского моряка за границей, а то в родном Калининграде, где всё словно специально приспособлено для того, чтобы доставить моряку-рыбаку-китобою максимум нехитрых удовольствий и при этом максимально облегчить его карманы путём добровольного изъятия из них излишних денежных знаков».

Праведный гнев боцмана с «Долинска» был вполне понятен. С самого прихода теплохода в порт всё шло как-то наперекосяк. Сначала их отогнали на самый дальний причал, откуда топать до города – ноги сотрёшь по самое некуда; потом почему-то не разрешили вызвать из Ленинграда семьи (обычно в любом советском порту проблем с этим никогда не возникало, особенно после таких продолжительных рейсов). Замены тем, кто собирался в отпуска и отгулы, из отдела кадров пароходства тоже не прибыло – без всяких объяснений. А проверить на собственных пятках изнурительность дороги от судового трапа до ближайшего гостеприимного кабака даже не пришлось – паспорта моряков экипажу на руки не выдали. А без этого нечего и надеяться преодолеть кордоны бдительных вохровцев на проходной. Можно, конечно, попробовать через забор (или через дыру в оном), но подобное рискованное предприятие чревато: изловят по дороге туда (или, паче чаяния, обратно – когда ты уже загружен бутылками), и пиши пропало! Вот тебе море, а вот тебе виза!

Но самое интересное началось потом. Под погрузку подали запломбированные вагоны, охраняемые крепкими ребятами в военной форме без знаков различия. Сама погрузка происходила исключительно по ночам (похоже, что отправителей таинственного груза несколько не волновал простой судна), а днём прекращалась. Грузили тяжёлые (потому как стрелой-тяжеловесом) и длинные (более двадцати метров) крепко сколоченные ящики и ящики меньших размеров, но тоже очень добротные – уж в этом намётанный глаз боцмана ошибиться никак не мог. Он этих ящиков видел – и считать бесполезно. Грузили те же самые «псевдоармейцы» (не очень-то похожие на обычных солдат срочной службы), которые охраняли состав, и грузили бережно и осторожно, словно в ящиках было упаковано нечто донельзя хрупкое (хотя никаких знаков типа рюмки или надписей «Не кантовать!» на таре не имелось). Ни докеры, ни матросы к грузовым операциям не допускались – даже на лебёдках стояли военные, и управлялись они с этим делом вполне профессионально. Что в ящиках – никто из экипажа «Долинска» не знал.

Не было и ответа на вопрос, который обычно более всего волнует моряков перед

рейсом: куда идём? Обычно о таких вещах узнают заранее, зачастую даже в конце предыдущего рейса, и заранее прикидывают, где, в каком порту можно просто расслабиться, а где потратить подкопленные валютные копейки на отоварку. А сейчас – ну полная неизвестность! И, похоже, неведением охвачен не только рядовой состав – во всяком случае, по растерянным глазам помполита можно было сделать вывод, что и он знает не больше матроса-уборщика. Чёрте-что и сбоку бантик...

Отходили тоже ночью, быстро и как-то воровато. Отходили «в никуда» – на выход из Балтики. И только в Северном море, когда Каттегат со Скагерраком остались позади, кое-что прояснилось.

Вечером весь свободный от вахт экипаж был собран в столовой команды, и капитан предоставил слово странному пассажиру, севшему на борт в Калининграде (в судовую роль он был записан как дублёр старшего помощника). Собственно говоря, пассажир пребывал на борту не в единственном числе, были и другие «дублёры», но начальствовал над всеми ими, похоже, именно этот.

– Товарищи! Свободолюбивый народ Кубы попросил нас о помощи. Американские империалисты, движимые звериной злобой к первому социалистическому государству в Западном полушарии, вынашивают планы вторжения на Остров Свободы. Им мало того урока, который преподали их наймитам наши кубинские братья на Плайя-Хирон! Они не успокоятся, пока не добьются своего – или пока не получают достойный отпор, такой, который раз и навсегда отобьёт у них охоту покушаться на завоевания кубинского народа! И мы, советские люди, выполним свой интернациональный долг, поможем братской Кубе отстоять свою свободу и независимость! Но свободу не защищают голыми руками, и поэтому мы везём на Кубу оружие, которое передадим в надёжные руки наших кубинских товарищей. Я надеюсь, – оратор обвёл цепким взглядом притихшую аудиторию, – что весь экипаж вашего теплохода полностью осознаёт ту огромную меру ответственности, которая возложена на каждого из вас!

Аплодисменты были, – а как же без них! – а после, в курилке, такая ошеломляющая новость сделалась предметом живейшего обсуждения. Однако обсуждения носили весьма осторожный характер (кто его знает, что за тип рядом с тобой смолит «беломорину») и сводились к тому, что янки, конечно, обнаглели, и что приструнить их надо непременно, и вообще – наше дело правое! А Куба – ну что ж, Куба лучше какой-нибудь там Анголы. Кубинки – девушки очень покладистые (в смысле ложатся охотно), да и ром там дешёвый и крепкий. Купить там, правда, нечего, зато на обратном пути непременно будет заход в Гибралтар или в Антверпен за вожделенными тряпками (отоварка – святое дело!). На худой конец, можно взять и чеками – в «Альбатросе» шмотки тоже ничего...

На этой оптимистической ноте неофициальная часть собрания завершилась, и моряки разошлись по каютам. Завтра рабочий день – в море выходных нет.

«Долинск» резал холодные – здесь и в августе не бывает жарко – волны Северного моря, направляясь в Центральную Атлантику.

* * *

14 октября 1962 года.

Летевший на огромной (свыше двадцати двух тысяч метров) высоте самолёт-шпион «У-2» свою работу сделал качественно. Сотни метров фотоплёнки поступили на дешифровку в лабораторию, и результаты оказались настолько ошеломляющими, что специалисты ЦРУ и Пентагона поначалу отказывались им верить. Но это быстро прошло...

16 октября 1962 года.

– Господин президент, данные аэрофотосъёмки неоспоримы: на Кубе находятся русские ракеты среднего радиуса действия, способные нести водородные боеголовки. Правда, на снимках не зафиксированы сами ракеты, однако, судя по тому, что мы обнаружили – подъездные пути, вспомогательное оборудование, стартовые площадки, – они там, господин президент. Вся инфраструктура присутствует – до такой степени не блефуют. Соединённые Штаты Америки перед лицом самой страшной угрозы своему существованию со времён провозглашения Декларации Независимости, господин президент.

22 октября 1962 года.

Президент США Джон Ф. Кеннеди обратился к американскому народу, сообщил ему в своей речи о наличии на Кубе советских атомных ракет, потребовал от СССР их немедленного вывода – угрожая в противном случае прибегнуть к силе – и объявил военную блокаду Кубы. Поскольку термин «блокада» автоматически переводил Соединённые Штаты и Советский Союз в состояние войны, Кеннеди назвал её «карантином».

Американский военно-морской флот вышел в море и приступил к выполнению приказа Верховного Главнокомандующего вооружёнными силами страны. Во избежание обострения конфликта советским судам, доставлявших вспомогательное снабжение для группировки войск на Кубе, было дано указание изменить курс; однако часть транспортов, не обращая внимания на предупреждения со стороны американских боевых кораблей, всё же прорвалась к острову. Орудийные башни американских крейсеров молчали – огонь открыт не был.

27 октября 1962 года, «чёрная суббота».

Действуя в соответствии с приказом Фиделя Кастро о том, что любой военный самолёт, вторгшийся в воздушное пространство Кубы, должен быть сбит, командующий ПВО группы советских войск на Кубе дал команду на открытие огня по очередному самолёту-шпиону «У-2». Цель была поражена первой ракетой. Пилот «У-2» Андерс погиб.

События нарастали катящимся снежным комом.

...Расчёты межконтинентальных баллистических ракет «Минитмэн» дежурили на своих постах по боевому расписанию, и сизый дым сигарет казался первым дымом занимавшегося мирового пожара...

...Тяжёлые тягачи, утробно рыча, выворачивали вековые деревья в сибирской тайге, волоча туши ракет к заранее выбранным пусковым позициям...

...Стратегические бомбардировщики отрывались от бетонных полос аэродромов, неся под крыльями мегатонные бомбы...

...Авианосцы разворачивались против ветра, лифты-подъёмники извлекали из ангаров на полётные палубы штурмовики «Виджилент» – носители термоядерного оружия, – и обслуживающие команды подкатывали их к паровым катапультам...

...Командующий группой советских войск на Кубе генерал Исса Плиев с кровожадностью истинного абрека ждал, когда же, наконец, можно будет взмахнуть ядерной шашкой: решение о применении тактического атомного оружия в случае вторжения американских войск на Кубу уже было принято...

...Прямой провод между Кремлём и Белым Домом раскалился от «горячей» информации, трансформированной в электрические импульсы...

...Подавляющее число обитателей Третьей планеты системы Жёлтой звезды *ещё ни о чём не знало*. В условленных местах в назначенный час встречались влюблённые, матери возились с детьми, люди торопились на работу, строились планы на будущее, мечты становились реальностью, писались стихи (всходила звезда Владимира Высоцкого) и музыка («Beatles» начинали своё восхождение к мировой славе), снимались кинокартины с Марчелло Мастоияни и Софи Лорен в главных ролях...

А между тем недрожжащие пальцы уже легли на красные пусковые кнопки. Мир повис

на тонком-претонком волоске.

* * *

– Шумы винтов трёх... четырёх эсминцев с правого борта, – доложил акустик. – Курсовой двадцать восемь. Нарастают – цели приближаются.

Командир «Б-59», крейсерской подводной лодки 69-й бригады Северного флота, преодолел соблазн всплыть на перископную глубину и осмотреться: американцы только этого и ждут. У них здесь целая армада: и крейсера, и эсминцы, и противолодочные фрегаты. Десятки и сотни глаз, усиленных окулярами биноклей, обшаривают горизонт и поверхность моря. И ладно бы одни только человеческие глаза, это всё-таки инструмент довольно несовершенный...

В тесных рубках гидроакустики запечатали уши блямбами наушников, отсекая все посторонние внешние шумы и концентрируясь только на шумах подводных. Гидролокаторы распустили щупальца импульсов, обшаривая толщу воды. Неприятное ощущение, когда эти импульсы нащупывают лодку – по корпусу словно молотком стучат. Ладони радаров непрерывно вращаются, и они способны засечь даже высунувшийся из воды кончик перископа, не говоря уже о рубке или о части корпуса лодки.

В воздухе висят противолодочные самолёты с магнитными обнаружителями, а вертолёты опустили в воду гидроакустические буи, перекрыв весь район чуткой тревожной сетью. Сунься только – мигом засекут! Конечно, штатники вряд ли тут же разрядят по обнаруженной субмарине реактивные бомбомёты или выпустят самонаводящиеся торпеды – не война всё-таки. Будут гонять до изнеможения, до полной разрядки аккумуляторных батарей, когда всплыть придётся волей-неволей. Хотя не исключено и применение оружия: кто его знает, что там, наверху, творится – связи-то с Главным штабом ВМФ нет...

Нет связи и с другими лодками бригады – где-то в этом же районе океана их ещё три: «Б-4» Кетова, «Б-36» Дубинко и «Б-130» Шумкова²⁷. Задача у всех лодок одна – не допустить атаки советских торговых судов и (в случае развития конфликта) атаковать противника (то есть американские корабли) любыми имеющимися силами и средствами. Любыми – а на борту каждой подлодки находятся «изделия-400», то есть торпеды с АБЗО²⁸. На «Б-59» такая игрушка всего одна, но и одной более чем достаточно, чтобы смести весь американский флот с поверхности моря одним движением – как хозяйка смахивает тряпкой крошки со стола.

К берегам Кубы должны были направиться атомные подводные крейсера (уж они бы поводили янки за нос), но почему-то (то ли в силу неготовности атомоходов, то ли из-за вечной российской безалаберности) в море вышли дизель-электрические подводные лодки типа «буки». Неплохие корабли, океанские, с большим радиусом действия, с серьёзным вооружением и с хорошими прочими тактико-техническими данными (не чета «морским волкам» Деница, которые в этих же местах обильно пускали кровь американцам в сорок втором), но для настоящей борьбы и прорыва плотной современной противолодочной обороны уже не годящиеся. Военный корабль зачастую устаревает, ещё стоя у достроечной

²⁷ Кроме того, в смертельном танце на лезвиях локаторных ножей с атомными кинжалами в зубах участвовали ещё две лодки типа «Б» («Фокстрот» – по классификации НАТО). «Б-75» капитана 2-го ранга Натненкова с двумя ядерными торпедами ещё в начале октября 1962 года оказалась у берегов США, а «Б-88» капитана 2-го ранга Киреева в разгар Карибского кризиса выцеливала американские корабли близ Пёрл-Харбора, имея на борту одну атомную торпеду. «Добро» на использование ядерных торпед было получено, и они были подготовлены к боевому применению.

²⁸ «Изделие-400» – условное наименование торпеды с атомным зарядом. АБЗО – атомное боевое зарядное отделение.

стенки, а то и на стапеле.

Количество шумов боевых кораблей возросло, и они приближаются. Обнаружили? Вошли в контакт с лодкой? Офицеры, находившиеся в центральном посту «Б-59» хранили напряжённое молчание, но Савицкий кожей лица ощущал их взгляды. Сейчас всё зависит от него, от командира, от царя и бога этого маленького мирка, ограниченного сталью прочного корпуса. Но как же тяжелы две звезды на погонах...

Лодка вздрогнула – мигнули и затрепетали, словно в испуге, подвальные светильники. У поверхности, на незначительном углублении, разорвались глубинные бомбы. Что это значит? Пугают? Или просто ошибка в прицеливании? Что происходит там, наверху, в конце-то концов!? Быть может, там *уже* рвутся водородные бомбы, и весь мир *уже* корчится в атомном огне? Бледные лица людей в отсеке субмарины кажутся какими-то нереальными, словно это и не люди вовсе, а призраки...

Новая серия взрывов и победный рокот винтов над головой. Прошёл прямо над лодкой – эсминец типа... (да какая, к чёрту, разница, какого он типа, вражина – и всё тут!). Валентин ощутил, как внутри закипает обжигающее бешенство. В казаки-разбойники играем, да?

– Мы сейчас по ним шарашем! Сами погибнем, их потопим всех, но флот не опозорим!²⁹ – на скулах командира подводной лодки вздулись желваки. – Торпедист!

– Есть! – командир БЧ-3³⁰ отозвался мгновенно.

– Изделие «четыреста» к пуску изготовить!

– Есть!

«Мне показалось, – подумал капитан 2-го ранга, – или действительно была секундная задержка с ответом? Да нет, показалось... Экипаж верит мне: если командир сказал, значит, так и надо, так и должно быть!».

...Весы качаются. На одной их чаше – слово Носителя Разума, одетого в военноморскую форму; на другой – голубой шар планеты, окутанной лёгким флёром облаков, сквозь который просвечивают контуры океанов и тёмные пятна континентов...

Остаётся только отдать команду (которая *будет выполнена*), – и хищное тело торпеды рванётся, вытолкнутое сжатым воздухом из тесной смиренной рубашки трубы торпедного аппарата, нырнёт, подчиняясь заложенной программе, на глубину в двести метров и там превратится в огненный шар. На поверхность этот шар, сжатый со всех сторон огромными массами воды, не выскочит, зато выбросит высоко вверх исполинских размеров водяной столб. Снаряды всех линейных кораблей всего мира, выпущенные в ходе всех войн двадцатого века, – взорвись они все в одной точке одновременно, – и то не дали бы такого гигантского всплеска. А эта торпеда даст, и вся эта свора наверху мгновенно превратится в мелкие щепки... Ну что, командир, люди ждут твоей команды...

Слово готово сорваться с уст капитана 2-го ранга Валентина Савицкого, командира подводной лодки «Б-59», выполняющей *боевую* задачу у берегов Кубы, но... *почему-то* так и не срывается, умирает – не родившись.

А на крашеной шаровой краской стальной переборке, прямо перед глазами командира проявляется вдруг невидимое для остальных прекрасное женское лицо, непохожее в своей пугающей красоте ни на что когда-либо виденное моряком раньше. Женщина внимательно смотрит подводнику прямо в глаза, и во взгляде её укоризна. Она молчит, не произносит ни слова, но всё и так ясно – без слов. Затем женщина поднимает правую руку и слегка поводит указательным пальцем из стороны в сторону – жест, понятный даже детям. А потом лицо женщины медленно тает, и вот уже на переборке нет ничего, кроме унылой серой краски.

Командир помотал головой, прогоняя галлюцинацию.

– В носовом торпедном!

²⁹ Подлинные слова, произнесённые В.Савицким в тот роковой день.

³⁰ БЧ-3 – минно-торпедная боевая часть на боевых кораблях.

- Есть!
- Пуск имитаторов из аппаратов номер два и номер четыре! Товсь!
- Есть!
- Пли!

«Пускай-ка эти умельцы наверху погоняются за ложными целями. Будем отрываться!».

...Считается, что в разрешении Карибского кризиса основная заслуга принадлежит политикам, а именно Никите Хрущёву и Джону Кеннеди. Это так, они нашли в себе достаточно благоразумия и здравого смысла, чтобы сделать шаг назад от края пропасти. Но при этом как-то упускают из виду, что командиры советских подводных лодок у берегов Кубы, зажатые и даже – в прямом смысле этого слова – атакованные американскими кораблями, не имеющие ровным счётом никакой информации о том, что же в действительности творится в мире, *уже готовы были* пустить в ход торпеды с ядерными боезарядами. Однако они этого *не сделали*. Их *удержали* – в самый последний момент.

* * *

«...и я не знаю, правильно ли я понял всё то, что она мне говорила – или хотела сказать? Мне очень не по себе, Дэйв, от понимания того, что мне открылось, и от ощущения пропасти, на самом краю которой я – точнее, все мы, – стоим...». Диктофон еле слышно щёлкнул: кончилась запись.

Дэвид Келли отрешённо посмотрел в окно, за которым привычным обрамлением раскинулась панорама Нью-Йорка. Дэйв любил этот город, воплотивший в себе квинтэссенцию того, что сделало Америку первой страной мира: напористость, энергию, целеустремлённость, умение работать и умение сделать из цента доллар – любым способом, общепринятым или не очень. Когда смотришь на щетинящийся небоскрёбами Манхэттен, то в голове не укладывается, что каких-то четыреста лет назад здесь был густой лес, под сенью которого индейцы с воинственными воплями снимали скальпы с голов своих врагов – как краснокожих, так и бледнолицых. Ведь надо же, купить такой кусок земли за сумму, на которую сейчас и машину-то толком не заправить... Тому парню, который провернул эту сделку, сам Сорос позавидует! Вот такие люди и сделали нынешнюю Америку и построили один из величайших городов мира на месте дикого леса.

Вот только после 11 сентября великолепие Нью-Йорка чуть-чуть пострадало: глаз более не находит величественных башен World Trade Center. Голливудская улыбка деловой столицы Америки потеряла пару красивых зубов... Ничего, стоматологи здесь отменные, надо будет – протез окажется ничуть не хуже оригинала. А с террористами – с ними разберёмся, найдутся у нас и крутые парни, и оружие, и деньги. Саддаму вон дали под зад коленом, несмотря на все его истерические угрозы превратить землю Ирака в пылающий ад для захватчиков, управимся и со всеми остальными. По очереди, – а можно и скопом, сил у нации хватит! И людей – хотя бы таких, как Джеймс Эшвуд. Хотя со стариной Джем явно что-то не в порядке...

Плётку, записанную в отеле Норфолка, Келли прослушал от начала до конца несколько раз. Джеймс тогда пришёл в себя на удивление быстро (обдуло ветерком в машине, да вообще он выпить всегда был не дурак), и речь его была связанной и чёткой – даже какой-то *пугающе чёткой*.

И всё-таки, если бы Дэвид Келли не знал бы Джеймса Эшвуда столько лет, он не придал бы ровным счётом никакого значения этому мистическому триллеру. Но Джеймс... С головой у парня всегда было всё в порядке, увлечения паранормальным за ним тоже никогда не замечалось – наоборот, он всегда отличался исключительно рациональным, типично американским образом мышления. И потом, Эшвуд истинный патриот – тут Дэвид готов был поклясться чем угодно. Никогда не закрались бы в голову лейтенанта Эшвуда сомнения в справедливости права Америки поступать именно так, как она привыкла поступать – и

поступает. Нет, Джей услышал всё это явно от кого-то другого...

И сам антураж этой фантастической истории – не мог Джеймс его так детально придумать. Не его это стиль – старина Джей всегда был приверженцем куда более простых и привычных понятий и действий (кулаком в челюсть или семьдесят центов плюс доллар пятьдесят будет два двадцать). Чтение книг не относилось к числу его хобби (в отличие от, скажем, девушек или спорта), а уж Брэдбери или Толкиена он отродясь не брал в руки. Неужели всё-таки психоз? С человеком, месяцами сидящем в тёплой компании бомб, ракет и ядерных боеголовок, может случиться всё, что угодно – каким бы железным нервным здоровьем он не обладал. Значит, публиковать этот материал нельзя, поскольку тогда лейтенант Эшвуд или вылетит с флота, или – как минимум – будет переведён на менее ответственную (и, следовательно, ниже оплачиваемую) должность. А друзей подводить нельзя!

Дэвид Келли лгал сам себе. Опасение оказать медвежью услугу старому приятелю вовсе не являлось основной причиной его нежелания заниматься этой историей вплотную. И не отсутствие документальных или материальных подтверждений – мало ли что публикуется в погоне за сенсацией и в угоду зажавшемуся обывателю! Уфологи, например, в такой материал вцепятся всеми тридцатью двумя зубами: некий гуманоид с Хрена Центавра в облике секс-бомбы проникает неведомым способом в склад боевых ракет одного из лучших военных кораблей флота США и пытается соблазнить офицера ВМФ, угрожая при этом ядерным Апокалипсисом! Да что там уфологи – в Голливуде за такой сценарий (особенно если в титрах будет стоять «Основано на реальных событиях») отвалят жирный куш и слепят потрясающий эротический боевик со стрельбой из бластеров, мордобоем и обнажённой натурой на фоне водородной боеголовки!

Нет, стопроцентный американец Дэвид Келли не мог принять саму мысль о том, что его страна, его Америка, хоть в чём-то может быть не права. Такого не может быть, потому что не может быть никогда! И именно поэтому журналист Келли никому об этой странной истории ничего не расскажет. Можно, конечно, слегка её (историю) отретушировать и подать потребителю в более удобоваримом для его (потребителя) желудка, но Дэвиду почему-то казалось (и не казалось даже, а он был уверен в этом), что *так не получится*. Опасная правда может вылезти (да что там, непременно вылезет!) а кому это нужно? Ему, Келли, не нужно во всяком случае! А почему это он так прицепился к слову «правда»? Да потому, – врать самому себе занятие бессмысленное! – что он, Дэвид Келли, почему-то *уверен*, что всё, рассказанное Джеймсом Эшвудом, *правда* – от первого слова до последнего. И от этой уверенности ему, Дэвиду Келли, мягко говоря, как-то не по себе. Так что давайте-ка спрячем эту нехорошую штуку куда подальше... А Джей – Джей поймёт его. Тем более что сам Эшвуд не допускает и мысли хоть о малейшей неправильности в поведении Его Страны. Уж в этом-то старые приятели безоговорочно едины. Так что...

Плеск воды в ванной сменился тихим мурлыканьем. Лена (она любила, чтобы он звал её именно так, а вовсе не Хелен) всегда негромко напевает, когда вытирается полотенцем после душа. Дэвид представил, как она промокает махровой тканью грудь, живот и бёдра, и на душе у него потеплело – даже холодный страх перед *Неведомым*, выползший было при размышлениях о рассказанной Эшвудом истории, снова спрятался в свою тёмную нору. Вот уж с чем-чем, а с подружкой ему, Келли, повезло – несомненно.

В последнее время Дэвида всё чаще посещала мысль о женитьбе на Лене (причём она сама не делала абсолютно никаких телодвижений, чтобы подтолкнуть его к этому решению). И вообще Лена совсем не походила на прагматичных американок, интересующихся прежде всего не чувствами жениха, а состоянием его чековой книжки. Она была просто женщиной – во всех хороших смыслах этого слова (не говоря уже о том, что она выделялась в постели!).

Недаром американцы предпочитают в последнее время выбирать себе спутниц жизни из славянок (особенно среди русских) – к неопишуемой ярости соотечественниц. Такой выбор удобен по всем статьям – ты получаешь хорошую жену, свободную от не слишком приятной для мужчины чрезмерной самостоятельности, воспитанной западным образом жизни, и

пожизненный статус принца-благодетеля, вырвавшего бедную Золушку из кошмара постперестроечной России. Хотя нет, с Леной такой номер не пройдет: она сделала себя сама – цепкости у неё на дюжину американок хватит.

Лена приехала в Штаты в девяностых, спасаясь от разгула демократии в своей собственной стране. Тогда из России бежали многие – большинство, правда, соблазнившись красивой сказкой о том, что мостовые в Нью-Йорке выстланы стодолларовыми купюрами, которые лишь стоит не полениться поднять. Но Лена к таким не относилась.

Она работала baby-sitter'ом за жалкие гроши, харчи и кушетку в одной комнате с доверенным её заботам ребёнком. Плакала, но держала себя в железных тисках самодисциплины, упорно добиваясь поставленной цели. Выкраивала время для чтения книг по специальности (а она была программистом, и неплохим) и учила язык. Пережила предательство мужа, который, убоявшись трудностей, бросил её одну в чужой стране на произвол судьбы и вернулся в Россию. А Лена, за внешней мягкостью которой крылась стальная твёрдость, не согнулась и добилась своего: и green card³¹, и высокооплачиваемой работы в весьма солидной компании. Так что принц ей если и нужен, то исключительно любящий, а вовсе не покупающий её принц.

Дэвид щёлкнул выключателем кофеварки – приятно делать приятное близкому человеку. Когда Лена выйдет из ванной в халатике, он встретит её дымящейся чашечкой кофе. И получит в награду улыбку (улыбка у неё – фотомодели повесятся от зависти на собственных волосах!) и поцелуй. И ещё к кофе хороши свежеподжаренные (а не разогретые в микроволновке) тосты. Сейчас мы этим займёмся...

Нарезая хлеб (Лена любила ломтики потоньше, – боязнь испортить фигуру не относилась к её фобиям, – поэтому Дэйв пренебрёг нарезанным батоном), Келли зашипел от боли и чертыхнулся. С острыми предметами надо быть осторожным! Кончик ножа слегка чиркнул по указательному пальцу левой руки – выступила капелька крови. Дэйв сунул палец в рот и поискал глазами аптечку – залепить ранку пластырем. Но почему-то вдруг передумал: с Леной ему всегда хотелось выглядеть настоящим мужчиной, а что это за мужчина, которого беспокоит ничтожная царапина!

Лена открыла дверь ванной комнаты как раз в тот момент, когда Дэвид Келли, утапливая кусочек хлеба в прорези тостера, коснулся порезанным пальцем металлической окантовки приёмной щели прибора.

* * *

Поёживаясь от утреннего холодка, Джеймс быстро шагал (машину он оставил у ворот) к пирсу – опаздывать из увольнения на утреннее построение не положено. Несмотря на большое количество выпитого вчера и бессонную ночь, проведённую с честно отработавшей свой гонорар проституткой, лейтенант Эшвуд шёл твёрдо. Пошатнуться его заставил только внезапно зазвучавший в его сознании голос:

– Ну что, Джеймс Эшвуд? Что ты решил? Ты передашь моё послание Носителям Разума твоего Мира – так, чтобы они правильно поняли это послание? Твой приятель трусил – точнее, оказался слишком твердолобым. Это нехорошо...

Джеймс сжал кулаки и ускорил шаг.

– Я не слышу твоего ответа.

Эшвуд уже почти бежал, стараясь не смотреть по сторонам.

– Это и есть твой ответ?

– А иди-ка ты знаешь куда! – заорал Джеймс, вскинув лицо к серому утреннему небу, по которому спешили редкие рваные облака. – Чего ты ко мне привязалась, а? Fuck you ass

³¹ Вид на жительство в США.

hole... – Эшвуд грязно выругался. – Катись обратно в ту бездну, которая тебя выхаркнула! И не пугай меня, слышишь, ты, *нелюдь* ? А наши проблемы – так мы сами с ними разберёмся, сами, понятно? Без всяких там строгих *воспитательниц* , – или как вас там, – которые будут нам указывать, когда нам бить морду нашим врагам, а когда читать им Евангелие! А будете чересчур настырными – так и вам врежем! Видали мы таких крутых хозяев всей улицы и переулка... А что до твоего послания – передам, обязательно передам: чтобы люди были настороже, чтобы вы не застали их врасплох, если ваши командос вздумают навестить нашу старушку Землю на своих дурацких летающих тарелках и качать тут права! Всё ясно, witch-bitch³²? Тогда пока! Придёт блажь – залетай, поболтаем, по рюмке опрокинем. А может, и ещё кое-чем интересным займёмся – оснастка у тебя, помнится мне, что надо!

Голос промолчал, и лишь несколько минут спустя, когда приободрившийся лейтенант Эшвуд уже пересекал широкое открытое пространство между складскими помещениями, похожими друг на друга, словно братья-близнецы, в мозгу его еле слышно прошелестело: «*Ты так ничего и не понял... Как жаль...* ».

Машина – обычный армейский джип – выскочила из-за угла приземистого здания совершенно внезапно. Джеймс Эшвуд только-только начал поворачивать голову на шум мотора, когда джип вдруг непредсказуемо-стремительно рванулся в его сторону и секундой позже буквально впечатал человека в бетонную стену пакгауза своим «кенгурятником»...

На следствии водитель клялся-божился, что перед ним появилась какая-то мэм в форме traffic police³³ (правда, почему-то странного голубого цвета) и повелительным жестом указала ему направление движения. Дисциплинированный шофёр послушно повернул руль, причём ему показалось даже, что рулевое колесо развернулось само, опережая усилие рук. Никого он перед радиатором не видел вплоть до того самого момента, когда автомобиль врезался в стенку склада, и на асфальт посыпались осколки разбитых фар.

Как показала медицинская экспертиза, водитель был трезв – абсолютно.

* * *

– Несчастный случай, – полицейский инспектор закрыл тонкую пластиковую папку. – Тостер оказался неисправен – точнее, это заводской брак. В вилке оказались перепутаны провода – питающий подсоединён вместо заземляющего.

– Может, он сам их пересоединил неправильно? – предположил его помощник.

– Да нет, – покачал головой инспектор, – вилка запрессована. Чтобы пересоединить провод, её нужно специально резать. Монтаж изготовителя на клеммах самого нагревателя тоже не менялся.

– Тогда получается, – не отставал помощник, – что этот злополучный тостер работал в режиме электрического стула с самого дня покупки? Почему же этого никто не заметил раньше? Ведь не в первый же раз бедняга Дэйв включил этот аппарат-убийцу в свой недобрый час?

– А вот этого я сам никак в толк не возьму, – инспектор пожал плечами. – Вероятно, раньше мистер Келли просто не прикасался к металлу корпуса тостера, когда тот был включён. Правда, остаётся не очень понятным, как он вообще тогда работал и грел. А вот с обстоятельствами смерти этого парня всё более-менее ясно. Бедняге здорово не повезло: он дотронулся до находящегося под током корпуса прибора свежей ранкой на пальце. Эпителий кожи составляет большую часть электрического сопротивления человеческого тела, а тут это сопротивление отсутствовало. Поэтому-то удар током и привёл к летальному исходу. Если

³² Witch (англ.) – ведьма, чародейка, колдунья; bitch (англ.) – сука.

³³ Traffic police (англ.) – дорожная полиция.

бы не эта мелочь, то Дэвид отделался бы лёгким испугом – величина напряжения бытовой электросети, как правило, не представляет серьёзной угрозы для жизни или здоровья человека. За исключением особых случаев: самоубийства или преднамеренного убийства.

– Тогда быть может... это она его?

– Брось, – фыркнул инспектор. – Заголовок «Русская террористка изощёрённо убивает видного журналиста свободной страны с помощью тостера!» годится для жёлтой прессы, но никак не для заключения судебно-медицинской экспертизы. Кроме того, не тебе первому пришла в голову эта идиотская мысль – такая версия проверялась. Он сам порезал себе палец, нарезая хлеб, – на лезвии ножа следы его крови, а на рукоятке – отпечатки его же пальцев. И ещё одно обстоятельство: убивают мужей, рассчитывая получить наследство; любовников, не желающих признавать своих детей и норовящих смыться; но женихов – с этим я как-то не сталкивался.

– Женихов? – удивился помощник.

– Ну да. Дэвид Келли собирался вступить в брак с Еленой Козинцевой – в его бумагах найдено незаконченное письмо к отцу, где он прямо сообщает родителю об этом своём намерении. Сама невеста в больнице – у неё сильнейший нервный шок. Психиатрическая экспертиза этот факт подтвердила – это не симуляция. Представляю, что она испытала, когда её возлюбленный рухнул на пол прямо у неё на глазах...

– А плёнка в диктофоне? Может, наш журналист нарыл какой-нибудь суперматериал, компрометирующий какого-то очень крутого типа, и Келли убрали, – да так, что комар носа не подточит?

– Тебе вредно читать детективы на ночь. На плёнке любовные ахи и охи – многие парочки этим занимаются. Записывают саунд-трек своих сексуальных игрив, а потом слушают в своё удовольствие. Или пишут прямо на видео...

– Несчастный случай, значит... Я бы на месте мисс Козинцевой, которой не удалось стать миссис Келли, нанял бы хорошего адвоката, да подал бы в суд на компанию-производитель тостера. Содрал бы с них компенсацию за физический и моральный ущерб миллионов этак в десять! Мне бы такой несчастный случай... – мечтательно произнёс помощник инспектора.

– Угу, и жену заодно поменял бы на новую, – ехидно прищурился его начальник, – избавившись от старой таким оригинальным и высокодоходным способом. Подцепил бы какую-нибудь эмигрантку из бывшего Восточного блока – она на тебя молилась бы до второго пришествия и приносила бы тебе в зубах ночные тапочки!

– Да ну тебя! Я же так, к слову...

– Вот и я к слову. Вот только, думаю, не будет Хелена затевать тяжбу – даже если какой-нибудь доброхот вроде тебя (естественно, за комиссионные) и подаст ей такую идею.

– Это ещё почему?

– Она русская, а они другие. Не все, конечно, но очень многие...

* * *

В это время в иных измерениях, в Мирах эсков...

– Тебе не кажется, Эйви, – голос Селианы был строг, – что твои действия несколько не соответствуют нормам, принятым нами, эсками? Правилам, касающимся отношения Магов к Юным? Какого Хаоса ты устроила этот спектакль на военном корабле Страны-между-Океанами? Кто дал тебе право изображать из себя Карающего Посланца? А не пришла ли тебе в голову простая мысль: сумею ли я управиться с Мечом Демонов так, чтобы не прервать своё собственное воплощение? Успею ли я скользнуть в другое измерение и избежать испепеляющей мощи Меча? Это очень непростая задача даже для гораздо более

опытного Мага, чем ты, Эйви. А если бы ты вызвала самую настоящую катастрофу, которая привела бы к гибели Третьей? Не забывай, ты появилась там, в хранилище боезарядов, во время войны!

– Мудрая, – почтительно ответила Эйви, опустив глаза, – я считала, что мои действия совпадают с намерениями Королевы – она ведь вовсе не испытывает чрезмерной приязни к этому Миру. Разве не так?

«Ого! Да она действительно способная девочка, если сумела проникнуть в тайные мысли Эн-Ризнанты! Не зря мы выдержали её тогда, семьдесят лет назад. И всё-таки...».

Селиана размышляла спокойно – она была уверена, что через её защиту Спасённой не пробиться. А само наличие защиты никаких обид (если понятия «обида» и «сверхсущество» вообще совместимы) никогда не вызывало – старшие прикрывают свои мысли от младших, и это естественно. Среди эсков-Магов существует определённый этикет общения.

– Намерения Звёздной Владычицы и Королевы Объединения становятся для всех её Магов руководством к действию тогда, – и только тогда! – когда эти намерения высказаны, а не подслушаны, – холодно изрекла Глава Синклита. – Это понятно?

– Да, Мудрая, понятно, – подтвердила Эйви с той же почтительностью.

– Вот и прекрасно. Далее: почему ты прервала воплощения этих людей? Обоих – и моряка, и журналиста? Ведь они были совершенно беззащитны перед тобой! Раньше – при спасении Лиэз, например, – за тобой такого не замечалось.

– Моряк не так понял всё то, что узнал, – объяснила Спасённая. – У меня возникло опасение, что полученная им информация, неверно доведённая до сведения других Носителей Разума на Третьей, скорее принесёт вред – вред всей этой Юной Расе, – чем пользу. С журналистом – то же самое. И поэтому...

«Совсем не поэтому. Просто ты слишком привыкла убивать, будучи жрицей Танит... И тебе нравится карать – я помню, как непринуждённо ты расправилась с обидевшими тётку Тесс... Влияние на Первичную Матрицу воплощений в служителях Кровавых Богов изучено очень слабо. Но это влияние есть, и оно явно негативное. Впрочем, это вопрос особый...» – подумала Верховная Мудрая, а вслух спросила:

– Значит, ты сначала явилась перед ним, ошеломила, перевернула вверх дном все его представления об окружающем мире, сделала из него игрушку, а потом, когда эта игрушка оказалась не слишком понятливой, – или просто-напросто наскучила тебе, – взяла да и сломала её? У тебя даже не хватило терпения помочь этой несовершенной Сущности!

– Я виновата, Мудрая. Ты права, моё прошлое...

«Она что, и меня читает? – изумилась Глава Синклита. – Надо подкрепить защиту...».

– ...веригами весит на мне. Наверно, мне лучше...

– Что будет лучше, – перебила её Селиана, – решит Синклит. Да, ещё одно: зачем тебе понадобилась вся эта кутерьма с отключением энергии чуть ли не на целом континенте? Вот уж этого я никак в толк не возьму!

– Это не она. Прости, что вмешиваюсь в вашу беседу, – из-за колонн, окаймлявших Зал Принятия Решений, появилась высокая фигура Главы фратрии Ночи. – Это сделал я.

– Грольф? Вот уж от кого-кого, а от тебя я такого никак не ожидала! Интересно...

– Это был всего лишь аргумент, – пояснил Маг, – в маленьком споре с Технодетьми. Я наглядно продемонстрировал им хрупкость и ненадёжность техногенной цивилизации. Надеюсь, ты не слишком на меня рассердишься за это, Селиана? Ведь никто из обитателей Третьей в результате не пострадал.

– Ладно, с тобой мы поговорим особо. Ты всё поняла, Эйви? Тогда иди и жди моего слова.

«Спасённые прекрасно ориентируются в своём былом Мире, и решение использовать их именно там было правильным, – думала Селиана, провожая взглядом удаляющуюся стройную фигуру бывшей жрицы. – Просто мы не учли того, что доверять им можно далеко не всё – из-за цепкости прошлых воплощений. Хотя в прошлый раз – в истории с Амулетом – Эйви оказалась на высоте...».

Верховная Мудрая Селиана не знала одной незначительной, на первый взгляд, детали. Лейтенант-оружейник Джеймс Эшвуд с ударного авианосца «Эйзенхауэр» был когда-то центурионом Гаем Сервилием, приказавшим сжечь храм Танит в Кар-Хадташте, а журналист Дэвид Келли – вожаком разбойников, жаждавшим изнасиловать маленькую пленницу. А Эйви-Спасённая, – она же в прошлом женщина с именем ночной птицы³⁴, – знала об этом. И обоих этих людей, уже погибших две с лишним тысячи лет назад, смерть настигла снова – в их новых воплощениях.

Когда Эйви ушла, голубая эскиня повернулась к Грольфу.

– И какие новости ты принёс мне на этот раз, воин? Что там, на Третьей? Террористы дорвались до Меча Демонов? Галактиане полностью взяли под контроль весь технический прогресс на планете? Появился очередной мессия Серебряных Всеведущих? Ты изловил беглых Разрушителей? Или выявились новые отрицательные последствия Эксперимента Тллеа?³⁵ А может быть, следы Разыскиваемых? Я слушаю.

– На Третьей? Там прорастает злое семя, но... Сель, я пришёл сегодня вовсе не для того, чтобы обсуждать судьбы Мироздания. Я просто захотел тебя увидеть, Инь-Ворожея, и не только увидеть. Никакой другой причины побеспокоить Главу Синклита Мудрых и правую руку Королевы Объединения Пяти Доменов у меня нет. И я...

Селиана, с лёгкой полуулыбкой слушавшая пылкую речь Янтарноголубого, подняла руку и накрыла ладонью губы Грольфа.

– Достаточно, Маг. Твоя причина признаётся более чем весомой...

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ЗЛОЕ СЕМЯ

Настольная лампа отбрасывала широкий конус света, на границе которого, у стеллажей с книгами, подрагивала и дышала живая темнота. И на этой границе из тьмы проступили две зыбкие голубые тени, принявшие очертания двух человеческих фигур.

«Это ещё что такое? – подумал сидевший за письменным столом человек, приподняв брови. – Галлюцинация? Или... Вот уж не думал, что мне когда-нибудь придётся общаться с привидениями! Привидениями? А если это...»

– Кто вы такие? – спросил человек, и голос его был спокоен. – Впрочем, я, кажется, догадываюсь... Зачем вы пришли?

– Если ты догадываешься, – негромко, но очень отчётливо прозвучало в его сознании, – кто мы такие, ты догадаешься и о цели нашего визита.

– Вы пришли обвинять, так? – по-прежнему спокойно произнёс человек. – Но разве может кто-нибудь, пусть даже сам Господь Бог, обвинить меня в содеянном с моей помощью и при моём непосредственном участии строже, чем я сам? Но я не мог иначе! Слишком страшно было то, что родилось в Германии, и то, что это родившееся намеревалось принести всему миру! Фашизм надо было остановить – любой ценой!

Контуры призрачных фигур стали чётче, обрели плоть. На границе света и тьмы, в рабочем кабинете учёного в одном из домов города Принстона, штат Нью-Джерси стояли две женщины – две странные женщины. Они походили на обитательниц Третьей планеты, не отличаясь от них ни внешностью, ни одеждой, соответствующей модам середины двадцатого столетия, но что-то неуловимое говорило внимательному взгляду – они *нездешние*.

– Эту цену заплатили сожжённые Мечом Демонов дети Хиросимы. А ведь они были такими же точно детьми, как и те, которые сгорели в печах Аушвица и Маутхаузена.

– Не я сбросил эту проклятую бомбу! – человек вскинул голову, увенчанную ореолом непослушных седых волос. – Наоборот, мы, учёные, возражали! Я сам намерен обратиться с

³⁴ Об этих событиях – в романе «Вкрадчивый шёпот Демона».

³⁵ Роман «Колесо Сансары».

воззванием крупнейших ученых мира к правительствам всех стран, предупреждая об опасности применения водородной бомбы. И мы...

– Не все, далеко не все, – одна из женщин прервала его плавным движением руки. – Да и любые ваши возражения были – и будут – уже бесполезны: где и когда получивший новый меч воин прислушивался к словам выковавшего для него этот меч кузнеца, если творец клинка говорил не о непревзойдённых боевых качествах оружия, а об осторожности обращения с ним и, тем более, а каком-то там милосердии?

– Значит, вы пришли судить... – вздохнул человек, откидываясь на спинку кресла. – А может быть, и казнить?

– Нет, – бесстрастно изрёкла другая. Она не говорила в привычном смысле этого слова, однако голос её чётко воспринимался сознанием сидящего за письменным столом человека. – Мы пришли просить тебя.

– Просить? Вы – и просить? О чём?

– Что сделано, то сделано. Не будем сейчас тратить время на долгие рассуждения о неизбежности и необходимости случившегося. Нам хотелось бы, чтобы ты правильно распорядился тем, что ты знаешь ещё. А знаешь ты многое такое, перед которым сила Меча покажется просто ничтожной.

– Я много думал об этом... – медленно проговорил учёный. – Единая теория поля – власть над пространством, энергией и материей...

– Детям нельзя давать в руки острые предметы, – в голосе женщины (существа?) явственно прозвучала строгая нотка. – Разве в вашем Мире принято сажать инфантильных подростков за рычаги танков или за штурвалы боевых самолётов?

– Но тайна времени...

– Всему свой срок – для твоей Расы он ещё не пришёл. Оставьте пока путешествия в прошлое и будущее вашим наивным фантастам – пусть тешатся.

– Я должен... забыть всё это? А если я этого не сделаю, то вы...

– Мы легко можем уничтожить источник опасного – и не только для вас, людей, – Знания: в данном случае тебя. Однако по ряду причин такое нежелательно. Ты должен всё решить сам, а вовсе не по принуждению свыше. И самое главное: это в первую очередь нужно тебе самому.

– Мир со своей собственной совестью... – задумчиво произнёс человек.

– Пусть так, хотя это не совсем точно. Время для твоих откровений ещё не пришло – Юная Раса Носителей Разума твоего Мира к такому ещё не готова.

– А есть и другие миры? – в глазах учёного зажгётся пылливый огонёк.

– Вам там пока делать нечего – от такой высоты у вас может закружиться голова. Разберитесь сначала с тем, что творится в вашем родном доме, который вы так усердно захламляете. И займитесь собой – загляните в себя, в свои собственные души!

– Но я... Я не смогу уничтожить всё уже созданное мною! Да и наброски нового... За мной следят, меня контролируют: я, оказывается, жизненно важен для обороноспособности этой богатой и сильной страны!

– Твои основные наброски нового – не без нашей помощи – далеко ещё не обрели той законченности, при которой они станут понятны другим. И нет никакой необходимости жечь целую кипу бумаг – достаточно уничтожить ключевые выводы. Сложнейшая машина встанет, если из неё вытащить пару важнейших деталей. Что же касается твоей такой бдительной охраны, – тут вдруг учёному почудился лёгкий смешок, раздавшийся непонятно где, – то они ничего не заметят. А что заметят, то сочтут чудачеством эксцентричного высокоучёного мужа. Вокруг твоего имени создадут огромное количество мистификаций, которые будут будоражить умы годами и десятилетиями. На таком фоне зерно истины затеряется. Но, повторяем, всё это будет только в том случае, если ты решишь – сам.

– Значит, у меня нет выбора.

– Выбор есть всегда. И сейчас этот выбор – за тобой, человек.

Учёный с силой потёр пальцами виски. Две женщины-тени, возникшие на границе

полумрака кабинета и света, рождённого настольной лампой, исчезли. Что это было? Бред какой-то... В старческий маразм он вроде бы ещё не впал, а заниматься подбором реального объяснения ирреальному – подобное занятие никогда не относилось к сфере его интересов. А если не бред? Уж очень услышанное (точнее, воспринятое) совпадает с его собственными мыслями, с теми мыслями, которые упорно не дают ему покоя...

«Идея космического порядка... – размышлял человек, положив на стол руки с чуткими музыкальными пальцами. – Бог Спинозы, являющий в себе гармонию всего Сущего... Космическое религиозное чувство... И Знание – знание всегда будет принадлежать всему человечеству, а не какой-то отдельной его части... Значит, Они существуют... А я – я действительно знаю непозволительно много, учитывая общий нравственный уровень развития людей. Контур теории уже сложились в моём сознании, ещё немного, и... А на основе такого Знания можно реализовать практически любое техническое устройство: и темпоральную супербомбу, и энергоразрядник непредставимой мощности, и даже вечный двигатель. И тогда очень может так случиться, что в результате не то что применения, а даже простого испытания экспериментального образчика какой-нибудь боевой машины времени – а такие испытания непременно состоятся, дай только волю жадным до любых военных новинок генералам! – не только Земля, но и вся Солнечная система мгновенно сколлапсирует до состояния, предшествующего первому мигу творения... Так о каком же ещё выборе здесь может идти речь!»

...После смерти учёного (он умер 18 апреля 1955 года в не столь уж и преклонном для такого мыслителя возрасте семидесяти шести лет) прах его был развеян вместе с пеплом сожжённых им самим неких записок. Что именно было сожжено – этим вопросом *почему-то* никто особо не задавался. Да и вряд ли учёный смог бы уничтожить что-то действительно ценное – ну разве что дневниковые записи юности или любовные письма от Милевы Марич – под зорким оком соответствующих спецслужб: эти ребята свою зарплату отрабатывают добросовестно. Широкую публику куда больше интересовали подробности о загадочном РХ – Филадельфийском эксперименте, в котором учёный якобы принимал самое активное участие. Разве может история каких-то там личных бумажек сравниться с леденящими душу описаниями исчезновения неведомо куда и возвращения неизвестно откуда целого военного корабля вместе со всей его командой; явления, сопровождавшегося кошмарными побочными эффектами вроде самовозгорания людей и превращения человеческой плоти в сталь!

* * *

– Он сделал правильный выбор. И всё-таки теперь они будут танцевать на лезвии ножа, точнее, на лезвии Меча Демонов. Опасная пляска...

– Удержим – должны удержать. Хотя, признаться, меня тревожит одна несколько странная мысль...

– Какая?

– Я всегда любила театр – есть такой вид искусства у Юных. В нём присутствуют зачатки Магии Перевоплощения – недаром священнослужители, особенно вскормленные Серебряными, считают театр бесовским искушением. Так вот, есть одно театральное высказывание, что-то вроде: если на стене замка оставить заряженный самострел, то стрела неминуемо сорвётся с тетивы – когда-нибудь. Не хотелось бы...

* * *

На первый взгляд, во внешности Арчибальда Эссенса не было ничего особенного: одутловатое старческое лицо с морщинами и мелким узором кровеносных сосудов у крыльев носа, чуть отвисшие щёки, вялые бесцветные губы. Мистер Эссенс сохранил волосы, хотя

почти наверняка красил их, скрывая седину. Но вот его глаза за стёклами очков... У всех без исключения окружающих, видевших взгляд этих глаз, складывалось впечатление, что люди, подобные господину Арчибальду Эссенсу, знают то, чего не знают другие; и поэтому для этой касты всё остальное – просто несущественные мелочи.

Доктор Люк Чойс, наткнувшись на эти водянистые глаза, поспешил отвести взгляд – у него вдруг появилось желание встать и вытянуться по стойке «смирно». Взглянув украдкой на своего шефа, профессора Джошуа Райта, Люк заметил, что тот, похоже, испытывает то же самое.

Все трое сидели за столом в кабинете Райта, одного из ведущих специалистов компании «Здоровье будущего» и руководителя сектора терапевтического клонирования. Двое дюжих молчаливых спутников мистера Эссенса, сопровождавших его во время ознакомительной экскурсии по лабораториям, остались за дверями кабинета, и все попытки симпатичной секретарши Райта обстрелять их глазками оказывались холостыми выстрелами – с таким же успехом она могла бы попытаться добиться ответного интереса у египетских сфинксов.

Мистер Арчибальд Эссенс молчал, и по его лицу невозможно было понять, доволен ли он результатами посещения лабораторных корпусов или же напротив, счёл, что персонал сектора просто швыряет на ветер отпускаемые средства. Молчание становилось тягостным, и Джошуа Райт, кашлянув, заговорил.

– Нами, мистер Эссенс, достигнуты серьёзные успехи. Терапевтическое клонирование – это будущее медицины. Из стволовых клеток можно выращивать любые органы, причём проблемы несовместимости не существует – ведь донором является сам пациент. Нужно только разработать и довести до соответствующего уровня технологию, и тогда...

– Не сомневаюсь, что вы много добились, профессор, – прервал его Эссенс, – однако нас, – он подчеркнул это слово, – интересует совсем другое. А именно – репродуктивное клонирование.

– Технически и в этом нет ничего сложного, – Райт пожал плечами, – хотя бы потому, что терапевтическое клонирование становится репродуктивным, если по прошествии двух недель рост эмбриона не прекращается, а...

– Вы знаете, мистер Райт, – шелестящим голосом произнёс Эссенс, – я знаком с общими принципами клонирования, поэтому не стоит тратить время на повторение азбучных истин. Нас, – повторил он, – интересует репродуктивное клонирование, от и до, причём в широких масштабах. Клонирование людей, а не овец Долли или бычков Джефферсонов.

– Но... – руководитель сектора заметно стусевался. – А как же... Ведь подобные эксперименты... запрещены. Разве не так?

– Я готов ответить на любые вопросы по существу, – холодно сказал Эссенс, и глаза его сделались колючими, – но избавьте меня от нелепых, договорились?

Джошуа Райт обиженно замолчал, и тогда Эссенс положил на стол сцепленные пальцы рук и раздельно, словно объясняя детям простые и понятные взрослым вещи, изложил – по пунктам.

– Первое. Результатом вашей работы – практическим результатом! – должна стать доведённая до соответствующего уровня, – тонкие губы Арчибальда сложились в подобие усмешки, – технология клонирования людей в широких масштабах. Исходный материал будет поставляться бесперебойно – в мире полно женщин, готовых продать свои яйцеклетки.

Второе. Крайне важно, чтобы готовая продукция могла обладать заданными качествами – теми, которые мы, – он снова сделал ударение на местоимении, – сочтём нужными и полезными. Генная модификация – полагаю, ничего сверхъестественно трудного здесь не встретится.

Третье. Внутриутробное вынашивания клонов – использование женщин на конечной стадии – признано нецелесообразным. Поэтому нужно делать клонов *in vitro* – целиком.

– Вы имеете в виду, – подал голос Люк, – нечто подобное тому, чем занимались Томас Шаффер в Филадельфии и покойный Йосинори Кувабара в Токио?

– Именно так, – оценивающий взгляд Эссенса скользнул по доктору Чойсу, и Люку показалось, что этот жутковатый старичок подумал нечто вроде: «Хм, мальчик встречается в разговоры взрослых? Но говорит дело... Может быть, из этого мальчика будет толк...».

Джошуа хотел что-то сказать, но Эссенс остановил его лёгким движением руки.

– Догадываюсь, профессор, что вы хотите спросить. Такой грандиозный проект – это инициатива частного лица – или лиц – или же уровень заказчика несколько выше? Выше, уважаемый профессор, гораздо выше! Это не блажь богатого сумасброда, пожелавшего наклонировать себе гарем из топ-моделей, – он снова *псевдоулыбнулся*, хотя глаза его так и остались непроницаемо холодными. – Считайте, что это самое важное начинание после знаменитого Манхэттенского проекта. И значимость его в государственных масштабах такая же – если не выше. Я понятно говорю?

Райт и Чойс молча кивнули, и Эссенс продолжал.

– Финансирование будет неограниченное. Нам важен результат, а в средствах мы не стеснены. Возможно, работы будут проводиться не здесь, – он обвёл взглядом кабинет, – мы с почтением относимся к законам, – а где-нибудь в Австралии. На этой планете есть масса укромных уголков... И последнее: надеюсь, нет смысла акцентировать ваше внимание на том, что всё только что вами услышанное является строго конфиденциальной информацией. Вам никто не поверит, если вы попытаетесь, скажем, продать эту информацию какому-нибудь ушлему репортёру, а вот неприятности я вам гарантирую. – Эссенс внимательно посмотрел на обоих учёных и закончил. – Это проект государственной важности, и поэтому я не буду говорить «я не тороплю вас с ответом». Наоборот – я вас тороплю. Время не ждёт – я должен знать ваше решение не позднее завтрашнего дня. А теперь извините, господа, мне нужно идти – дела.

Несмотря на некоторую тучность, он легко, по-молодому, поднялся с кресла и пошёл к двери. Но у самых дверей вдруг обернулся и бросил:

– Соглашайтесь, джентльмены. У вас будет всё, что только можно пожелать, – и даже больше того. И потом, стоять у истоков великого начинания – разве не это заветная мечта любого настоящего учёного, а? – и с этими словами мистер Эссенс улыбнулся в третий раз. Хотя улыбкой это сокращение лицевых мышц можно было назвать лишь с очень большой натяжкой...

– Кто он вообще такой, этот тип? – неприязненно спросил Люк, наблюдая через оконное стекло, как их странный, мягко говоря, заказчик садится в машину. Один из его сопровождающих распахнул перед ним дверцу длиннотелого чёрного лимузина, второй в это время – очень напоминая движениями киборга из фантастического боевика – процеживал взглядом всё пространство между дверями главного корпуса компании «Здоровье будущего» и воротами. – Я знаю, что он бизнесмен, что он имеет отношение к финансовой базе нашей фирмы, но он вёл себя так, как будто выступал от лица правительства – по меньшей мере.

Профессор Джошуа Райт ответил не сразу. Он проводил глазами скользнувшую к воротам чёрную машину, чем-то напоминавшую ожившего сказочного дракона, подождал, пока створки сомкнулись за ней, и только потом коротко проронил:

– Он один из реальных правителей нашей планеты.

– Вы это серьёзно? – в голосе доктора Чойса удивление смешалось с тенью обиды – мол, что я вам, мальчишка, которого можно разыграть в День дураков?

– А вы, Люк, – Райт повернулся к собеседнику и внимательно посмотрел ему в глаза, – всерьёз думаете, что миром и его странами действительно управляют президенты, премьер-министры и всякие там короли? И что наша демократия – это действительно то, что люди привыкли понимать под этим словом?

– А вы верите детским сказкам о мировом заговоре? – вопросом на вопрос ответил Чойс, подстёгнутый ощущением незаслуженной обиды. – Вы, серьёзный человек, учёный с мировым именем!

– Не надо обижаться, – примирительно произнёс Джошуа, – я совсем не желал вас обидеть. Конечно, никакого мирового заговора пресловутых масонов – или кого-то в этом

роде, – собирающихся по тёмным подвалам в нахлобученных на голову чёрных клобуках с прорезями для глаз, клянувшихся на лезвии кинжала и под заунывные песнопения пьющих кровь из позолоченного черепа нерождённого младенца, в природе не существует. Все куда проще...

– Вы серьёзно? – повторил Люк, но уже без обиды.

– Вполне, – Райт кивнул. – Мир объединяется в единое целое, и все его части связаны между собой многочисленными нитями – прежде всего экономическими. А такая сложная структура просто не может не иметь единого управляющего и координирующего центра – это противоречит элементарной логике. И существуют люди, объединённые общностью интересов и общей целью. Какой именно целью – я могу только предполагать. Скорее всего, всё той же – абсолютной властью над миром. А реальной властью – настоящей властью – они и так уже обладают. Делом за малым...

– Извините, мистер Райт, но при всём моём уважении к вам... – начал было Чойс, однако Джошуа прервал его – мягко, не решительно.

– Вы очень зря не читаете ничего, кроме имеющего непосредственное отношение к вашей специализации. В истории человечества всё уже было, и всё имеет тенденцию повторяться – только на новом уровне и с новыми возможностями. Сто лет назад единственный человек по имени Парвус – не совсем один, конечно, – сыграл роковую роль в судьбе могущественной Российской империи. Чем всё кончилось – известно даже вам, – Райт насмешливо улыбнулся, – несмотря на отсутствие у вас интереса к нефункциональным знаниям. А наш милейший Арчибальд Эссенс – он из того же муравейника. И я подозреваю, что клоны, которых он намерен штамповать с нашей с вами помощью, будут использованы отнюдь не для защиты свободы и демократии.

– И вы... откажетесь от его предложения? – только и смог сказать изумлённый Люк.

– Нет, – покачал головой профессор, – я соглашусь.

– Но почему? Если вы уверены... или хотя бы подозреваете, что...

– А потому, дорогой мой, – Джошуа вздохнул, – что мне интересна эта работа. Эссенс хорошо разбирается в людях – он знал, чем меня можно взять. «Стоять у истоков великого начинания – разве не это заветная мечта любого настоящего учёного?» – это ведь его фраза. Творить новую расу – деяние, достойное Всевышнего! А вдруг эти «новые люди» будут совершеннее и счастливее нас? И мой труд, мои знания, опыт будут вложены в это великое дело! Так что я соглашусь, Люк.

«Чушь, – думал доктор Чойс, торопясь к своей припаркованной на служебной стоянке машине. – Даже в такие светлые головы, как у старика Джошуа, могут забредать совершенно бредовые мысли! Можно подумать, что у сильных мира сего нет других дел, как озадачиться штамповкой идеальных телохранителей и идеальных постельных прислужниц! И тех, и других у них и так в избытке. Так что не будем заморачиваться на заявлении старины Райта – специалист он, конечно, экстра-класса, но и своих тараканов, оказывается, не лишён».

А когда Люк сел за руль, последний неприятный осадок, оставшийся от разговора с руководителем сектора терапевтического клонирования, исчез бесследно. Доктор думал уже о куда более приятных вещах – о том, что его ждёт Мэрилин, и о том, что вечер обещает быть замечательным. А когда Чойс подумал о том, что будет ночью, его пробрал озноб от сладостного предвкушения.

* * *

Несколько лет спустя, в другой точке земного шара

Горячий и пыльный ветер не проникал за живую изгородь, обрамляющую территорию «Центра номер 2». Рукотворный рай возник в этом пустынном уголке, словно по мановению

волшебной палочки. Здесь было всё: и огромный бассейн, который справедливее было бы назвать небольшим озером, и рощи зелёных деревьев – их пересаживали целиком, вместе с пластами почвы, на которой они когда-то проросли молодыми побегами, – и уютные дома-коттеджи, оборудованные по последнему слову бытовой техники.

Но главными зданиями Центра были всё-таки лабораторные корпуса, причём кроме двух-трёх надземных этажей они имели ещё и пять-шесть подземных – именно там, под землёй, в основном и священнодействовали люди в белых халатах. Там, в полной недостижимости для любых видов визуального и инструментального наблюдения, творилось невиданное – воплощался в жизнь грандиозный проект, скрытый за безликим названием «Печать».

Меры для сохранения секретности были приняты строжайшие, не говоря уже о том, что живая изгородь обрамлялась металлическими сетчатым забором и широкой контрольной полосой, в любое время суток и в любую погоду насквозь просматриваемой не только глазами людей, но и куда более совершенными и чуткими сенсорами киберсистем. Отпуска не поощрялись (хотя формально и не были запрещены), а чтобы отбить у работающих здесь по долгосрочному контракту людей желание потребовать у начальства этот самый отпуск, был использован безотказный приём – отпускные дни, проведённые на территории Центра, оплачивались в тройном размере.

И это сработало – зачем куда-то ехать, если всё необходимое для отдыха души и тела можно получить здесь же, не выходя за ограду, за которой на сотни километров до ближайшего человеческого жилья тянулась бесплодная пустыня? Подбор кадров был произведён тщательно – почти все работавшие в Центре не имели семей, а семьи тех немногих, у кого они всё-таки были, жили здесь же, на всём готовом и без малейших забот-хлопот. И росли их банковские счета, обрастая новыми нулями и обещая в будущем – уже в недалёком, как всерьёз верили почти все, – безбедную жизнь до конца дней.

Сама работа Центра, скрытого под невинной вывеской «Биологическая лаборатория по изучению редких и аномальных форм жизни» (и многие всерьёз считали, что здесь и в самом деле изучают экзотических тварей вроде загадочных чупакабрас³⁶), была организована таким образом, что каждый из сотрудников владел информацией лишь по узкому диапазону задач, стоящих непосредственно перед ним. Руководители подразделений знали чуть больше, но всё – и то, конечно, далеко не всё – знал лишь узкий круг ведущих специалистов, к числу которых принадлежали профессор Джошуа Райт и его заместитель доктор Люк Чойс.

...Профессор Джошуа Райт стоял у широкого окна своего кабинета и отрешённо смотрел на зелёную лужайку под окнами. Райту было не по себе – те смутные подозрения, которые овладели им ещё тогда, когда Арчибальд Эссенс предложил им с Люком работать над проектом «расы будущего», теперь, по прошествии времени, обрели характер уверенности.

«Так вот, значит, как... – невесело думал Джошуа. – Так вот, значит, что мы должны получить в итоге... Старый осёл! Размечтался – примерил на себя нимб Творца! А на самом-то деле...».

Основания для столь мрачных дум у профессора Райта имелись. Он уже представлял себе, что за «новые люди» должны выйти из первых инкубаторов, смонтированных в самых нижних этажах лабораторных корпусов и прикрытых слоями бетона и брони. Намёк Эссенса на «генную модификацию» обернулся жуткой реальностью, не оставлявшей места каким-либо сомнениям.

Во-первых, у искусственных людей предполагалось приглушить базовый инстинкт самосохранения, дарованный природой для обеспечения выживаемости вида, и сделать их как можно более управляемыми и покорными. Одновременно повышалась физическая выносливость, быстрота реакции и обыкновенная мускульная сила – в ущерб мыслительным

³⁶ Chupacabras – «сосущие коз» (исп.). Таинственные существа, высасывающие по ночам всю кровь из коз и других мелких домашних животных. Сообщений о нападениях чупакабрас в странах Латинской Америки было особенно много в конце XX и в начале XXI века.

способностям и эмоциональной сфере. Такие монстры могли быть только слугами и солдатами – покорными слугами и идеальными солдатами – никакого другого будущего у «новых людей», «генетически модифицированных» именно таким образом, не было, да и попросту не могло быть.

А во-вторых – и это стало окончательным подтверждением – на столе Райта лежал доклад руководителя подразделения, занимавшегося репродуктивными функциями будущих клонов. И в этом докладе было напечатано – Райт сначала даже не поверил собственным глазам, – что подразделению удалось выполнить поставленную задачу: добиться того, чтобы клон внешне получался мужской особью, но не способной к воспроизводству себе подобных. Одновременно предельно – до полного исчезновения – угнетались все эмоции, относящиеся к этой важнейшей области человеческого бытия.

И вывод был прост и очевиден: ни о каких новых *людях* речь не шла. Из инкубаторов «Центра номер 2» – и, как не без обоснования подозревал Джошуа, других подобных центров, созданных господином Эссенсом и его соработниками, – должны были выйти узкоспециализированные биороботы, предназначенные для вполне конкретной цели.

«Наивный мечтатель... – с горечью подумал учёный. – Впрочем, всё это уже было: подобные тебе романтики от науки мечтали о неисчерпаемом источнике энергии, а в итоге получили ядерную бомбу. Ты просто повторил чужую ошибку – люди ведь никогда не учатся на чужих ошибках; они почему-то предпочитают делать свои собственные...».

Все мечты профессора Райта рассыпались в пыль. Не будет никакого терапевтического клонирования, способного помочь людям справиться с множеством болезней путём замены повреждённых органов выращенными на основе ДНК самого больного, как не будет и чудесных воскрешений-воссозданий безвременно умерших на радость безутешным родным и близким. А будет... А вот что будет, это человечество увидит всего через несколько лет. Если, конечно...

Джошуа отошёл от окна, сел за стол и ещё раз быстро перелистал доклад. Задумался, барабанил пальцами по гладкой крышке стола, потом решительно встал и направился к двери.

...Он засиделся за компьютером в своём холостяцком коттедже далеко за полночь. У Райта были диски, на которые он, на правах ведущего специалиста проекта, скачивал базовые данные, касающиеся тех или иных направлений в разработках – в том числе и те, которые оборачивались тупиками. И теперь профессор Джошуа Райт компилировал эти данные, создавая новый массив.

Он закончил работу около двух часов ночи, и некоторое время вызывал на экран те или иные информационные фрагменты, сравнивая их с существующими в реальности и лишний раз проверяя на внешнюю достоверность. Это отняло у Райта ещё около часа времени, однако теперь он был уверен в том, что всё сделано правильно.

Затем профессор набрал код доступа к серверу Центра – он знал этот код, такое знание полагалось Райту по статусу. Надпись «Access permitted»³⁷ появилась на дисплее с секундной задержкой, и профессор немного помедлил, вглядываясь в экран монитора компьютера, словно надеясь увидеть там что-то очень важное.

«Господь бог уничтожил первую женщину – ту, которая была до Евы, – поскольку счёл её неудачной моделью, – мысленно усмехнулся Джошуа. – Ну что ж, последуем примеру Создателя, не сомневаясь в мудрости Его...».

Он помедлил ещё мгновение и решительно нажал «Enter».

Профессор Джошуа Райт сделал свой выбор.

* * *

³⁷ Access permitted – доступ разрешён (англ.)

Доктор Люк Чойс пребывал в полной растерянности. Три дня назад необъяснимо, ничего никому не сказав, пропал профессор Райт, и никто не знал, куда он делся. Не направил же он свои стопы в пустыню, соскучившись по обществу койотов и гремучих змей! Да и выйти с территории Центра незамеченным не смог бы даже человек-невидимка – уж это-то было хорошо известно доктору Чойсу. «Но что могло случиться со стариком Джошуа, – думал Люк, ощущая неприятный холодок, – здесь, в самом безопасном месте на Земле, как любят говорить сотрудники „Биологической лаборатории по изучению редких и аномальных форм жизни“? Неужели... Да нет, такого не может быть...».

А на четвёртый день в Центр прибыл мистер Арчибальд Эссенс, и тут же вызвал к себе доктора Чойса. Люк не видел «заказчика», как они с Райтом называли Эссенса в частных разговорах, с того самого дня, как согласились работать над проектом «Печать» и подписали контракт; и нельзя сказать, что Люк Чойс очень уж сожалел о том, что не видит «одного из правителей планеты» каждый день.

– Садитесь, мистер Чойс, – сказал ему Эссенс, не тратя времени на приветствие. Он совсем не изменился за прошедшие несколько лет, словно законсервировался.

Люк присел на краешек стула, ощущая себя не правой рукой одного из руководителей «проекта века», а провинившимся учеником, вызванным к суровому директору школы.

– Мистер Чойс, – по своему обыкновению, Эссенс сразу же перешёл к сути дела. – Профессор Джошуа Райт, к моему глубочайшему сожалению, – неуловимая пауза, – разорвал контракт, и поскольку вы...

«Не верю! – мысленно закричал Люк – Не верю! Вы его...»

– ...в течение всего времени существования проекта были его заместителем, мы сочли возможным предложить вам теперь занять его место. Мы полагаем, что вы справитесь.

«А что всё-таки случилось со стариком Джошуа?» – чуть было не вырвалось у Люка, но тут он наткнулся на ледяной взгляд Эссенса, и всякое желание о чём-либо спрашивать у него тут же пропало. Да и о чём спрашивать? Всё и так ясно...

– Я-а... не уверен, что справлюсь... – пробормотал Люк, чувствуя себя соучастником преступления.

– Справитесь, – заверил его Эссенс. – Мы считаем – справитесь. А чтобы придать вам больше уверенности в своих силах, – он быстро черкнул что-то на листке бумаги, – ваш должностной оклад отныне будет вот таким – разумеется, со всеми надбавками.

Чойс судорожно сглотнул, увидев цифры, выстроившиеся в очень впечатляющий ряд.

«Живём один раз, – промелькнуло у него в голове, – а за такие деньги...».

– Ну как, – спросил Арчибальд Эссенс, внимательно следя за выражением лица Люка. – Вы согласны?

– Да, – хрипло выдавил тот и снова сглотнул.

– Вот и прекрасно, – подытожил мистер Эссенс. – Да, только одна мелочь, – произнёс он, глядя Чойсу прямо в глаза. – Мы очень надеемся, что вы нас не разочаруете, и... не будете повторять ошибок ваших старших, но... не слишком разумных коллег. Вы меня понимаете, доктор, то есть профессор Чойс?

«В конце концов, – подумал Люк, почти физически ощущая холод глаз „заказчика“, – у меня же просто нет выбора!» – и молча кивнул.

Новоиспечённый профессор Люк Чойс тоже сделал свой выбор.

* * *

«Серая пелена дождя кажется непроницаемой и вечной, существующей с самого Начала Времени. Столицу этой страны можно назвать столицей дождей и туманов, и это будет правдой. Огни гигантского аэровокзала Гатвик безнадежно тонут в мелкой водяной взвеси, которую островитяне называют drizzle. Сырость ползёт, проникает в малейшие щели, и даже в закрытом и утеплённом помещении с микроклиматом пахнет болотом. А если ты привык к

жаркому солнцу родных мест, то тебе тут неуютно вдвойне...

Но сейчас твоё место здесь – потому что именно отсюда, из этой страны вышли те, кто когда-то поставили на колени твой народ и всю твою расу. Мечи воинов не устояли перед градом картечи, дворцы повелителей полумира были разграблены, и ставшие рабами гордые всадники веками гнули спины на торжествующих победителей. Да, предки живущих в этой стране держали весь мир железной рукой, и твои предки склонились перед ними. А наследники былых властителей – те, которые живут сейчас в другой стране, ставшей ныне первой, – замахнулись на большее. Им мало просто покорить, отобрать и заставить работать – они хотят переделать всё и вся под себя, по своему образу и подобию, отнять душу народа и заменить её ярким рекламным видеоклипом...

Но переделать человека – такое под силу одному только богу, а Всевышний не терпит святотатства. Он даст нам силу, и наше знамя, знамя истинной веры, поведёт за собой миллионы и миллионы! И мы вернём себе всё принадлежавшее нам, и возродим наше былое величие! Тем более что у мнящих себя теперешними хозяевами мира есть очень уязвимое место – среди них *всё* покупается, и *всё* продаётся. А это значит, что мы сможем... Ведь деньги у нас есть – чёрная кровь земли нужна всем, и она дорого стоит...».

На смуглом лице человека, сидевшего за столом в маленькой комнатке одной из технических служб международного аэропорта, все эти мысли никак не отражались. Потомок кочевых племён, некогда вышедших из колыбели человечества, спокойно смотрел на нервно расхаживающего перед ним по тесной каморке другого человека, одетого в форму вспомогательного персонала.

«Он согласится – куда он денется! – думал тот, кто сидел, глядя на того, кто метался. – Они слишком любят деньги...»

Человек в униформе резко остановился, хрустнул пальцами и отрывисто спросил:

– Сколько?

– Семнадцать миллионов.

– Долларов? Или евро?

«Жадность пожирает тебя... Твой бог поедает тебя изнутри...».

– Фунтов стерлингов – ведь вы живёте в этой стране. Или в любой другой валюте по курсу. Сорок процентов получите авансом, остальное – после того, как самолёт долетит.

– А гарантии? Где гарантии, что вы меня просто-напросто не прихлопните потом, когда всё произойдёт?

«Бойтесь... Они все хотят красиво жить, а вот красиво умирать они не умеют. Они уже никогда не станут истинными воинами, готовыми жертвовать собой...» – подумал смуглый человек, а вслух спокойно произнёс:

– Вы укажете счёт в любом банке мира, на который мы и осуществим трансферт. Защиту от несанкционированного доступа к счёту выбирайте сами – по вашему усмотрению. Естественно, кроме вас, эти деньги никто получить не сможет. Зачем же нам убивать вас, если деньги мы так и так потеряем? Можете также оставить в ячейке всю информацию о нашем договоре и о нас с тем, чтобы эти сведения стали достоянием спецслужб, если с вами что-нибудь случится. Если вам нужны ещё какие-то гарантии – пожалуйста, мы готовы предоставить вам любые. Мы играем честно – нас интересует только результат.

«Мы и не будем тебя убивать – ты всё равно погибнешь вместе со своей обречённой цивилизацией, когда мы победим...»

Сидевший за столом спокойно ждал, что скажет стоящий перед ним, – он знал, каким будет ответ. Он ждал с терпением, унаследованным от далёких предков, среди которых был и разбойник, больше двух тысяч лет назад погибший от укуса змеи при похищении грязной девчонки из селения на берегу Серединного Моря³⁸. Прошло несколько бесконечных секунд, пока техник лихорадочно обдумывал что-то, и наконец...

³⁸ Роман «Колесо Сансары».

– Хорошо, я согласен. Мои условия...

* * *

– Что вам удалось выяснить, Джейк? – хозяин кабинета поднял глаза.

– Надо сказать, что этот яйцеголовый измыслил весьма хитроумный план, господин Эссенс.

Высокого роста человек, стоящий посередине, излучал почтение, присущее слугам. Но вместе с тем нечто неуловимое, сквозившее в его чертах и в мягко перетекающих движениях, во всей его поджарой, как у хищника, фигуре и в серых холодных глазах, говорило – этот человек далеко не слуга, и даже не заурядный телохранитель, пусть даже высокого класса. Если Арчибальда Эссенса можно было назвать мозгом, то Джейк Блад был боевым кулаком – крепким, надёжным и убийственным кулаком. Эссенс принимал решения – Блад претворял эти решения в жизнь с неотвратимостью ножа гильотины, падающего на шею осуждённого.

– А именно? – уточнил Эссенс, чуть шевельнув бровями.

– Профессор Райт, без сомнения, прекрасно понимал, что примитивное уничтожение части информации, касающейся проекта «Печать», не нанесёт непоправимого ущерба и даже не замедлит хоть сколько-нибудь существенно ход работ. Все материалы многократно дублировались, да и не один только Джошуа Райт представлял себе общий контур проекта в целом. Так что сотри наш свихнувшийся гуманист какой-то файл, пусть даже очень важный, утерянное было бы быстро восстановлено с минимальными потерями времени.

Арчибальд Эссенс кивнул. Он не прерывал Блада, но в его скрытых за стёклами очков водянистых глазах явственно мерцала искорка интереса.

– Наш учёный подготовил информационный пакет, которым намеревался заменить часть результатов. В ходе изысканий рассматривалось множество вариантов, большинство из которых оказывались малоперспективными или даже тупиковыми. И Джошуа Райт хотел умышленно завести всю нашу работу в один из таких тупиков. И надо отдать ему должное, фальшивый блок якобы экспериментальных данных он подготовил весьма умело.

– Талантливый человек, – без всякого выражения произнёс Эссенс. – Жаль, что так вышло – я имею в виду, что он не остался с нами.

– Да, мистер Эссенс, талантливый, – согласился Блад. – Если бы его замысел удался, то года через три-четыре мы получили бы первые пригодные для использования опытные образцы боевых и рабочих клонов, но... со скрытым дефектом. В результате они выходили бы из строя после краткого срока службы, что поставило бы угрозу самой возможности реализации наших стратегических планов. Джошуа Райт собирался заложить под проект «Печать» мину замедленного действия, которая должна была сработать через много лет и разрушить наше начинание. Уместна такая аналогия: при строительстве высокой башни один из кирпичиков на нижних ярусах укладывается чуть-чуть неровно, а после завершения постройки грандиозное сооружение рушится из-за возникшего перекаса. Нам пришлось бы возвращаться и начинать всё сначала – а это очень большая потеря времени...

– ...которого у нас остаётся всё меньше и меньше, – процедил Эссенс.

– Да, мистер Эссенс, – снова подтвердил Джейк. – Слава богу, что мы заранее приняли соответствующие меры предосторожности. Точнее, благодарить надо не господ, а вашу проницательность и предусмотрительность, господин Эссенс.

Хозяин кабинета издал булькающий звук, назвать который смехом мог только тот, кто хорошо знал этого человека.

– Всё повторяется в этом мире, Джейк, – скрипуче произнёс он, оборвав смех. – В середине прошлого века один... гений всех времён и народов тоже выкинул нечто похожее. Если бы ваши коллеги того времени имели чуть больше сообразительности, то мы сейчас обладали бы такой мощностью, перед которой не устоял бы никто и ничто. Но они, к сожалению, были обыкновенными слугами, тупо следовавшими инструкциям и предписаниям. И в

результате тот яйцеголовый – вы знаете, о ком я говорю, – сумел уничтожить очень важные наработки. А жаль, очень жаль... Однако выводы мы сделали, а вы, Джейк, превосходно справились со своей задачей.

– Благодарю вас, мистер Эссенс.

– Не стоит. Я скуп на похвалы, но в данном случае вы эту похвалу заслужили. Эти ваши жадные до денег – и до тех радостей жизни, которые они приносят, – компьютерные умельцы создали великолепный виртуальный «забор». Бедный Джошуа думал, что его фальсификация действительно введена, а на самом-то деле... – и Эссенс снова забулькал.

– На самом деле, – тут же подхватил Блад, – ввод был блокирован до выяснения подробностей, хотя подтверждение на терминал профессора ушло. Мы постоянно следим за всеми работающими в Центрах «мозгами» и за всеми их действиями во избежание ненужных эксцессов. Слишком многое зависит от успеха или неуспеха проекта «Печать».

– Да, – медленно проговорил один из *правителей* Третьей планеты системы Жёлтой звезды, – многое. Очень многое... Благодарю вас, Блад. А что этот наш подвижник?

– Элиминирован – в полном соответствии со стандартом безопасности проекта. Он умер счастливым – будучи уверен, что остановил Зло и облагодетельствовал человечество. Совсем как его тёзка, распятый две тысячи лет назад, – и Джейк Блад позволил себе скупую улыбку.

* * *

Надежность и безопасность – это основные требования, предъявляемые к воздушному транспорту. Люди хотят спокойно долететь туда, куда им нужно, а не грохнуться с огромной высоты в океанские волны или на скалы. С началом террористической войны правила и нормы безопасности ужесточились, и предполётный досмотр сделался крайне придирчивым.

Но никто из пассажиров не роптал на долгое ожидание и кропотливые процедуры, включающие в себя даже снятие обуви и одежды – все хорошо помнили, что случилось в Америке в сентябре 2001-го и в России в августе 2004-го. А безупречная техническая надёжность всех систем авиалайнеров обеспечивалась своевременно производимыми профилактическими работами – такая практика стала общепринятой задолго до трагических событий начала XXI века. В ходе профилактик заменялись даже работоспособные элементы, узлы и блоки, если истек срок их наработки на отказ. Все работы не отнимали много времени – порядок их проведения давным-давно отлажен, и высококлассные специалисты добросовестно отработывали свои солидные зарплаты.

...В пассажирском салоне «боинга» было пусто и тихо. Каждый занят своим делом, и никто не будет смотреть через плечо, что за винт откручивает коллега по ремонтной бригаде – каждый отвечает за свою работу.

Человек в чистом комбинезоне шёл между рядами кресел, поглядывая вверх и сверяясь время от времени с небольшой цветной схемой, которую он держал в руке. В другой руке он нёс объёмистую приоткрытую инструментальную сумку с торчащими из неё рулонами изоляции. Всё изнашивается, и изоляцию тоже надо менять – ведь в небе холодно.

Человек остановился, поставил сумку на пол и начал быстро и привычно снимать секции внутренней обшивки салона и аккуратно укладывать их на заваленные спинки кресел. Начав сверху, он постепенно добрался до уровня овальных бортовых окон, и когда обнажилось достаточное пространство, человек присел на корточки и придвинул к себе сумку.

Тот самый рулон он нашёл среди прочих безошибочно. Прикоснувшись к похожему на небольшой туго свёрнутый плед рулону, человек на долю секунды пожалел, что на руках у него нет резиновых перчаток. Конечно, синтетическая плёнка достаточно прочна, чтобы не порваться от неосторожного движения, но всё-таки... Если то, что там, *внутри*, попадёт на кожу...

Места хватило – размотавшийся рулон, почти неотличимый внешне от любого другого пакета изоляции, лёг ровно. Человек расправил ладонями чуть топорщившуюся поверхность, разгоняя складки, и потянулся за следующим рулоном – всего здесь ему надо было заменить шесть кусков постаревшей и пришедшей в негодность теплоизоляции.

Уложив последний, он окинул взглядом результаты своей работы и остался доволен – «мешок» ничем не выделялся на общем фоне. Дело сделано.

– Эй, как ты там? – окликнули его из соседнего салона. – Не копайся, скоро ланч!

– Заканчиваю! – бросил ремонтник через плечо, не оглядываясь. Руки его, ставившие очередную секцию внутренней обивки салона на место, не дрожали – ведь они выполняли так хорошо знакомую им работу.

* * *

– В течение всех последних десятилетий мы шаг за шагом, медленно, но неуклонно продвигались к нашей Цели – по основному варианту развития событий.

Двенадцать человек, собравшихся в небольшой комнате без окон, внимательно слушали тринадцатого. Где могла находиться эта комната? Да где угодно, в любом укромном уголке на любом из материков планеты, под землёй или даже на дне океана. Или наоборот, в одном из густонаселённых мегаполисов, только в таком районе, куда простому смертному, – пусть даже отягощённому солидным официальным статусом, – хода нет.

– Однако в последнее время обозначилась некая тенденция, весьма опасная, которая не может нами игнорироваться и требует корректировки плана наших действий, – Арчибальд Эссенс – а именно он был тем тринадцатым – сделал паузу. Его не торопили – собравшиеся здесь были единомышленниками и знали, о чём идёт речь.

– Сокращение населения цивилизованных стран, – продолжал докладчик, – совпадает с нашими интересами: меньшим числом людей легче управлять, а вероятность выброса чего-то нежелательного и непредсказуемого пропорционально снижается. Нашему обществу на этой планете и не нужно много людей – справедливость теории «золотого миллиарда» для всех нас сомнению не подлежит. Однако третий мир упорно не приемлет наши принципы, и главное...

– ...они плодятся, как крысы на помойке! – раздражённо произнёс кто-то. Никто из присутствующих не счёл эту реплику нарушением регламента – встреча *правителей* Земли начала XXI века отнюдь не копировала чинные саммиты и прочие тусовки на высшем уровне: здесь вещи называли своими именами, без ненужной траты слов и времени.

– Именно так, – кивнул Эссенс. – Ладно бы, если рост численности населения стран третьего мира ограничивался бы только самими этими странами, но разноцветный поток подмывает устои нашей цивилизации. Они сочатся во все щели, и что самое парадоксальное – мы сами помогаем им в этом.

Человек по имени Арчибальд Эссенс ничуть не сгущал краски.

Белокожие жители Америки и Европы – сытые, здоровые, получившие прекрасное образование, – занимали свои престижные места в офисах банков и компаний, шелестели там клавишами компьютеров, осуществляя самый справедливый делёж всего того, что производилось, покупалось и продавалось во всём мире, и не мыслили себе иной работы. Если по каким-то причинам кто-то из них выбывал из гонки за престижем и становился безработным, он отнюдь не спешил податься в уборщики мусора или в мойщики стёкол, предпочитая жить на вполне приличное пособие и ждать, пока удача снова не повернётся к нему лицом.

А за станками, за рулями тяжёлых грузовиков и автобусов, на стройплощадках и на палубах кораблей, в кассах супермаркетов и в приёмных покоях больниц, за стойками баров и в рецепциях гостиниц белых сменяли смуглокожие люди – иммигранты из Индии и с Филиппин, из Латинской Америки и арабских стран. Они брались за любую работу – ведь

здесь за неё платили так, как никому из них и не снилось у себя дома. И многие оседали здесь, доказывали свою полезность для дальнейшего процветания страны, ставшей им новым домом, и получали её гражданство. И они действительно были нужны – не всем же быть директорами корпораций и топ-менеджерами. И рождались в их семьях дети – много детей, становившихся гражданами по праву рождения. Дети росли, и смотрели на окружающую их роскошь с завистью и жадностью, и ждали своего часа.

«Новые варвары» не штурмовали твердыни белой цивилизации, не взламывали таранами неприступные стены, не забрасывали на зубцы башен крючья верёвочных лестниц. Их пригласили внутрь этих крепостей сами их обитатели – пригласили для того, чтобы варвары подметали двор, чистили котлы на кухне, ухаживали за скотом и прислуживали господам. А потом – потом случилось неизбежное: многочисленные пришельцы заявили о своих претензиях на место под солнцем.

Коренное белое население Америки и всех развитых стран Европы старело. Стариков становилось всё больше и больше, молодых – всё меньше и меньше. По закону всего живого и дышащего старики уходили, уходили рано или поздно, несмотря на все достижения медицины и на увеличение продолжительности срока жизни, и некому было их сменить – у господ было мало детей и ещё меньше внуков, не говоря уже о правнуках.

Всё это было хорошо известно людям, собравшимся здесь, в этой комнате. Знали они и о том, что в итоге изменение демографического состава населения планеты может привести – и, скорее всего, неизбежно приведёт, – и к смене социальных ориентиров, а это уже никак не устраивало *правителей*.

– Если в результате реализации проекта «Печать» – а у нас есть основания полагать, что он будет успешно реализован, – подчеркнул Эссенс, – мы получим работоспособные образчики слуг, проблема рабочей силы будет решена. Тогда мы сможем сосредоточить свои усилия на действиях по основному варианту.

– И ты считаешь, Арчибальд, что варвары на этом успокоятся? Ты забываешь об их экстремистском крыле – о тех, кто уповает не на медленное вытеснение белых, а на оружие, на масштабные террористические акты с применением самых разрушительных средств.

– А это нам на руку, – губы Эссенса исказила его знаменитая псевдоулыбка. – Пусть попробуют! Заявления на правительственном уровне о том, что ответом на террористический акт с использованием оружия массового поражения будет одновременный ядерный удар по всем мусульманским святыням, уже сделано. Руки у нас развязаны, а водородной бомбе как-то безразлично, сколько тысяч – или даже миллионов – людей окажется в эпицентре взрыва.

– Хм-м... Хирургический метод... А что, это мысль, – произнёс тот же голос. – Как показывает история, ответственность за начало войны возлагается не на того, кому эта война действительно была нужна, а на того, кто сделал первый выстрел. Вспомните праведный гнев, охвативший нацию после нападения японцев на Пёрл-Харбор или после 11 сентября, – на таком фоне любые наши ответные действия кажутся оправданными. Я даже считаю, что нашим спецслужбам не грех и чуть расслабиться – пусть прозевает, например, какой-нибудь балкер, гружённый тысячами тонн гексагена под видом цемента и направляющийся в один из наших портов. Пусть будет эффектный бу-у-ум – зато потом...

– Более того, – вмешался другой, – я считаю, что ситуацию надо подтолкнуть. А вдруг экстремисты так и не решатся? Вдруг инстинкт самосохранения, помноженный на здравый смысл, удержит их от такого опрометчивого поступка? Они же далеко не кретины, тем более что наверняка уже просчитали ситуацию и видят, что и так выигрывают демографическую войну! Зачем же им рисковать, провоцируя нас на нажатие ядерной кнопки?

– Соображения насчёт здравого смысла вождей варваров, – сухо уронил Арчибальд, – я считаю вполне обоснованными. Вспомните войну в Ираке – несмотря на громогласные обещания возмездия, «Аль-Кайда» так и не предприняла ничего существенного. Значит...

– ...надо повторить сценарий, – по внешнему виду произнёсшего эти слова было не определить, кто он – бизнесмен, генерал или политик. Может быть, этот *правитель* был един во всех трёх лицах. – К «Оси Зла» причислено немало стран – остаётся выбрать

очередную: например, Иран. Даже кролик, если его долго дразнить, может броситься на человека, а наши противники отнюдь не наделены библейской кротостью и смирением. В конце концов, они не выдержат. А смирятся – тоже неплохо. Вопрос стоит «или – или»: или мы подомнём под себя третий мир и тех, кто ещё грезит о своём собственном пути развития, или нам придётся выжигать густые толпы «новых варваров» атомным оружием. Только так.

– Уничтожать лишних людей так и так придётся, – добавил ещё кто-то. – Избыток населения планеты не соответствует нашим планам. Я считаю, что хирургическое вмешательство просто необходимо. И тогда ваша продукция проекта «Печать», Арчи, будет поистине бесценной – ведь нам понадобятся не только рабочие особи, но и солдаты.

Человек по имени Арчибальд Эссенс молча кивнул – он был полностью согласен с этим высказыванием коллеги-соратника.

* * *

– Самолёты этой авиакомпании выполняют регулярные трансатлантические рейсы. В новых условиях – наши враги многому научились – нашему человеку очень трудно попасть на борт под видом обычного пассажира и практически невозможно пронести туда что-то серьёзное – ни в багаже, ни, тем более, с собой. Значит, надо заложить это «что-то» заранее – во время планового ремонта.

– Задача выполнена? Вы в этом уверены? А если этот тип положил туда пустышку?

– Он всё сделал. Я не говорил ему, что помимо всей прочей начинки, там имеется ещё и пассивный ответчик-индикатор. «Мешок» на борту.

– А если он всё-таки сдал нас и сделал это для отвода глаз, с ведома соответствующих структур? И «мешок» на самом деле уже совершенно безобиден?

– Слишком сложно. Если бы это было действительно так, то нас бы уже арестовали, и средства массовой информации всего мира уже захлёбывались бы от пресс-конференций и от выступлений политиков и военных. Мы искали подходящего человека три года – мы не имели права ошибиться. Мы рассмотрели сотни кандидатур среди тех, кто имеет доступ в ремзоны аэропортов, тщательно изучили биографии, склонности и характеры этих людей. Мы не ошиблись – я уверен в этом.

– Хорошо. Будем считать, что подготовительный этап завершён. Дальнейшее?

– Конструкция «мешка» именно такая, которая была признана оптимальной: плоский пустотелый пластиковый пакет размером не более восьми квадратных футов и толщиной в полдюйма. Фунтовый заряд пластида – этого вполне достаточно, чтобы разнести обшивку, и даже более того. Управляющий микрокомпьютер. Датчик давления. Детонатор. Приёмник радиосигнала – он же активатор программы. И самое главное – маленькие убийцы. Их хватит для умерщвления населения целого города, важно...

– ...чтобы взрыв произошёл на нужной высоте и в нужное время.

– Мы знаем бортовой номер лайнера. Смерть может спать сколь угодно долго – она проснётся, когда получит приказ. Мы отслеживаем расписание – нас интересует не просто город за океаном, но очень важный и густонаселённый город. И вот когда наш «заряженный смертью» самолёт вылетит в такой рейс...

– ...то у побережья Соединённых Штатов его подлёта будет ждать неприметное судёнышко. Кодированный радиосигнал разбудит спящего джинна, и он исполнит нашу волю. Взрыв произойдёт, когда лайнер начнёт снижаться, но будет ещё достаточно высоко, чтобы «зонтик» распылённых боевых вирусов накрыл весь город. Город умрёт, и да будет на то воля Всевышнего!

– А параллельные операции?

– Атомные электростанции и ядерные арсеналы – детали знают те, кто отвечает за подготовку этих ударов. То же относится и к планируемым атакам на Россию и другие европейские страны. Мы выиграем эту войну, потому что противостоящий нам мир гниёт и

умирает – его остаётся только добить!

* * *

...Где-то невероятно далеко и в то же время совсем рядом, на стыке многих измерений, окунувшись в серое и неопределённое нечто, именуемое гиперпространством, подняла голову астральная тварь.

Дракон был изрядно потрепан – в лучшие дни он выглядел куда внушительнее. Однако агрессивности у него отнюдь не поубавилось – астральные твари вообще невероятно живучи.

«Кажется, в этом Мире мне снова найдётся местечко, – размышляла тварь, – и пища для меня тоже найдётся. А что до окраски – красная, коричневая, чёрная – какая разница? Можно выбрать и жёлто-золотистый цвет, тем более что новому астральному хозяину этого Мира по душе именно этот окрас. Думаю, мы найдем с ним общий язык – делить-то нам нечего».

Астральные чудовища, порождаемые злой волей или даже по недомыслию Носителей Разума, не испытывают чувства голода в обычном смысле этого слова. И всё-таки Дракон был голоден – он хотел крови и тех мук разумных существ, которыми сопровождается любое кровопролитие.

« Конец второй книги »

Санкт-Петербург, 2003–2006 гг.